

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 6₍₃₂₎

2002

Л е ш е к К о л а к о в с к и й
Четыре маленьких трактата о том, что волнует каждого

Ян Винецкий: Кто такие антиглобалисты и как они борются?

Анджей Новак: СОБЛАЗНЫ ГЕОПОЛИТИКИ

НАШИ ЛЮДИ: Роман Клузка

Вислава Шимборская о себе, террористах и русских поэтах

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

НОВАЯ ПОЛЬША

ISSN 1508-5589

№ 6(32)
2002
ИЮНЬ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	ЧЕТЫРЕ МАЛЕНЬКИХ ТРАКТАТА <i>Беседа с проф. Лешеком Колаковским</i>	3
	Ян Винецкий ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АБЕРРАЦИЯ	5
	Анджей Новак СОБЛАЗНЫ ГЕОПОЛИТИКИ	8
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	14
	Кристина Курчаб-Редлих ПОЛЬША, РОССИЯ И УКРАИНА ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ	22
	Рафал Писера НАПЕРЕКОР ДЕПРЕССИИ	26
	наши люди ПРИУМНОЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ <i>Беседа с Романом Клуской</i>	29
	Мариола Малецкая ЭМИССАРЫ ИЗ ЭЛЬДОРАДО	32
	НЕТРУДНО БЫТЬ ПРОРОКОМ <i>Беседа с Виславой Шимборской</i>	36
	Вислава Шимборская СТИХОТВОРЕНИЯ	40
	Гжегож Пшебинда СВЕТ С ВОСТОКА	47

	Анджей де Лазари БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ЕВРОПА	52
	Томаш Фиалковский ДВА ЛЕГКИХ	54
	БЫЛА БЫ ИДЕЯ Малгожата Гутовская-Адамчик РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ВОЛОНТЕРЕ	56
	из-под спуда Антоний Кучинский СТАРОПОЛЬСКИЕ СЮЖЕТ В ИСТОРИИ КАМЧАТКИ	61
	газетный киоск Кшиштоф Бурнетко «НАШ ДЗЕННИК»	66
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	69
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	73
	Катажина К. Гарdziна КАК ОБЫЧНО — НЕОБЫЧНО	77

Переводчики: Н.Астафьева, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, М.Никляев, Г.Погожева, С.Тонконогова, С.Филипчак, Е.Шиманская.

Фото ©: Agencja Gazeta - (стр. 3, 22, 23, 36), Z.Furman (стр. 7), М.Т.М. (стр. 29), J.Budzyński (стр. 77, 78).

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Ключовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер (зам. гл. редактора)
Кристина Пашек (секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих (зам. гл. редактора)
Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: _____ (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: _____ (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: _____ powpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: _____ 280-83-52
e-mail: _____ mik@mecom.ru

Издатель

ВИБЛИОТЕКА NARODOWA
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
и Национального Наследия
Республики Польша

ЧЕТЫРЕ МАЛЕНЬКИХ ТРАКТАТА

Беседа с профессором Лешеком Колаковским

ПОНЯТЬ ТЕРРОРИСТОВ?

— *Сегодня в мире все чаще говорится о глобальной ответственности, о том, что к раздраженности бедных государств надо относиться с пониманием. Не приходим ли мы к выводу, что терроризм был частично спровоцирован политикой богатого Запада?*

— Самая глупая реакция на то, что произошло 11 сентября, — заявлять (иногда с видом меланхолического мудреца): «Все мы виноваты». Таким же успехом можно сказать: «Никто не виноват». Если никто не виноват, нет смысла рассматривать эту проблему в категориях добра и зла. Другая формулировка завуалированного оправдания массовых убийств такова: «Да, теракты — это плохо, но необходимо выяснить их причины». Выражение «необходимо выяснить причины» в буквальном смысле — просто бессодержательная банальность: разумеется, все события имеют свои причины, и неплохо было бы их выяснить. Но го-

товы ли те, кто бросается подобными словами, одновременно сказать: «Да, пакт Риббентропа — Молотова и раздел Польши 1939 года — это плохо, но необходимо выяснить их причины», — или: «Газовые камеры — это плохо, но необходимо выяснить их причины»? Может, само выражение «необходимо выяснить причины» и можно назвать тривиально справедливым, поскольку оно годится на все случаи жизни, но исходя из этого очень легко без дополнительных объяснений перейти от «причин» к основаниям, а далее — к резонным основаниям. Значит ли это, что резонные основания имеет под собой всё, включая гитлеровский геноцид и сталинские чистки?

Мусульманский терроризм — это не реакция на бедность исламских стран; это выражающаяся через религию ненависть к западной цивилизации, которая оказалась необычайно эффективной. Не знаю, почему ислам, долгое время остававшийся творческой закваской цивилизации в искусстве, философии и поэзии, погрузился в дремоту на столько веков вплоть до сего дня. Я не слышал о том, чтобы так называемое мусульманское возрождение опиралось на серьезное культурное творчество; у меня такое впечатление, что оно опирается на нефтедоллары.

АНТИГЛОБАЛИЗМ

— *После краха коммунизма многим кажется, что в мире воцарилась единая всемогущая либеральная система. Как расценивать достижения идеологов, критически относящихся к капитализму, глобализации и потребительству?*

— Борьба с глобализацией — это безнадежный и бессодержательный лозунг подростков. Глобальную сеть связи и информации невозможно

уничтожить. Да, это правда: все мы жертвы различных манипуляций, осуществляемых крупными корпорациями и финансовыми центрами, а также политически управляемыми СМИ. Правда и то, что потребительское безумие грозит всей структуре цивилизации. Выкрики против капитализма ничего не изменят: капитализм — это рынок, а рынок может быть упразднен только с помощью тоталитарного насилия коммунистического типа со всеми его последствиями. Сам по себе, автоматически, рынок не решает многих важных человеческих проблем — культурных и социальных. Он должен быть контролируемым — с этим, пожалуй, согласны все. Все мы также с большой тревогой смотрим на разрушение традиционных добродетелей и ценностей. К сожалению, от всего этого нет институциональных лекарств. Если бы у меня был рецепт спасения мира, я бы, уж поверьте, не стал утаивать от человечества своих открытий. Я готов слушать и других, предлагающих нам другие рецепты, но пока что оттуда не слышно почти ничего, кроме крика.

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ

— Появятся ли на месте скомпрометировавших себя идеологий новые ценности или хотя бы иначе сформулированные идеологии?

— Универсальные идеологии, претендующие на то, чтобы решать все человеческие проблемы с помощью нескольких простых лозунгов, похоже, в самом деле вымирают. Такой идеологией был коммунизм, и шансов на его возрождение, слава Богу, весьма мало. Мало, но все же они не нулевые. В жизни великих религий, включая христианство и иудаизм, заметно оживление политической энергии, хотя только ислам развил эту тенденцию в крупном масштабе. Будут ли другие религии в состоянии взять на себя роль универсальных идеологий — не знаю, но если бы это произошло, над цивилизацией нависла бы ужасная опасность. Возможно, мы просто не нуждаемся в уни-

версальных идеологиях: эффективны (вспомним мысль Поппера) не утопические технологии, а попытки частичных, компромиссных решений.

СОЦИАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

— Может ли огромная часть человечества по-прежнему жить в крайней нужде и не проявлять агрессии по отношению к Западу?

— Неравенство существует всюду, в том числе и в относительно обеспеченных западных обществах, а лозунг абсолютного равенства — не что иное, как программа тоталитарного рабства. Конечно, трудно не заметить, что известный футболист зарабатывает в неделю в два или четыре раза больше, чем медсестра или учитель в год (и это отнюдь не самые высокие доходы), однако, мне не кажется, что это может вызвать революционные волнения в странах, где элементарные потребности удовлетворены. Медсестра или учитель живут скромно, иногда бедствуют, но все-таки не испытывают голода или недостатка в элементарных благах. Так называемое перераспределение благ в цивилизованном мире осуществляется с помощью прогрессивного подоходного налога, а не путем большевистского призыва «грабь награбленное», следствием которого были разруха и нищета всего народа. Нам часто приходится читать о том, как помощь, предоставленную бедным странам, разворовывают правящие клики. Это неизбежно происходит там, где нет демократических институтов или где они существуют только на бумаге. Что касается богатых стран, где нет демократии, зато есть нефть, то было бы неплохо, если бы они показали, что часть головокружительных состояний, которые правящий класс тратит на сказочно роскошную жизнь и дорогих проституток в Лондоне, они готовы выделить на помощь настоящим беднякам, хотя бы только в «братских» мусульманских странах без нефти.

Беседу вел Марек Рыбарчик, Би-Би-Си

Ян Винецкий

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И АБЕРРАЦИЯ

Антиглобалисты сегодня в моде, по крайней мере — в средствах массовой информации. В связи с проведением экономического форума в Нью-Йорке и «антифорума» в Порту-Алегре (Бразилия) «политкорректные» СМИ натешились вволю. В «Газете выборчей», начиная с некоторого времени шагающей в первых рядах сторонников политкорректности, можно было прочесть, что «бизнесмены покорно выслушивали обличения и поучения Боно, руководителя и солиста рок-группы «U-2», который уже на протяжении ряда лет борется за уменьшение пропасти между богатыми и бедными странами мира». Самоуверенность журналиста, абсолютно убежденного, что бизнесмены в это время действительно размышляли о том, что плетет им какой-то эстрадный идол, действительно поражает...

МИР КРИКУНОВ И МИР РЕАЛИСТОВ

На первых страницах газет и в телевизионных новостях развевались сотни красных флагов, мелькали скрещенные «серпы и молоты», портреты Че Гевары и тому подобная левая символика. В реальном же мире, а не в мире журналистской фикции, пропорции между сторонниками и противниками глобализации уже иные. В том же номере «Газеты выборчей» философ Лешек Колаковский осторожно пишет, что ему не приходилось слышать от противников глобализации иных аргументов, кроме общих фраз и разбитых витрин. Но уже вполне недвусмысленно он высказывается о противниках капитализма: «Капитализм — это рынок, а рынок может быть упразднен только с помощью тоталитарного насилия со всеми его последствиями. Поэтому лозунг врагов капитализма должен был бы звучать примерно так: «Мы хотим освобождения, то есть угнетения и нищеты»».

Мир крикунов отличается от реального мира не только способом представления в газетах или по телевидению, но и подлинной, действенной мо-

щью. На следующих газетных полосах, в отделе экономической жизни, мы читаем о новых зарубежных инвестициях и сожалеем, что такие фирмы, как «Тойота» или «Пежо», предпочли Чехию, а не Польшу. Именно там будут созданы несколько тысяч полноценных, хорошо оплачиваемых рабочих мест (а быть может, и больше, если к этому добавятся производители комплектующих деталей и узлов). Впрочем, если бы антиглобалисты были способны размышлять (а не только реагировать), возможно, они задумались бы, почему различные страны стремятся привлечь зарубежные инвестиции. Причем это относится как к бедным странам или странам среднего достатка, так и к самым богатым. Правительство штата Северная Каролина инвестировало в инфраструктуру и систему образования почти 200 млн. долларов только для того, чтобы привлечь инвестиции немецкого концерна BMW. Неужели правительства захотели бы сами способствовать обнищанию собственного населения?

ФИЛОСОФИЯ ЭСТРАДНОГО НЕДОУЧКИ

Приведем еще один парадокс. Из цитированной выше политкорректной писанины мы с интересом узнаем, как упомянутый Боно старается уменьшить пропасть между бедными и богатыми. И самым смешно, и гостям развлеченные, как красочно выражались герои рассказов Веха. Все «старания» новоявленного борца за справедливость ограничиваются тем, что на некоторых из своих концертов он выкрикивает антикапиталистические или антилиберальные лозунги! Но фактически те самые бизнесмены, которых Боно поучал с высот собственного невежества, как раз и способствуют подлинному сокращению упомянутого разрыва, когда решают построить филиал своей фирмы в какой-ли-

бо бедной стране. Ибо экономисты констатируют, что даже бедные страны извлекают из этого сравнительную выгоду, получая возможность производить что-либо дешевле. Именно так начинали будущие знаменитые «тигры»: Гонконг, Тайвань, Корея или Сингапур.

Интересно, что в Польше с выгодами от торговли хорошо знакомы, например, районные или городские защитники прав потребителей, но совершенно незнакомы ученые интеллектуалы. В связи с теми же форумом и «антифорумом» политолог Мартин Круль заявил в газете «Жечпосполита»: антиглобалисты справедливо полагают, что глобализация счастья с собой не несет, а польские симпатии к ней основаны на «ложном и эгоистичном убеждении, что нам удастся присоединиться к тем, кто извлечет из нее выгоду».

ОТКРЫТАЯ ЭКОНОМИКА, ИЛИ БОГАТСТВО

Оставим пока в стороне вопрос о счастье и присмотримся поближе к аргументам (или скорее к лозунгам) антиглобалистов. Лозунг первый: глобализация приводит к обнищанию населения, в особенности населения бедных стран. На самом деле глобализация — это не что иное, как расширение числа стран с открытой экономикой и вытекающие отсюда возможности свободного обращения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы таким образом, словно государственных границ не существует. Обвинение антиглобалистов бьет мимо цели, ибо исторические и современные данные ясно свидетельствуют, что открытая экономика всегда функционировала лучше, чем та, где применялись меры защиты от конкуренции. Причем это относится как к богатым, так и к бедным странам. Открытая Западная Германия до-

стигла гораздо более высокого уровня зажиточности населения, чем закрытая стеной коммунистической подозрительности ГДР, хотя историческое прошлое у обеих стран было одинаковым. Точно так же уровень жизни в Южной Корее в несколько раз выше, чем в КНДР. Отчаянно бедный Гонконг после II Мировой войны превратился в страну с классической либеральной экономикой, тогда как Китай параноидального Мао Цзэдуна пошел в противоположном направлении. И каков же результат? Под конец XX века уровень ВВП на душу населения в Гонконге был в 25 раз выше, чем в КНР! Добавим, что с 1978 г., то есть после смерти Мао, Китай постепенно открывается к внешнему миру (впрочем, только в экономическом отношении), и несмотря на это ему еще предстоит преодолеть огромное расстояние, отделяющее его от промышленно развитых стран.

ОТКРЫТАЯ ЭКОНОМИКА, ИЛИ ЗАБОТА ОБ ЭКОЛОГИИ

Лозунг второй: глобализация способствует загрязнению и уничтожению природной среды. И опять мимо цели. Статистика показывает, что уровень загрязнения окружающей среды тем выше, чем ниже уровень экономического развития. Исходные причины уничтожения природной среды

**...ГЛОБАЛИЗАЦИЯ — ЭТО НЕ ЧТО ИНОЕ,
КАК РАСШИРЕНИЕ ЧИСЛА СТРАН
С ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКОЙ
И ВЫТЕКАЮЩИЕ ОТСЮДА
ВОЗМОЖНОСТИ СВОБОДНОГО
ОБРАЩЕНИЯ ТОВАРОВ, УСЛУГ,
КАПИТАЛОВ И РАБОЧЕЙ СИЛЫ
ТАКИМ ОБРАЗОМ,
СЛОВНО ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ГРАНИЦ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.**

— бедность и невежество. По мере обогащения страны (что зависит в свою очередь от степени либерализации рынка и от открытости к окружающему миру) уровень загрязнения снижается; уменьшается и относительное потребление природного сырья на душу населения. Единственным исключением из этого правила были коммунистические страны, где индустриализация происходила при отсутствии стимулов, способствующих экономному расходо-

ванию ресурсов. До сегодняшнего дня остатки этой системы можно наблюдать в «заповедниках коммунизма» — в Белоруссии, Северной Корее или на Кубе.

ОТКРЫТАЯ ЭКОНОМИКА, ИЛИ СВОБОДА

И, наконец, третий лозунг: глобализация угрожает свободе. И опять-таки вначале следует договориться: о какой именно свободе идет речь — экономической, политической, свободе научных исследований? Но независимо от того, о какой свободе мы говорим, она возрастает вместе с открытостью общества. Чем больше открыта страна в экономическом отношении, тем больше вероятность того, что вместе с товарами в нее будут проникать новые политические, социальные и прочие идеи. Этот процесс был неустанным кошмаром коммунистических властей и по-прежнему остается им, например, в КНР, где правители ломают себе голову над тем, как ограничить контакты со странами с открытой экономикой исключительно импортом станков с числовым программным управлением — но без либеральных идей.

Эту закономерность можно отметить не только в отношении сходящего с мировой сцены коммунизма. Открытость внешнему миру оттого связана с политической свободой, что последняя изобретена западным миром, откуда и распространяется по всему миру. Тираны вроде Саддама Хусейна в Ираке, фанатики-аятоллы в Иране или генералы с левыми убеждениями в Бирме предпочитают держать свои

страны в изоляции, чтобы быть уверенными, что их подданные не получат интеллектуальной или даже политической поддержки с Запада.

АНТИГЛОБАЛИЗМ, ИЛИ ДИКТАТУРА

У антиглобалистов есть одна общая со всеми диктаторами черта: враждебное отношение к капитализму, то есть к экономической свободе, и к либерализму — то есть к свободе политической. Представители этого течения идеологически или интеллектуально не отличаются от сторонников волны иррационального левачества, которая прокатилась через Запад в 60-70-е годы. Антиглобалистская волна схлынет точно так же, как схлынула и ее предшественница. Караван будет идти дальше, потому что это выгодно идущим, которых сегодня к тому же гораздо больше, чем было в то время.

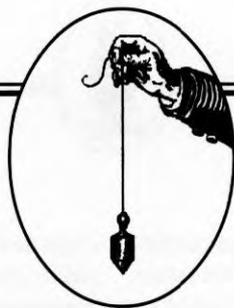
Дело в том, что реальный мир отличается от мира, который нам показывают СМИ. На нью-йоркском форуме президент сети кафе быстрого обслуживания «Макдональдс» обратил внимание, что, когда на предыдущем форуме в Сиэтле газеты захлебывались, описывая выходы двух тысяч хулиганов-антиглобалистов, в кафе «Макдональдс» (весьма частых объектах их нападков) в этом же городе побывало 175 тысяч посетителей. Таким образом, подавляющее большинство голосовало своими кровными деньгами за «Макдональдс»...

Wprost

«Вprost», 24.03.2002

*Ян Винецкий, выдающийся ученый,
один из основателей
и ректор польско-немецкого
университета Виадрина
во Франкфурте-на-Одере,
публицист, сотрудник
еженедельника «Вprost».*

Анджей Новак

СОБЛАЗНЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Что такое геополитика? Если даже бегло просмотреть различные издания на эту тему, предлагаемые в любом крупном московском книжном магазине, то от обилия определений может закружиться голова. Чаще всего возобновляемая монография Александра Дугина «Основы геополитики» (насколько мне известно, она выдержала уже четыре издания) отвечает на поставленный вопрос серией метафор. Особенно порадовала меня фраза из предисловия к 3-му изданию (1999), где автор поясняет читателю, что «геополитика — это пучок исторических интуиций, связанных предвкушением познания реальности в каком-то новом, небывалом аспекте». Однако несколькими страницами ниже Дугин уже вполне твердо уточняет: «Геополитика — это наука править».

В эпоху постмодернизма наука, которую можно определить как «пучок интуиций, связанных предвкушением познания реальности», вполне могла бы проторить себе путь на университетские кафедры самых прогрессивных высших учебных заведений Америки и Западной (и даже Восточной) Европы. В России геополитика этот путь уже с успехом прошла. Она стала общепринятой и официально одобренной дисциплиной академической науки. В распоряжении студентов — богатый выбор учебников по этому новому (обновленному?) предмету. К ним относятся, например, учебник К.С.Гаджиева «Введение в геополитику», рекомендованный министерством высшего образования РФ для студентов, изучающих политологию, международные отношения, историю, социологию и право; учебники Н.А.Нартова для студентов всех экономических специальностей и Ю.В.Тихонравова для студентов вообще всех высших учебных заведений, одинаково называющиеся «Геополитика». Как видно, в геополитике каждый может подыскать себе что-нибудь по вкусу.

Некоторые из перечисленных авторов — как, например, Гаджиев — пытаются отмежеваться от метафорических изысков Дугина и вытекающих из них идеологических выводов и защищают геополитику как научную дисциплину, имеющую свой предмет и методику его исследования, подчиненную общепринятым законам логики. Никто, однако, не ставит под сомнение тесную связь так или иначе понимаемой геополитики со вторым из приведенных выше определений Дугина: как «науки власти» и «для власти». Речь идет о познании «сокровенных тайн власти», о власти в ее глобальном измерении. Это-то и делает геополитику столь популярной (сравнительно с другими науками) в России после падения Советского Союза.

Геополитика — это искушение тех держав, которые пытаются сохранить свои империи. Она бывает также эрзацем идеологии в тех державах, которые уже утратили свои империи, но еще не нашли своего места в международных отношениях.

О том, что геополитика популярна в России не как академическая дисциплина, а именно как идеология, как новое «великое учение», занявшее место потрепанного «научного коммунизма», свидетельствуют многочисленные ссылки на нее в программных выступлениях политиков на первых страницах газет.

Плавный переход от одной идеологии к другой лучше всего олицетворяет вождь российских коммунистов, все еще один из самых популярных российских политиков Геннадий Зюганов. Он сознательно взял на себя труд превращения своего «пучка геополитических интуиций» в новый источник идеологической энергии прежних адептов марксизма-ленинизма. Свои концепции он представляет читателям в выходящих одна за другой книгах: «География победы. Основы российской геополитики» (М., 1998) и «Россия — Родина моя» (М., 1998). Однако как мыслитель он не слишком оригинален и амбициозен в своих замыслах: он лишь мечтает о возврате России к прежней роли одной из сверхдержав. После усиления за счет внедрения самой передовой техники с Запада Россия (вернее, империя прежнего СССР) должна была бы вернуть себе — как во времена Сталина и Рузвельта — статус одного из «мировых полицейских», оберегающих нашу планету от хаоса.

Владимир Вольфович Жириновский, еще не так давно лидер второй после коммунистов крупнейшей политической партии России, тоже заявил о себе как автор геополитических концепций. Главным его достижением в этой области остается изданная еще в 1993 г. книга «О судьбах России. Последний бросок на юг». Здесь Жириновский скорее следует идее договора, который Гитлер предлагал Молотову во время визита председателя Совнаркома в столицу Третьего Рейха в ноябре 1940 года. По этим планам Россия, вновь объединенная в империю, должна была занять большую часть территорий Ближнего и Среднего Востока, тогда как Европа, сплоченная вокруг Германии, — Африку, США — Латинскую Америку, а Китай и Япония — Дальний Восток. Владимир Вольфович, в отличие от множества других поборников России как мировой империи, не стремится к договоренности с арабским миром против Запада, но, наоборот, видит в нем главного врага, который может объединить Россию с Западом в союзе «Севера» против взбунтовавшегося, фундаменталистского, исламского «Юга». Особенно сильно ненавидит Жириновский Турцию и ее тюркоязычных соплеменников из Средней Азии, рассматривая их в качестве первоочередной угрозы геополитическому положению России. При этом, однако, вождь российских «либерал-демократов» готов заключить тактические союзы с Ираном, а также с Ираком и Ливией.

Добавим, что место Польши в столь колоссальных планах, составленных с подлинно планетарным размахом, не столь уж и важно. Жириновский то требовал возвращения России ее исторических владений — территории прежнего Царства Польского (впрочем, на основании аналогичных исторических «прав» он требовал возвращения России Финляндии и даже Аляски), то — в интервью с корреспондентом варшавской «Политики» (1992, 11 ноября) — возвращался к извечной в истории российской мысли теме польской неблагодарности. Поляки, видите ли, неспособны по достоинству оценить роль России как щита, обороняющего слабосильное польское племя от опасностей, грозящих ему как с Дальнего Востока (монголы в XIII в., китайцы — в XXI-м), так и — в первую очередь — с Запада, то есть со стороны Германии. «Лучше жить в Российской империи, чем продаваться немцам»

Жириновского и Зюганова — хотя ими можно пугать не только маленьких детей — все-таки не считаешь серьезными мыслителями, и они вряд ли останутся в золотом фонде российской интеллектуальной истории. Под вопросом стоит и их роль в реальной политике, проводимой Россией, в особенности на международной арене. Означает ли это, что геополитика в России — лишь проходящая интеллектуальная мода, идеологическое чудачество нескольких по сути дела не слишком вредоносных политических шутов?

Чтобы дать ответ на этот вопрос, нельзя не вернуться к Александру Дугину. Похоже, он всерьез рассчитывает на прочное место в истории российской мысли — и многие наблюдатели интеллектуальной жизни Москвы в последние годы готовы это место за ним закрепить. Более того, Дугин, по-видимому, всерьез верит, что излагаемые им геополитические «интуиции» вскоре станут основой официальной государственной политики России, когда их внедрит туда железной рукой Владимир Владимирович Путин.

Сорокалетний автор «Основ геополитики», председатель секции «Центр геополитических экспертиз» экспертно-консультативного совета по проблемам национальной безопасности при Государственной Думе и личный советник председателя Думы Геннадия Селезнева, весьма быстро прошел весь путь, ведущий к этим чинам и должностям. Начал этот путь Дугин в 80-х годах с контактов с западноевропейскими «новыми правыми», обращавшимися к традициям фашизма (трудно себе представить, чтобы в то время эти контакты могли осуществляться без благословения КГБ), затем был членом центрального совета национально-патриотического фронта «Память», членом Национал-большевистской партии Лимонова, а весной 2001 г. основал общественно-политическое движение «Евразия». При спонсорской поддержке министерства обороны и небезызвестной компании «Русское золото» Дугин не только опубликовал более десятка своих книг, где геополитическая проблематика сочеталась с метафизикой секса, но и сумел создать собственное издательство «Арктогея» и выходящий с 1992 г. журнал «Элементы».

Сам он без малейших сомнений приписывает себе роль «крестного отца» геополитического возрождения в России. В беседе с корреспондентом польского ежеквартальника «Фронда» (2001, №23/24) Дугин с характерной для себя скромностью заявляет: «Я интеллектуально оплодотворил почти всю

политологическую элиту в России. Такие термины, как «геополитика», «евразийство», «мондиализм», «антиамериканизм», «геоэкономика», «новые правые» или «третий путь», ввел в публичный дискурс именно я. Сам язык нашей элиты — как левой, так и правой — постепенно проникся моими идеями».

Относительно терминов, якобы изобретенных Дугиным, спорить не приходится. Правда, Льва Гумилева мог бы повергнуть в изумление тот факт, что не он, а Дугин припомнил теорию «евразийцев», а редакторы газеты «Монд» (и, собственно, все пишущие на политические темы французы) были бы весьма удивлены тем, что, употребляя чисто французский термин «mondialisme» (по-русски именуемый «глобализмом»), они говорят на языке Дугина. Противники гегемонии washingtonского «Большого Брата», жгущие американские флаги в самых разных уголках земного шара, наверняка не знают, что термин «антиамериканизм» тоже «ввел в публичный дискурс» Александр Гелиевич. Впрочем, вместо того, чтобы вести бесплодный спор о превосходстве Ломоносова над Лавуазье, займемся более оригинальными идеями, на самом деле принадлежащими автору «Основ геополитики». Поляки к этим идеям присматриваются с нескрываемым любопытством.

Почему? Быть может, потому что мы вообще любим «страшилки» как жанр: нам просто нравится, когда нас пугают. А уж Дугин пугает нас куда убедительней, чем какой-то там Жириновский. О месте, которое выпало на долю Польши в дугинском варианте смертельной схватки «Моря» (или «атлантистов» — во главе с Америкой) и «Суши» (читай «Евразии» — разумеется, во главе с Россией), уже неоднократно писали краковский журнал «Аркана», варшавская «Фронда» и «Польский пшеглэнд дипломатичный». Так что здесь мы напомним лишь важнейшие черты этой апокалиптической картины, отказавшись от воспроизведения всех ее впечатляющих, но второстепенных метафизическо-эзотерических элементов.

Роль главного супостата в этой картине играют Соединенные Штаты, а основная цель — ликвидация их мирового господства. Для этого Россия должна возродить свою имперскую сущность в качестве «евразийской» сверхдержавы. Однако «атлантический» враг слишком силен, чтобы Россия была в состоянии одолеть его в одиночку. Поэтому ключ к победе в том, чтобы привлечь на свою сторону других партнеров на территории Евразии как союзников в борьбе против Америки. В Центральной Азии такой партнер — Иран (совместно с которым Россия могла бы контролировать беспокойный, но стратегически важный Кавказ, к которому, как известно, тянутся щупальца США), а на Дальнем Востоке — Япония (вырванная из-под американского влияния, она бы тем самым решительно ослабила могущество «атлантизма» на Дальнем Востоке, и вместе с тем позволила бы России противостоять угрозе, связанной с демографической и экономической экспансией Китая в Восточной Сибири). Но важнейшим союзником в этой схватке будет Европа. Лишенный опоры на западном побережье Евразии, американский «атлантизм» будет обречен на поражение. Таким образом, Дугин рассчитывает на углубление интеграции Евросоюза, следствием чего станет ослабление связей с Вашингтоном, а затем — нарастание реального конфликта (вначале экономического, а вскоре после этого и стратегического) между сверхдержавами, находящимися по разные стороны Атлантического океана. Новым гегемоном в Европе станет, разумеется, Германия — и Россия должна будет вступить с ней в союз. Именно на возрожденной оси «Москва — Берлин» и будут решаться судьбы народов Центральной и Восточной Европы. Малые страны, которым Версальский договор уже отводил роль «санитарного кордона», отделяющего Россию от Европы, а в особенности от Германии, по замыслам американских стратегов конца XX века вновь должны (так считает Дугин) играть эту роль. Следовательно, эта преграда должна быть разрушена.

Заметим в скобках, что нарком по делам национальностей И. В. Сталин задолго до Дугина почти в тех же терминах сформулировал стратегические цели советской политики по отношению к Центральной и Восточной Европе вообще и к Польше — в частности. Сталин в то время, еще на пороге 1919 г., подводил пропагандистскую базу под будущую агрессию против Польши. Он назвал тогда Польшу «средостением», которое Красная армия должна устранить на пути к совместному европейскому дому с Германией. Тогда большевистская пропаганда называла Польшу «китайской стеной» или «стеной контрреволюции», которую «империалисты» воздвигли для того, чтобы отгородить друг от друга пролетариат России и Германии. Не знаю, известно ли это Дугину, но уверен, что он наверняка гордился бы подобной генеалогией своих метафор и идей, относящихся к Центральной и Восточной Европе.

Дугин хотел бы прежде всего ослабления традиционной религиозно-культурной самобытности Польши, которая не позволяет ей ни примириться с господством православной России, ни окончательно раствориться в Европе, где доминирует Германия. В прошлом Польша пыталась предотвратить грозящие ей разделы путем расширения своего цивилизационного пространства на восток — заключив унию с Литвой. Эта перспектива раздражает Дугина сильнее всего. Он рекомендует всячески разжигать любые конфликты в отношениях Варшавы и Вильнюса, а в обеих странах хотел бы прежде всего подрубить их католические корни (с этой целью он ищет в них «внутренних» союзников — от сторонников светской социал-демократии до всевозможных национальных и религиозных меньшинств, вплоть до неоязыческих кругов). В конце концов Польша должна будет сделать выбор: либо с Россией, либо с Германией (Европой). Она наверняка выберет Европу — что у Дугина вовсе не вызывает беспокойства, и не только потому, что в его планах Европе отведена роль антиатлантического союзника России. Поглощение Польши и ее южных соседей Европейским союзом создаст новую, прочную границу на востоке Евросоюза. За этой границей окажутся Белоруссия и Украина: для них никакой альтернативы, кроме скорейшего воссоединения с Россией, уже не останется. А именно это Дугин считает ключевым моментом возрождения имперской мощи России. «Единство любой ценой!» — вот лозунг, с помощью которого Дугин хочет решить проблему отношений России и Украины. Ибо реальная интеграция постсоветского пространства — неременное условие того, что Россия станет лидером в борьбе с американским господством, лидером «нового порядка» в Европе и во всем мире. Это уже не «пучок интуиций». Это *arcana imperii* — «сокровенные тайны власти».

Вдохновленные идеями своего духовного вождя, приверженцы геополитических спекуляций иногда дописывают отсутствующие в сочинениях самого Дугина детали «окончательного решения» польского вопроса. К примеру, некто В. Горный, публикующийся в выходящем в Интернете геополитическом обозрении «Полярная звезда», вслед за Дугиным исходит из того, что Польша не сумеет осуществить интеграцию с Европой ввиду своего традиционного недоверия к Германии и реального конфликта с западными соседями. Одновременно он предполагает, что Польша сама не откажется от своего традиционного «*Drang nach Osten*» — то есть от попыток формировать свою сферу политического и цивилизационного влияния (основанного на католицизме) в Белоруссии и на Украине. Разумеется, это создаст почву для сближения между Россией и Германией. Решением проблемы станет новый раздел Польши — осуществленный путем образования неких «евроландов», а затем провозглашения их автономии. При этом утрата Польшей ее западных земель в пользу Германии должна идти параллельно с возникновением новых «ландов» («земель») на восточных территориях Польши. Их можно было бы создать, опираясь на белорусское и украинское национальные меньшинства, в географической полосе, проходящей от Белостока через Хелмское воеводство вплоть до территорий Прикарпатья, населенных украинцами и лемками. Особенно любопытно, что автор этих спекуляций предполагает также, что «автономизация» подобных «евроландов» могла бы иметь место и в западных областях Украины и Белоруссии. Это позволило бы России одновременно решить две проблемы: во-первых, освободиться от бремени не желающих интеграции с ней элементов в братских славянских республиках и, во-вторых, путем передачи этих территорий (вместе с расположенным вдоль Вислы карликовым польским государством) под фактический протекторат Германии и возрождения давней географической концепции, известной под названием «*Mitteleuropa*», еще прочнее втянуть своего берлинского партнера в сотрудничество в рамках «антиатлантического» союза.

Можно ли представить себе Владимира Путина в роли исполнителя этого блистательного плана? Могут ли подобные бредни стать основой реальной российской политики в XXI веке? Мы задаем эти вопросы вполне серьезно — и это чрезвычайно раздражает тех наших русских друзей, которые не желают иметь с Дугиным ничего общего. Когда представителям либеральных политических верхов России задают вопросы о Дугине, Жириновском или Лимонове, они обычно снисходительно пожимают плечами: все это, мол, маргиналы, не имеющие никакого политического веса, самое большее — стоящие особняком примеры традиционно русского политического юродства. Наверняка они правы — но не полностью. В кругах, где формируется реальная политика России, лишь немногие окажутся сторонниками «консервативной революции», к которой призывает Дугин, не встретишь и привержен-

цев его «Метафизики Благой Вести», а российским МИДом руководят вовсе не придуманные Александром Гелиевичем «гамплиеры пролетариата». И отнюдь не все втайне мечтают о конфронтации с Америкой — некоторые предпочитают с ней договариваться. И все же существует область, где идеи Дугина смыкаются с идеями, исповедуемыми по меньшей мере значительной частью, а быть может, даже и подавляющим большинством интеллектуальной «базы» российской реальной политики. Именно эта область нас больше всего и интересует: это Восточная Европа, Центральная и Восточная Европа и, наконец, просто Европа.

Если мы возьмем в руки, например, престижный ежеквартальник московских либералов-государственников «Pro et Contra», издаваемый московским Центром Карнеги (то есть как-никак за американские деньги¹), или не менее престижный ежедвухмесячник «Полис», издаваемый, в свою очередь, Фондом Горбачева, то обнаружим в них рассуждения и идеи, выводы из которых в отношении «ближнего зарубежья» окажутся слишком уж схожими с концепциями Дугина и его сторонников. Константин Плешаков, один из первых глашатаев возрождения в России «серьезной» геополитики, обсуждает на страницах «Pro et Contra» — как и вышеупомянутый В. Горный — возможность отделения от России не только Прибалтики, но и «Галиции». Эта последняя по причине своей «русофобии» мешает остальной части Украины примириться со статусом российской «полукolonии». По Плешакову, возрожденная российская империя не должна быть обращена против Запада, но, наоборот, должна стать своего рода «мостом», способствующим проникновению западной цивилизации в Азию (а также в такие страны, как Белоруссия или Украина). В этом Плешаков наверняка отличается от Дугина. Но насколько велико окажется это отличие для тех украинцев или белорусов, которые все же не согласились бы, чтобы их страны имели статус российской полукolonии — пусть даже полукolonии просвещенной России? Рядом, в том же номере «Pro et Contra», другой известный публицист, Алексей Миллер, обращает внимание на необходимость создания на Украине такого уклада политических сил, который бы «всерьез и надолго» сделал невозможным ее самостоятельный поворот в сторону Запада. По его мнению, на политической сцене Украины должны — при содействии России — доминировать исключительно те партии, которые выступают за возможно более тесные связи между Киевом и Москвой.

Далее на страницах «Полиса» Константин Сорокин размышляет о будущем стран бывшего советского блока в Европе. И в этом контексте он не без некоторого характерного злорадства опять-таки предсказывает, что в самом ближайшем будущем страны этого региона столкнутся с проблемами, связанными с тем, что им будет трудно согласиться с ведущей ролью, которую будет играть новый европейский (германский) гегемон. Их интеграция с Европейским союзом, по мнению автора, в конечном счете выгодна России. Евросоюз — не враг России, ее враг — это НАТО. Реальной угрозой для России было бы лишь постоянное пребывание на территории Польши или ее южных соседей войск США. А Польша, которая не была надежным союзником СССР, не будет им и для НАТО.

В издаваемом ИНИОНОм ежеквартальнике «Актуальные проблемы Европы» видный аналитик Д.А. Данилов обратил недавно внимание на «позитивную тенденцию» — ту самую, которую предвидел и теперь, вероятно, с удовлетворением отмечает также Дугин. А именно: события 1999-2000 гг. (и это впечатление наверняка усилилось бы после 11 сентября 2001-го) сделали еще более наглядной очевидную эрозию НАТО как военного пакта при одновременной тенденции придания Евросоюзу не только экономической, но и военной самостоятельности. Дело, по всей видимости, идет к тому, что пути Европы и Америки (после столь длительных ожиданий Москвы) начинают расходиться. Поэтому вступление Польши или даже всей Центральной и Восточной Европы в Евросоюз перестает быть с точки зрения России существенной стратегической проблемой. А Евросоюзу придется всеми силами преодолевать экономическую неэффективность своих восточных сателлитов, то есть практически взять на содержание все эти, как элегантно выражается по-английски Сорокин, «failed nations» («провалившиеся нации»).

Добавим, что подавляющее большинство либеральных российских политологов с нескрываемым удовольствием цитируют труды англосаксонской социологии наций, где говорится об искусственном характере национальных сообществ, о том, что за лозунгами национального самоопределения обычно

¹ Московский Центр Карнеги был основан «Фондом Карнеги за международный мир» в 1993 году. — Пер.

кроются интересы узких, а то и просто маргинальных групп интеллигенции. Но весьма характерно, что при этом они всегда имеют в виду не Россию, а те народы, которые от России пытаются отделиться. На фоне всех этих цитат из Б.Андерсона, А.Смита, Э.Геллнера и Э.Хобсбаума отчетливо проступает мысль: в империи было лучше, и лучше в этот утраченный рай вернуться.

Как пронзительно заметил главный редактор «Полиса» Борис Межуев, внутри российской политической верхушки вообще не имеет значения деление на «либералов» и «державников» — и те, и другие в конечном итоге придут к согласию, когда речь пойдет о величии России, — а принципиально лишь деление на «евразийцев» (сторонников борьбы с Западом, с Америкой, опираясь на союзы с азиатскими державами или с «цивилизационным пролетариатом» Третьего мира) и «атлантистов» (готовых реставрировать могущество России скорее в сотрудничестве с Западом, опираясь на его цивилизационные образцы). Эти две геополитические ориентации взаимно исключают друг друга.

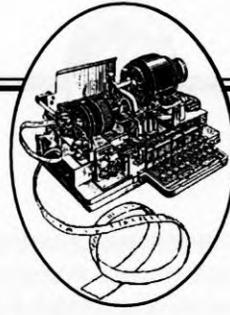
Наверняка дело именно так и обстоит — с точки зрения самих русских. Однако если стать на точку зрения восточноевропейских «failed nations», на точку зрения Киева или Минска (а может, и Варшавы?), то так ли уж для них важно, какая Москва возьмет ли на себя бремя ответственности за их будущее — «атлантическая» или «евразийская»? Конечно, и для нас эта разница кое-что значит. Но все-таки важнее было бы освобождение воображения российских политических верхов от шор геополитики, от власти пространства над их мышлением. Было бы совсем хорошо, если бы в России термины «либерал» и «державник» означали двух совершенно разных людей — по крайней мере до тех пор, пока в русском языке слово «державка» ассоциируется с владычеством над другими народами. А геополитика, будь то «атлантическая» или «евразийская», останется лишь властью пространства — то есть пустоты — над человеком. Ибо такова ее природа, унаследованная от матери — Урании.

Никто не сформулировал этого точнее, чем великий русский поэт Иосиф Бродский в своем гимне «К Урании»:

*Пустота раздвигается, как портьера.
Да и что вообще есть пространство, если
не отсутствие в каждой точке тела?
Оттого-то Урания старше Клио.*

Не благодаря географии, не благодаря геополитике Россия находится в Европе, но благодаря таким людям-творцам, как сам Бродский, как его наставница Ахматова, как Мандельштам или покровитель их всех — Пушкин. Иногда даже они уступали соблазну «пучка» геополитических «интуиций», но не благодаря этим «интуициям», а вопреки им Россия может дать нечто важное остальному миру — миру, не выкроенному в соответствии с искусственными геополитическими схемами, миру людей, а не пустых пространств.

Анджей Новак, один из крупнейших знатоков польско-российских отношений, главный редактор общественно-политического журнала «Аркана». Его новая книга «Три России» посвящена политике Пилсудского в период становления польского государства (1918-1923).

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

◆ «Спустя два года после французской революции свершилась бескровная революция в Польше, увенчавшаяся принятием конституции 3 мая [1791 г.]. В период ослабления бдительности будущих захватчиков [Пруссии, Австрии и России — перед третьим разделом Польши] польские патриоты решились реформировать общественно-политическую систему Речи Посполитой. Воля к возрождению Польши, выраженная в мудрых положениях основного закона, выходила навстречу новым временам» — сказал примас Польши кардинал Юзеф Глемп во время торжественной закладки первого камня храма Провидения — благодарственного приношения за вновь обретенную независимость. Церемония прошла в 211-ю годовщину принятия первой польской конституции. (*«Газета wyborча», 4-5 мая*)

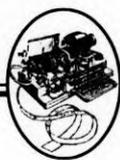
◆ День Конституции отмечался во многих городах Польши. Однако национальные флаги были вывешены лишь на главных зданиях. В деревнях и маленьких городках флагов почти не было видно. (*«Жечпосполита», 4-5 мая*)

◆ Тадеушу Мазовецкому, первому некоммунистическому премьер-министру возрожденной Польши, исполнилось 75 лет. «После Мазовецкого никто уже не осуществлял столь глубоких перемен. Не было другого такого последовательно «декоммунизатора»... Правительство Мазовецкого ликвидировало все пээнэровские орудия порабощения — цензуру и карательный аппарат (...) обеспечило полякам плюрализм (...). Оно полностью переориентировало польскую внешнюю политику (...). Вице-премьер Лешек Бальцеревич воссоздал в Польше рыночную экономику и добился такой неслыханной по тем временам вещи, как конвертируемость злого». (*Тадеуш Романовский, «Газета wyborча», 18 апреля*)

◆ Эва Мария Слаская, живущая в Берлине: «Обе страны [Польша и ГДР] распрощались со Вторым [социалистическим] миром одновременно. Поляки оказались перед лицом мира, в котором их ничто не защищало, но никто ничего и не запрещал. Поэтому они восприняли новую ситуацию в ду-

хе высвобождения инициативы. Немцы из бывшей ГДР вошли в состав богатого западного государства, в котором, согласно обещаниям политиков, они должны были получить все, хотя было заранее ясно, что никто этих обещаний не сдержит. 1989 год стал в Польше годом приглашения к активности, в бывшей же ГДР способствовал пассивности (...) Первая заметная разница между Польшей и бывшей ГДР — это улыбки. В Губине, Костшине и Згожельце люди улыбаются, в Губене, Кице и Гёрлице — ходят угрюмые (...) В городах по польскую сторону границы кипит жизнь, пусть все еще убогая. Немецкое приграничье превратилось в безлюдную пустыню, населенную неудачниками и проигравшими. Когда в 2001 г. канцлер Шрёдер приехал в Бранденбург, он услышал, что на Одере все ждут вступления Польши в Евросоюз — быть может, тогда ускоренное развитие польской стороны передастся и немцам». (*«Ньюсуик-Польша», 21 апреля*)

◆ Более ста тысяч эмигрантов из Вьетнама, Китая, Лаоса, Нигерии, Турции и Сирии занимаются в Польше бизнесом или накапливают капитал на создание собственной фирмы. Иммигранты не предъявляют требований к государству. Часто они занимаются тем, чем не хотят заниматься поляки, работая по двенадцать с лишним часов в сутки. Для них не существует понятия «нет резона». Они не требуют налоговых и таможенных льгот. Принадлежащие им предприятия — это здоровая, полностью соответствующая условиям свободного рынка часть польской экономики. Целых 25% переселенцев с Дальнего Востока предназначают заработанные в Польше деньги на образование. Вьетнамские дети принадлежат к числу лучших учеников. Почти все они прекрасно говорят по-польски. Вьетнамцы пользуются устоявшейся репутацией честных людей. Они в 60 раз реже, чем поляки, входят в конфликт с законом. В фирмах, принадлежащих иммигрантам, работают полмиллиона поляков. (*«Впрост», 14 апреля*)

◆ Ольга Гжибовская, родом из Москвы: «Когда в октябре 2000 г. я приехала работать в вашу столицу, она поразила меня своей тишиной, ужасающими тротуарами и хаотической застройкой (...). В газетах можно было прочитать, что на молокозаводе в йогурт попала мышь, что реформы идут хуже, чем предполагалось, что протестующие крестьяне высыпали несколько вагонов импортного зерна. Ни тебе политических убийств, ни взрывов жилых домов, ни даже взяточничества в приличном (миллионы долларов) масштабе. Конечно, взяточничество есть (как может его не быть в славянской стране?), но и оно выглядит совсем по-другому. Например, когда полицейские хотят получить взятку за превышение скорости, они так вежливы, что просто невозможно не дать. Другой мир». (*«Ньюсуик-Польша», 14 апреля*)

◆ Петр Вежицкий, главный редактор «Газеты польской»: «Когда в канун весны 1993 г. начали выходить первые номера «Газеты польской», нас распирал полемический задор. Образ Польши, вырисовывавшийся тогда в других СМИ, был безоблачен: счастливый народ, участвующий в процессе системных преобразований под водительством великих авторитетов. В наших текстах вырисовывался иной образ: несчастный народ, управляемый коалицией заурядных прохвостов. Прошло несколько лет, и мы сменили тон (...). Ради всего святого, ведь мы же свергли коммунизм, у нас есть независимая Польша, свободные выборы, плохо работающая, но в меру нормальная демократическая система, свобода слова; мы можем ездить по всему миру, мы вошли в НАТО, достигли таких успехов, о которых даже не мечтали, — и что же, все это, по-нашему, чушь, потому что нам не нравится какое-то там правительство? Может, нам еще присоединиться к тем, кто все громче вздыхает по коммунистическому счастью и благосостоянию, а в Третьей Речи Посполитой видит кульминацию всех несчастий и мук нашего народа? (...) делать нечего, пришлось притормозить». (*«Жечпосполита», 18 апреля, перепечатка из «Газеты польской»*)

◆ Вот уже полтора десятка лет в Польше продолжается беспрецедентный бум высшего образования. В 2002 г. мы вступили со 116 государственными и 227 негосударственными вузами (не считая высших государственных профессиональных училищ, которых в настоящее время 25, а так-

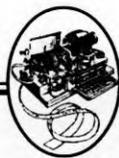
же военных училищ, находящихся в ведении министерства внутренних дел и администрации). В текущем 2001/2002 учебном году во всех польских вузах учится в общей сложности свыше 1,685 млн. человек, т.е. в четыре раза больше, чем в 1988/1989 учебном году, когда в Польше было 90 вузов. (*«Политика», 20 апреля*)

◆ Каждый абитуриент из деревни, где раньше был госхоз, поступив на дневное отделение вуза, будет получать стипендию в размере 380 злотых, учрежденную Польско-американским фондом свободы, Польским национальным банком, управлением аграрной собственности Государственной казны и Академией развития филантропии. (*«Ньюсуик-Польша», 14 апреля*)

◆ Свыше 33 тыс. учащихся из бывших госхозов получают стипендии в размере 250 злотых, учрежденные управлением аграрной собственности Государственной казны. (*«Газета wyborча», 26 апреля*)

◆ На протяжении последнего десятилетия число библиотек уменьшилось с 40 до 25–28 тысяч. Библиотеки закупают все меньше книг. Ликвидируются в первую очередь библиотеки в маленьких городках и деревнях. Вместе с тем все больше людей посещают библиотеки, растет число взятых книг, хотя главным образом это школьные и вузовские учебники. (*«Жечпосполита», 26 апреля*)

◆ Тадеуш Мазовецкий: «После выборов, в связи с тем, что в парламент вошли две крайние группировки: «Самооборона» и «Лига польских семей» (в общей сложности 20% мандатов), вопрос об угрозе демократии встал перед нами остро, как никогда (...) Опросы показывают, что Анджея Леппера [лидера «Самообороны»] поляки видят скорее защитником слабых и обличителем прежней политической элиты, нежели угрозой демократической системе (...) Недооценке серьезности ситуации способствует и то, что правящий «Союз демократических левых сил» [СДЛС] входит с «Самообороной» в парламентские соглашения. На ее грубые заявления он реагирует только тогда, когда сам подвергается нападкам (...) у политиков и партий нет чувства служения государству и обществу, зато у них есть чувство собственной выгоды (...) Изменение отношения к государству — вопрос ключевой (...) Мы все еще неспособны понять, что государство — наше общее благо». (*«Тыгодник повсехный», 28 апреля*)

◆ Анджей Леппер с трибуны съезда «Самообороны», на котором его вновь избрали председателем партии: «Воры Бузека [прежнего премьер-министра] украли 100 млн. злотых. Бальцерович не просто должен уйти [один из любимых лозунгов «Самообороны»] — он должен весь остаток жизни провести в лагере принудительного труда. Калиновский [вице-премьер, председатель Польской крестьянской партии] — предатель Польши, распродает польскую землю (...) Все вы должны слушать Леппера». Одновременно Леппер пообещал многочисленные уличные демонстрации, в результате которых он придет к власти. (*«Политика», 13 апреля*)

◆ Политики «Унии свободы» направили в Генеральную прокуратуру заявление о преступлении: в одном из лодзинских тиров была вывешена мишень с портретом Лешека Бальцеровича. «Можно не без оснований опасаться, что подобные действия будут вести к унижениям, избиениям и стрельбе в людей. Стрельба в изображение человека — это не просто очередная выходка, свидетельствующая об одичании нравов. Это преступление», — написано в заявлении, которое подписали, в частности, Тадеуш Мазовецкий, Марек Эдельман и председатель «Унии свободы» Владислав Фрасынюк. (*«Жечпосполита», 10 апреля*)

◆ На последнем собрании Епископата произошел существенный перелом по двум вопросам: европейской интеграции и «Радио Мария». Эти два отдельных с виду вопроса тесно связаны между собой, и по обоим большинство епископов высказались четко и ясно. Польская Церковь решила поддержать интеграцию и разорваться, наконец, с радиостанцией редемптористов (...) «Поддержка, которую «Радио Мария» оказывает крайне антиевропейской группировке «Лига польских семей», чрезвычайно опасна», — сказал епископ Тадеуш Перонек, ректор Папской богословской академии в Кракове. (*«Газета wyborча», 9 апреля*)

◆ Проф. Ян Винецкий из университета Виадрина во Франкфурте-на-Одере: «Рост налицо. Симптомы улучшения экономической конъюнктуры начинают укладываться, как кусочки головоломки. Прямо как в учебнике по экономике». (*«Ньюсуик-Польша», 12 мая*)

◆ «Команда [премьер-министра] Лешека Миллера имеет реальный шанс войти в историю как правительство, обеспечившее стране продолжи-

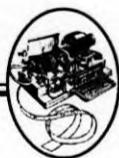
тельное экономическое процветание (...) Воспользуется ли Миллер этим шансом? Если он реформирует государственные финансы, уменьшит затраты на оплату труда и возобновит процесс приватизации, что рекомендует Международный валютный фонд, то добрые времена наступят быстрее и продлятся дольше (...) В Сейме ждет рассмотрения проект либерализации Трудового кодекса, в необходимости которого удалось убедить часть профсоюзов. Принятия ожидают также несколько десятков законов, которые должны облегчить процесс трудоустройства и создание предприятий, ликвидировать бюрократические препоны и упростить налоговую систему». (*Дариуш Стасюк, «Ньюсуик-Польша», 12 мая*)

◆ Уровень инфляции, составлявший в 1989 г. 20-30% в месяц, к 2001 г. снизился до 4% в год. Доля депозитов в валовом национальном продукте за то же время возросла с 10 до 39% ВВП. (*«Впрост», 14 апреля*)

◆ «Успехи в экономических преобразованиях, обеспечившие нам мировое признание, были достигнуты главным образом в начале 90-х благодаря усилиям двух кабинетов — последнего коммунистического правительства Мечислава Раковского и первого некоммунистического — Тадеуша Мазовецкого (...) В дальнейшем решимость на пути к нормальности слабла с каждым годом (...) Плоды первых реформаторских начинаний были проедены, от очередных реформ — когда для них настал подходящий момент — отказались, чтобы не рисковать потерей поддержки избирателей. Все это привело к высокой безработице и кризису государственных финансов (...) пожалуй, самая опасная болезнь — это утрата чувства общего блага (...) Государство воспринимается как благо ничейное». (*Рафал А. Земкевич, «Жечпосполита», 13-14 апреля*)

◆ В прошлом году поляки аннулировали 438 тыс. страховых полисов. Отказов от страхования было в 4 раза больше, чем годом раньше. В то же время страховые общества продали 619 тыс. новых индивидуальных полисов. В общей сложности свою жизнь застраховали свыше 4 млн. поляков. (*«Политика», 20 апреля*)

◆ Число работников государственной администрации в Польше составило (в тысячах): в 1993 г. — 337; в 1998 г. — 431; в 2001 г. — 521. За этот

же период число безработных возросло с 2,89 до 3,115 миллиона. («Впрост», 14 апреля)

◆ Более 20 млн. поляков получают разного рода пособия. Для 10 миллионов это единственный или главный источник дохода. На обеспечение пособий работают 14 млн. трудоустроенных налогоплательщиков. В бюджете на 2002 г. расходная статья «социальное обеспечение» (14,6 млрд. злотых, т.е. свыше 10% доходов госбюджета) оказалась на втором месте после обязательного социального страхования (53,1 млрд. зл.). По разным расчетам, сумма необоснованно предоставленных пособий составляет ежегодно от 6 до 17 млрд. злотых. («Политика», 27 апреля)

◆ «Наши профсоюзные деятели не хотят, а политики не осмеливаются (...) признать, что трехмиллионная безработица — следствие слишком высоких зарплат, социальных пособий и налогов, отпугивающих инвесторов». (Вацлав Вильчинский, «Впрост», 28 апреля)

◆ 300 фирм, фондов, общественных организаций, обществ и т.п. уполномочены Национальным бюро по трудоустройству осуществлять посредничество в трудоустройстве населения в Польше и за границей. Оценить число незаконных посредников практически невозможно. Часто такие посредники обещают найти работу, требуя вперед определенную сумму, а затем исчезают вместе с деньгами. Многие безработные в надежде получить работу рискуют потерять 100-200 злотых, а иногда и больше. «Отдам ежемесячно 25% заработков за трудоустройство за границей», — подобные объявления появляются в польских газетах все чаще. («Политика», 13 апреля)

◆ Может ли 20-процентная безработица стать спасительной для рынка рабочей силы? Наконец-то поляки перестали предъявлять к работе чрезмерные требования. 69% безработных согласны на любую работу, 67% готовы сменить профессию. 54% согласны работать ночью, 52% — в воскресенье, а 30% не станут возражать против переезда в другую местность. В прошлом году работу сменили 1,6 млн. человек, причем половина из них одновременно сменила место жительства. Целых 69% работающих опрошенных согласны занять более низкую должность, а 63% из них — работать за более низкую зарплату. 51% всех опрошенных отдают себе отчет в том, что

завышенные требования могут стать причиной потери работы. («Впрост», 5 мая)

◆ Фрагмент интервью с Марек Дыдухом, новым генеральным секретарем СДЛС: «70% наших активистов — совершенно новые люди (...) В течение последних трех месяцев в СДЛС вступило 20 тыс. человек. Теперь у нас около 150 тыс. членов». («Жечпосполита», 15 апреля)

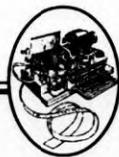
◆ Юзеф Олексы (СДЛС), бывший премьер-министр: «В правящей партии всегда наблюдается приток новых членов (...) В партию вступают самые разные люди. Некоторые — затем, чтобы как-то пристроиться, воспользоваться положением». («Жечпосполита», 29 апреля)

◆ Президент Александр Квасневский: «Если генеральный секретарь СДЛС Марек Дыдух говорит, что в партию власти приходят люди, которые не появлялись годами, ожидая лучших времен, а теперь хотят оказаться у кормушки и еще немножко повластвовать, то это, несомненно, опасное явление». («Политика», 4 мая)

◆ «В последнее время законодательная власть заинтересовалась еще одной невероятно важной проблемой, а именно магазинами «second hand». Говорят, что с 1 июля должен вступить в силу запрет на торговлю подержанной одеждой. И правильно. Я, однако, предлагаю законодателям не ограничиваться одеждой, а пойти дальше и запретить торговлю чем бы то ни было подержанным: автомобилями, компьютерами, мебелью и т.д., а также отважиться сделать следующий шаг, т.е. запретить участвовать в общественной жизни подержанным людям». (Мартин Круль, «Тыгодник повсехный», 28 апреля)

◆ В этом году выпускники Национальной школы государственной администрации — элитарной академии, готовящей аполитичных чиновников, — не могут устроиться на работу в государственные учреждения. Депутат Людвик Дорн из партии «Право и справедливость» потребовал у правительства объяснений, почему на высшие административные должности назначаются люди, не принадлежащие к Гражданской службе. («Газета wyborча», 19 апреля)

◆ «В польской политике сторонников приобретает тот, кто раздает должности. А ключ к тысячам постов (не только в правительстве, но и в государственных компаниях) — у Лешека Миллера». (Дорота Мацея, «Впрост», 28 апреля)

◆ «В Польше действует свыше двух тысяч предприятий государственного сектора. Их правления и контрольные советы — это 25 тыс. должностей. Одни только зарплаты их членов ежегодно обходятся налогоплательщикам в 3 млрд. злотых, но это лишь малая часть того, что мы платим на содержание государственной собственности». (Бронислав Вильдштейн, «Жечпосполита», 24 апреля)

◆ «Все больше средств и времени приходится тратить в Польше на взыскание долгов. В правительственной программе поддержки предпринимательства об облегченной процедуре взимания долгов нет ни слова. В чем же дело? Власти тянут сколько могут, потому что, помогая фирмам, они нанесли бы ущерб себе и бюджету. Государственные предприятия должны контрагентам более 31 млрд. злотых. Если бы им пришлось урегулировать задолженности, они бы, скорее всего, обанкротились, а их многотысячные коллективы перешли бы на содержание государства». (Марек Рабий, «Ньюсуик-Польша», 5 мая)

◆ Из доклада министерства государственной казны о 22 крупнейших и самых известных государственных предприятиях следует, что их потери составляют сотни миллионов злотых, некоторые же из них вследствие просчетов в управлении оказались на грани банкротства. («Жечпосполита», 8 мая)

◆ Прокуратура ведет следствие по делам 14 из 22 компаний и предприятий, перечисленных в докладе министерства государственной казны. («Жечпосполита», 9 мая)

◆ Государственная задолженность Польши возросла со 167,2 млн. злотых в 1995 г. до 283, 9 млн. злотых в 2001-м. («Впрост», 28 апреля)

◆ «Министр экономики Яцек Пехота признал, что правительство Лешека Миллера сознательно исключило из принципов государственной энергетической политики пункт, гарантировавший Польше поставки газа непосредственно из альтернативных России источников (...) Правительство Миллера до сих пор не добилось изменений в польско-российских газовых контрактах, которые дают нам право приобрести лишь 2,9 млрд. кубометров газа из существующей нити Ямальского газопровода (...) Одни из этих контрактов позволяют нам получать газ только из газопровода, который еще не проложен. Другие вынуждают платить за огромные количества российского газа,

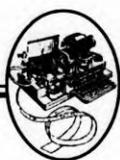
независимо от того, есть ли у нас возможность принять его». (Анджей Кублик, «Газета wyborча», 26 апреля)

◆ «Гражданин М.» в постановке Яцека Гломба — это спектакль, в основу которого легла биография Лешека Миллера. Однако прежде всего это иронический портрет типичного пээнэровского партийного лидера, вновь пришедшего к власти. («Газета wyborча», 8 апреля)

◆ Из письма, направленного канцелярией премьер-министра в министерство сельского хозяйства по вопросу об экспорте живых лошадей на убой: «Ввиду массовых протестов и широкой огласки, которую получило это дело, представляется необходимым рассмотреть целесообразность сохранения подобного экспорта». В декабре прошлого года маршал Сейма получил 250 тыс. протестов. Польское посольство в Великобритании было буквально засыпано письмами и e-mail'ами. Десять лошадей из транспорта, предназначенного на убой, удалось спасти 16-летнему Кубе Стемпняку из Гданьска за деньги, полученные от концерта «Животное — тоже человек». Выкупленные Кубой раненые и больные лошади были направлены на лечение, после которого они будут служить больным детям для гиппотерапии. Ежегодно Польша экспортирует на убой около 85 тыс. лошадей. Их транспортировка длится 95 часов. По докладам Высшей контрольной палаты, почти в 42% транспортов попадают раненые, больные или издохшие лошади. Несмотря на то, что ветеринары обязаны усыплять умирающих лошадей, они требуют за это взятку у экологов, дежурящих на итальянской границе. («Газета wyborча», 22 апреля)

◆ Премьер-министр Лешек Миллер: «Каждый может убедиться в том, сколь опасна монополия на СМИ. Монополист может манипулировать общественным мнением и распространять только те взгляды, которые выгодны ему. Конечно, я имею в виду монополиста, владеющего общепольской газетой, общепольским радио и телевидением. Против такого рода монополий и направлена та часть законопроекта, где говорится о рассредоточении капитала». («Газета wyborча», 9 апреля)

◆ Адам Михник, главный редактор «Газеты wyborчей»: «Монополия означает исключительность. Если «Газета wyborча», одна из многих газет, купит в будущем одну из многих общенацио-

нальных радиостанций и одну из многих телевизионных программ, то она будет не монополистом, а, наоборот, элементом плюралистической действительности, т.е. полной противоположностью монополии. Поэтому законопроект не преграждает путь монополиям, но наносит удар по плюрализму и свободе СМИ». (*«Газета выборча», 9 апреля*)

◆ «Предпринятая правящими левыми попытка дополнения закона, обеспечивающего порядок в работе радио и телевидения, вызвала в Польше бурю (...) под угрозой оказалась вся сфера свободы СМИ (...) под видом борьбы с монополиями может образоваться сверхмонополия, зависящая от нынешних властей радио и телевидения — тех СМИ, которые имеют решающее влияние на взгляды и убеждения». (*Кишиштоф Готсман, «Жечпосполита», 12 апреля*)

◆ «В схватке с частными СМИ Лешек Миллер использует те же аргументы, к которым прибегал Владимир Путин, когда хотел усмирить критикующих его журналистов». (*Эндрию Нагорский, «Ньюсуик-Польша», 21 апреля*)

◆ Фрагмент заявления польского МИДа: «Министерство иностранных дел с беспокойством наблюдает за ходом очередной попытки властей Белоруссии ограничить свободу слова в этой стране. Судебный процесс, возбужденный против журналистов независимой газеты «Пагоня», а ранее обстоятельства, в которых минские власти добились закрытия газеты, несомненно свидетельствуют о том, что свобода слова, один из основных столпов демократии, в Белоруссии систематически нарушается». (*«Газета выборча», 9 апреля*)

◆ Фрагмент заявления Дариуша Шимчиха, статс-секретаря канцелярии президента: «От имени канцелярии президента Республики Польша выражаю глубокую озабоченность репрессиями, примененными властями Белоруссии к независимой газете «Пагоня», ее издателям и журналистам». (*«Газета выборча», 8 апреля*)

◆ Российские погранслужбы отказали в праве на въезд в Россию епископу Ежи Мазуру, главе недавно созданной католической епархии с центром в Иркутске. О причинах отказа не сообщается. Епископ Мазур возвращался в Иркутск из Варшавы, имея при себе действительную визу. (*«Жечпосполита», 20 апреля*)

◆ «Когда в Иркутске проходит демонстрация против польского экспансионизма — это в лучшем

случае чудачество. Поляки попадали туда исключительно в роли ссыльных. Они были каторжниками, а не агрессорами». (*Ежи Помяновский, «Впрост», 5 мая*)

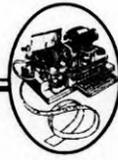
◆ «В понедельник в Москве российская милиция отобрала паспорт еще у одного польского духовного лица, францисканца Дамиана Степеня. Сотрудники милиции смяли документ и выбросили его в урну. «Один из милиционеров продырявил ручкой пленку на странице с фотографией, из-за чего теперь документом невозможно пользоваться», — сказал брат Дамиан. Францисканец заявил о случившемся в милицию». (*Славомир Поповский, «Жечпосполита», 24 апреля*)

◆ В Щецине полтора десятка молодых людей пыгались нарушить ход православной пасхальной заутрени. «Думаю, что это хулиганская выходка, а не организованное возмездие за отказ впустить в Россию епископа Мазура», — сказал настоятель прихода святителя Николая Чудотворца о. Павел Стефановский. (*«Газета выборча», 6 мая*)

◆ К четырем годам лишения свободы и разжалованию приговорил Варшавский окружной военный суд подполковника Чеслава В., обвиненного в шпионаже в пользу СССР и России. (*«Тыгодник повсехный», 21 апреля*)

◆ Работа в советском судебном аппарате после агрессии СССР против Польши 17 сентября 1939 г. была коллаборационизмом — так постановил Верховный административный суд. Это решение лишает права на пенсию, в частности, судей и прокуроров, которые с 17 сентября 1939 г. до конца 1956 г. служили в органах НКВД или других советских карательных органах, действовавших против польского народа и государства. В суде речь шла о прокуроре на пенсии из Белостока, который с мая 1940 до июня 1941 г. работал в Брестском народном суде. (*«Жечпосполита», 23 апреля*)

◆ В 90-ю годовщину со дня рождения Льва Копелева: «Во время военного положения Копелев (...) устраивал мероприятия в поддержку «Солидарности» (...) Его квартира [в Германии] стала местом встреч активистов «Солидарности» на Западе. Он неутомимо писал лидерам «Солидарности» обнадеживающие письма, которые тайком ввозили в Польшу журналисты и студенты (...) с напряжением и восхищением он следил за сообщениями о

переломе на берегах Вислы. Наконец он осуществил свою давнюю мечту и приехал в Варшаву — как раз на свое 80-летие, 9 апреля 1992 г., — чтобы принять участие в «Неделе совести», конференции, организованной центром «Карта», на которую были приглашены представители организаций «Мемориала» из бывших советских республик (...) Копелев, русский еврей, был большим другом как немцев, так и поляков». (Томас Урбан, «Газета выборча», 8 апреля)

◆ **Высшая школа предпринимательства и управления ввела новую программу курсов менеджмента для дипломированных специалистов на русском языке. Школа планирует вести курсы в сотрудничестве с МГУ им. Ломоносова. Шефство над курсами взял президент Александр Квасневский.** («Газета выборча», 19 апреля)

◆ На Украине действует более 700 предприятий с участием польского капитала. Торговый советник посольства Польши в Киеве советует польским предпринимателям создавать на Украине фирмы в соответствии с местным законодательством и нанимать местных же рабочих, так как это выгоднее, чем инвестировать в Польшу. («Впрост», 21 апреля)

◆ Из письма президента Александра Квасневского к участникам конференции «Поляки — украинцы. 1939-1947», организованной Институтом национальной памяти: «55 лет назад, 28 апреля 1947 г., началась бесславная операция «Висла» (см. статью в предыдущем номере «Новой Польши». — *Ред.*), ставшая символом всякого зла, причиненного украинскому населению Польши тогдашними коммунистическими властями (...) С точки зрения целостности польского государства можно понять необходимость военных действий против украинского партизанского движения (...) Однако они не могли быть оправданием жестокого усмирения украинских деревень, а тем более насильственного выселения ста с лишним тысяч мирных жителей (...) Операция «Висла» и все бездушные действия властей по отношению к украинскому населению должны быть недвусмысленно осуждены. От имени Речи Посполитой я хотел бы выразить соболезнования всем, кто пострадал в результате этих позорных действий». («Газета выборча», 19 апреля)

◆ Фрагменты выступления председателя Польского союза украинцев Мирона Кертычака: «От имени Польского союза украинцев и сотрудни-

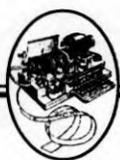
чающих с ним организаций я хотел бы высказать искреннюю признательность президенту Польши Александру Квасневскому за достойное государственного мужа упорство в формировании добрососедских отношений, примирения и стратегического партнерства Польши и Украины (...) В 50-ю годовщину операции «Висла» на нашем варшавском конгрессе мы почтили память поляков, погибших или пострадавших от рук украинцев на юго-восточных рубежах II Речи Посполитой, прежде всего на Волыни. В июне 2001 г. во Львове кардинал Любомир Гузар в присутствии Папы Иоанна Павла II попросил прощения у братьев-поляков за тяжкие прегрешения украинцев. Повторим же это еще раз: мы просим прощения и прощаем (...) Пусть эпоха презрения к ценностям, записанным в десяти заповедях, уйдет в небытие». («Газета выборча», 23 апреля)

◆ По прошествии более пятидесяти лет председатель Польского объединения лемков Стефан Гладык добился возвращения леса, отнятого у его бабки в 1947 г. во время операции «Висла». Это первый подобный случай. По оценкам объединения лемков, возвращения недвижимости могут требовать около 5 тыс. лемковских семей. («Жечпосполита», 24 апреля)

◆ С 1993 г. действует в Польше Белорусское историческое общество. Общество издало 16 номеров «Белорусских исторических тетрадей», 21 наименование книг. 23 марта БИО представило все эти издания на выставке, посвященной 83-й годовщине со дня провозглашения Белорусской народной республики. («Пшеглэнд православный», №4, апрель)

◆ Несмотря на то, что министерство культуры приостановило финансирование новых культурных проектов, дотации по 100 тыс. злотых получили не только прошедший в 20-й раз в Хайнувке Международный фестиваль церковной музыки, но и новые Хайнувские дни церковной музыки. («Жечпосполита», 10 апреля)

◆ Несколько сот жителей белорусского городка Мёры участвовали в открытии отреставрированного участка кладбища польских солдат, погибших в войне 1920 года. Изначально на кладбище было около 60 солдатских могил, однако, в советские времена они были разруше-

ны. Десять могил удалось восстановить. (*«Газета выборча», 8 апреля*)

◆ Около 2500 человек приняли участие в 11-м «Марше живых» из Освенцима в Бжезинку в День памяти жертв Катастрофы. В марше участвовала молодежь из Израиля и еврейской диаспоры (в частности американской, австралийской, канадской и мексиканской), а также 350 молодых поляков, министры образования Израиля и Польши и посол Израиля в Польше. (*«Жеч-посполита», 10 апреля*)

◆ Свыше тысячи молодых евреев почтили память жертв гитлеровского лагеря смерти в Майданеке. Большинство из них днем раньше участвовали в «Марше живых». (*«Газета выборча», 11 апреля*)

◆ «Неужели сегодня, когда Израиль вновь борется за право на существование, мы должны участвовать в циничном спектакле международного лицемерия, во имя которого нам нельзя называть вещи своими именами и сказать хотя бы, что не палестинцам, а евреям грозят одиночество и измена?» (*Людвик Стомма, «Политика», 13 апреля*)

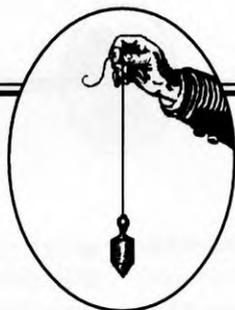
◆ Марек Круль, главный редактор журнала «Впрост»: «Мне стыдно, когда серьезные западноевропейские политики угрожают Израилю экономическими санкциями. Мне стыдно, когда Европарламент занимает пропалестинскую позицию, угрожая приостановить европейско-израильский договор о сотрудничестве. Перед лицом такого двуличия и нарастающей волны антисемитизма я могу сказать только одно: я — израильтянин. Я — с народом, который в культурной Европе был обречен на геноцид и несмотря на это совершил чудо — создал демократическое государство среди моря арабского тоталитаризма». (*«Впрост», 21 апреля*)

◆ Поэт Антоний Павляк: «Когда 11 сентября прошлого года арабские террористы совершили нападение на Нью-Йорк (...) все были солидарны с Нью-Йорком, со всей Америкой. Быть может, по сравнению с уничтожением Всемирного торгового центра теракты в Израиле не столь эффектны. Но ведь они продолжаются — с большей или меньшей интенсивностью — уже много лет. И несмотря на это мир к ним поразительно равнодушен». (*«Ньюсуик-Польша», 28 апреля*)

◆ «Памятуя о положительной реакции польских и западных СМИ на вооруженную интервенцию США в Афганистане, я не понимаю иного подхода к точно такой же интервенции Израиля, преследующего те же цели — обнаружить и уничтожить источники терроризма». (*Сергюш Ковальский, «Тыгодник повшехный», 21 апреля*)

◆ Около ста выдающихся польских ученых и деятелей культуры подписали письмо (сбор подписей продолжается), где, в частности, говорится: «Мы не принадлежим к числу сторонников вооруженного вторжения Израиля на территорию Палестинской автономии. Мы уважаем право палестинцев на собственное государство. Однако мы не поддерживаем их преступных методов борьбы (...) Против этих методов должно выступить все европейское общественное мнение, как выступило оно против нападения «аль-Каиды» на США (...) Это письмо — выражение нашей солидарности с жителями Израиля в тяжелое для них время». Письмо написано в ответ на призыв более 120 ученых из стран Западной Европы «заморозить» культурные и научные контакты с Израилем в связи с репрессиями по отношению к палестинцам. (*«Газета выборча», 26 апреля*)

◆ Станислав Лем: «Мне все время не дает покоя тот факт, что все вокруг идет не так, как должно идти, и что я не в состоянии соединить воедино те кровавые кусочки, на которые распадается мир». (*«Тыгодник повшехный», 14 апреля*)

**Кристина
Курчаб-Редлих**

ПОЛЬША, РОССИЯ И УКРАИНА ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

*Так называлась международная сессия,
которой ознаменовала свое 13-летие «Газета выбора»*

В СЕССИИ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ

— с российской стороны:

Андрей Грачев, публицист, член редакционного совета журнала «Новое время». Живет в Париже. После августовского путча был главным советником Михаила Горбачева;

Григорий Явлинский, экономист и политик, председатель партии «Яблоко», депутат Государственной Думы;

Сергей Ковалев, правозащитник и политик, депутат Государственной Думы;

проф. **Юрий Левада**, социолог, глава Российского центра исследования общественного мнения;

— с украинской стороны:

проф. **Мирослав Попович**, директор Института философии АН Украины. В конце 80-х был одним из организаторов «Народного руха Украины», в начале 90-х — заместителем председателя партии «Демократический выбор Украины»;

Борис Тарасюк, дипломат и политик. В 1998-2000 гг. был министром иностранных дел Украины. Считается одним из самых прозападных украинских политиков. На последних парламентских выборах вошел в Верховную раду от блока Виктора Ющенко «Наша Украина»;

— с польской стороны:

проф. **Бронислав Геремек**,
историк, дипломат, политик.
Был министром иностранных дел
в правительстве Ежи Бузека
и председателем «Унии свободы»;

Ян Мария Рокита,
политик,
депутат Сейма
от «Гражданской платформы»;

Дариуш Росати,
член Совета валютной политики,
в 1995-1997 гг. министр иностранных дел;

Александр Смоляр,
президент Фонда
им. Стефана Батория, политолог.

Модератор дискуссии проф. **Ежи Бузек**,
премьер-министр Польши в 1997-2001 гг.

Говорят россияне:

— Получилось так, словно Путин два года готовил коллектив для редактирования «Советской России», а потом вдруг взял да и издал демократическую «Газету выборчу», — так **Григорий Явлинский** охарактеризовал жест президента России, позвонившего Джорджу Бушу после 11 сентября прошлого года с предложением помочь в проведении антитеррористической операции. Этот жест радикально изменил российскую внешнюю политику. Прежнюю, по мнению Явлинского, воплощал бронепоезд Ким Чен Ира, две недели тащившийся через всю Россию, приглашение в Москву Каддафи или визит Путина на Кубу. Явлинский напомнил, что 24 сентября на организованной в Кремле встрече 21 ведущего политика России только двое (он и Немцов) призвали поддержать антитеррористическую операцию США. А ведь именно отношения с США, по мнению Явлинского, должны быть для России приоритетными, ибо от них зависят отношения с остальным западным миром.

Ловкий маневр Путина, заметил Явлинский, позволил России решить свои проблемы чужими руками: расквартированные в Узбекистане американские солдаты охраняют ее южные границы и бомбардируют базы талибов, где, как принято считать, обучаются чеченские боевики... Однако можно ли назвать этот шаг навстречу Западу стратегией, или это все еще тактика?

Положительные результаты, считает Явлинский, уже налицо: это спокойные переговоры о выходе из существующей системы ПРО «Щит»; спокойное согласие на вступление прибалтийских государств в НАТО; закрытие российских военных баз во Вьетнаме и на Кубе; заверение Путина, что даже в случае войны США с Ираком Россия останется в антитеррористической коалиции...

По мнению лидера «Яблока», внутренняя политика России в сравнении с внешней выглядит из рук вон плохо. То, что Владимир Путин называет системой управляемой демократии, Явлинский считает посткоммунистическим тоталитаризмом. Путин ограничивает демократические свободы (например, свободу слова), сохраняя видимость демократического правления. Свобода слова поставлена в зависимость от информации,

унифицированной с помощью неформальной цензуры и часто искажающей правду. Раньше коммерческий телеканал НТВ был бы попросту национализирован. Теперь строптивого владельца заменяют другим, послушным Кремлю. Похоже выглядит ситуация и с местными выборами: сохраняя видимость всеобщих выборов, Кремль заставляет суды вопреки закону и демократии снимать с выборов негодных ему кандидатов. Все сводится к тому, чтобы обеспечить существование антидемократической, тоталитарной системы при сохранении видимости демократии, удовлетворяющей Запад.

Вывод Явлинского неутешителен: демократии в России нет! В 1994-1996 гг. СМИ, клеймившие чеченскую войну, практически привели к ее окончанию. Начиная с 1999 г., когда была введена политическая цензура, а Чечню удалось отгородить от журналистов, Россия начала ограничивать демократические институты, что может поставить ее в одном ряду с Северной Кореей. Тогда ей еще долго придется дожидаться своего исторического шанса войти в Европу.

— На самолетах, летящих на ВТЦ, можно было бы написать: «Господину Путину от бен Ладена», — сказал **Сергей Ковалев**. Благодаря трагедии 11 сентября президент России, несомненно, добился очень многого. Прежде всего он обеспечил себе полную безнаказанность действий в Чечне. Поведение мировой политической элиты перед лицом войны, которую ведет там российская армия, и перед лицом подавления демократических свобод в самой России Ковалев (заседающий в Совете Европы, что дает ему особенно ценный опыт) назвал трусливым и беспринципным. Таким образом Запад как бы признает путинскую «управляемую демократию». Сергей Ковалев считает, что практикуемая политиками «политическая корректность» — лишь ширма, за которой прячутся те, кто не хочет знать, что происходит в России на самом деле.

Не случится ли так, спрашивает Ковалев, что не Россия приблизится к Европе, а Европа пойдет на уступки России, отказываясь от превращения ее в демократическое государство? Если это произойдет, то вскоре весь мир будет взирать на успехи советской администрации. На вопрос, к чему стремится Путин, разрушая в России демократию, Ковалев ответил, что стремится он к власти, которую трудно было бы удержать с помощью других методов.

Проф. **Юрий Левада** показал собравшимся, от каких подчас мелочей зависит мнение российских граждан о США. В 1989 г. в распадающемся Советском Союзе с Америкой связывали большие надежды, а ее рейтинг был высок как никогда. Постепенно он снижался, пока не опустился до нулевой отметки после атаки НАТО на Югославию в 1999 году. Затем он постепенно рос вплоть до начала 2002 г., после чего вновь упал почти до нуля в связи с якобы необъективным судейством на Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити. Институт исследований общественного мнения наблюдал тогда состояние патриотической истерии, охватившей и Думу, и МИД, и президентскую администрацию, и даже Патриарха всея Руси.

Левада напомнил также аферу, когда в ответ на американское ограничение импорта стали (в т.ч. из России) российская администрация ограничила импорт из США основного компонента российского меню — «ножик Буша». (Такая реакция общества и политиков, по мнению Левады, прекрасно иллюстрирует приведенное Явлинским сравнение россиян с 13-летним подростком, который на все обижается и не дает делать себе замечаний, но приходит к родителям за очередными деньгами на карманные расходы).

И все же к США российское общество относится с гораздо большей симпатией, чем к НАТО. Здесь президент Путин обречен на различные маневры, особенно из-за сопротивления армейских элит.

Андрей Грачев заметил, что выгоды, извлеченные Путиным из трагедии 11 сентября столь велики, что «если бы бен Ладена не было, Путину следовало бы его придумать». Далее Грачев размышляет, насколько эта трагедия создала новую политическую реальность, а насколько отразила прежний статус-кво. В одно мгновение у США появился и новый союзник, и новый враг. Одновременно появился и новый термин «антитеррористическая операция», ставший для Путина своего рода палочкой-выручалочкой. Это выявило «послесентябрьскую» закономерность: чтобы быть антитеррористом, вовсе не обязательно быть демократом. К антитеррористическим действиям США призвали не демократическую Европу, а «обогащенную» чеченским опытом Россию. Надо сказать, что США быстро воспользовались российским, несовместимым с демократией опытом: русские не пускают журналистов в Чечню, американцы — в Кандагар, а израильтяне — в Дженин.

Грачев считает, что 11 сентября следует считать датой условной. Гораздо более реальна дата разрушения Берлинской стены, оставившей после себя огромную воронку, из которой вылезают Ле Пен, Хайдер, нацизм, расизм и фашизм. После 11 сентября Россия, с одной стороны, приблизилась к Западу, а с другой, в результате отхода от демократии, — отдалась от него. «Долго ли можно ехать на разъезжающихся лыжах?» — спрашивает Грачев.

Что касается отношений России с НАТО, то перспектива их чрезмерного сближения не вызывает у Грачева энтузиазма: он считает, что это обесценило бы Северо-Атлантический пакт. При этом Грачев задумывается, как

должна повести себя в этой ситуации Польша: спрятаться от России за спиной у НАТО и Европейского союза или же стать посредником между ними, — ведь ни от географии, ни от судьбы, ни от России ей не убежать.

Говорят поляки:

— Хорошо бы знать, какие интересы склоняют Россию к сотрудничеству с НАТО и Евросоюзом, — сказал **Бронислав Геремек**. Он считает, что присутствие России в этих структурах взорвало бы их изнутри — хотя бы ввиду размеров России. Принятие России в Организацию Северо-Атлантического договора означало бы изменение подхода США к Европе и стало бы сигналом того, что, по их мнению, Европа располагает достаточными гарантиями безопасности. Это было бы плохо и для Европы, и для Польши, а может, и для России. Наверняка это было бы плохо и для самого НАТО, так как перечеркнуло бы стабильность пакта. «Сможет ли Россия участвовать в НАТО в качестве партнера, не порождающего внутренних конфликтов?» — спрашивает проф. Геремек.

Продолжающаяся война в Чечне и методы осуществления власти внутри России порождают дальнейшие вопросы: откажется ли Россия от искушения играть на внутренних противоречиях между европейскими государствами с позиции сверхдержавы? И не должны ли настораживать во внешней политике России особые отношения с Германией?

Особо важной для Европы Геремек считает Украину. До тех пор, пока она остается за пределами европейских структур, необходимо ее поддерживать, а не сталкивать в исключительную сферу московского притяжения.

Взаимоотношения России с западным миром изменились еще до 11 сентября 2001 г., считает **Дариуш Росати**. Переломным моментом стал «косовский шок». Интервенция НАТО на Балканах показала, что Запад может не считаться с Россией. Лишь после 11 сентября Россия вновь сделалась нужной, и теперь она может быть более уверенной в себе в отношениях с другими государствами.

— Я сожалею, — сказал Дариуш Росати, — что Польша не подкрепила экономически своих слов и жестов в поддержку новой Украины, не убедила Киев в том, что путь на Запад ведет через Варшаву, а не через Москву.

— Я рад, что после 11 сентября в политике Польши ничего не изменилось, — заявил **Александр Смоляр**. — Это означает, что Польша — нормальное демократическое государство. Однако я рад, что процесс расширения НАТО и Евросоюза начался до 11 сентября. Не знаю, как бы он выглядел, если бы начался после этой даты...

Смоляр не сожалеет об отсутствии в России демократии. По его мнению, «заслуга» Путина состоит в том, что он показал миру, как российское общество убегает от действительности, позволяя себя обманывать. Ему (как и Росати) кажется, что Путин осуществляет в России глубокие реформы, например земельную.

Ян Мария Рокита присоединился к предыдущим ораторам, утверждавшим, что сближение России с Западом не обязательно повлечет за собой либерализацию в ее внутренней политике. Из того, что Россия хочет быть сильной, имперской державой, вовсе не следует, что она должна быть демократической. Рокита (как и другие польские участники конференции) не задумывался о результатах такой политики для российского общества, обращая внимание прежде всего на взаимоотношения России с западным миром. С этой точки зрения, без деполитизации экономики и открытой дискуссии о проблемах прошлого Россия действительно не сможет приблизиться к Западу, а это опасно также и для Польши.

Говорят украинцы:

Украина находится в полуизоляции, констатировал **Борис Тарасюк**. Причина этого заключается и в падении авторитета Украины после внутреннего кризиса 2000-2001 гг., и в сближении России с Западом после 11 сентября. Есть все основания опасаться, что под влиянием России сближение это происходит за счет Украины, отдаляя ее и от НАТО, и от Евросоюза. В то же время на Украине возросло политическое влияние России, что подтверждается пренебрежительным по отношению к украинцам поведением посла РФ в Киеве Виктора Черномырдина.

Проф. **Мирослав Попович** сосредоточился прежде всего на внутренних проблемах Украины, обращая внимание на изменения после парламентских выборов, в ходе которых центр тяжести сместился вправо. Хотя Украина встала на путь демократизации, «ее история едет на волах». Ускорение наступит лишь после президентских выборов. Если Россия — это нечто среднее между Финляндией и Китаем, то Украина — нечто среднее между Польшей и Россией, констатировал проф. Попович.

Рафал Писера

НАПЕРЕКОР ДЕПРЕССИИ

В Польше существует множество фирм, которые динамично развиваются наперекор экономической стагнации, охватившей их отрасли. Это хороший знак на будущее для всех нас.

«Арт-Дом» в Лодзи — это крупнейший в Европе магазин хозяйственных и электробытовых товаров. Из 6,5 тысяч квадратных метров его площади тысячу занимает оборудование, выпускаемое одной-единственной фирмой. Шеренгами, как солдаты в строю, стоят холодильники, стиральные и посудомоечные машины фирмы «Амика». Начиная с самых дешевых, стоящих отдельно, дешевле 600 злотых, до роскошных, хромированных моделей, за которые нужно заплатить больше трех тысяч. «На изделиях «Амики» мы зарабатываем лучше всего», — говорит директор «Арт-Дома» Мариан Зелинский.

Лодзинский пример не исключение: объемы продаж «Амики» постоянно растут (в 2001 г. оборот фирмы увеличился на 2,7%). У других фирм хозяйственных и электробытовых товаров эти показатели вызывают шок: в 2001 г. общий объем рынка отрасли снизился на 9,5%.

Наполеон Бонапарт говорил, что ему мало, чтобы его генералы владели военным искусством, — нужно, чтобы им улыбалась удача. «Амике» невероятно повезло с менеджерами. Не такое уж искусство побеждать в рыночных баталиях в условиях экономического роста и благосостояния. Подлинные качества менеджера проявляются во время рецессии. И действительно, сегодня практически в каждой отрасли можно найти фирмы, которые развиваются вопреки экономической стагнации и чьи объемы продаж растут, хотя объем рынка в целом сокращается.

Еще год назад оптимисты ожидали, что в 2001 г. экономический рост достигнет 4,5%, в то время как фактически он составил лишь 1,1% от объема ВВП. Большинство фирм оказались не го-

товы к тому, что замедление роста может быть столь значительным и наступит так быстро. Внезапно они были вынуждены учиться функционировать в совершенно новой ситуации. Это удалось немногим — тем, где нашлись дальновидные руководители.

Если бы «Амика» не использовала период экономического бума для того, чтобы реализовать необходимые инвестиции, и вовремя не расширила производство, «Олимпия» не сделала бы ставку на экспорт, а «Тойота-мотор Поланд» не сосредоточилась на массовом потребителе, сегодня кривая их результатов наверняка стреми-

тельно летела бы вниз, как это происходит с другими фирмами в их отраслях.

На рецессии зарабатывают те предприятия, которые вовремя осуществили реструктуризацию, снизили себестоимость и реализовали инвестиции, направленные на повышение качества своих товаров.

Они смогли быстро приспособиться к рынку, который требует сегодня товаров либо очень дешевых, либо очень дорогих, но зато самого высокого качества.

В период рецессии на изделия среднего класса просто нет спроса. Именно эту характерную дифференциацию и использует «Амика», предлагая товары в основном с «верха» и «низа» диапазона цен. В начале 90-х фирма прошла коренную реструктуризацию. Из производителя газовых плит она превратилась в изготовителя всей гаммы хозяйственных и электробытовых товаров. В 1996 г. она построила новый завод холодильников, в 2000 г. — завод стиральных машин. Когда у нее уже был свой качественный товар, она сделала ставку на массовость и подчинила этой цели всю свою дистрибьюторскую и сервисную сеть. «Кроме того, наши изделия в среднем на 10% дешевле, чем у конкурентов», — говорит Лидия Холева, шеф отдела продвижения товаров на рынок фирмы «Амика».

Главный польский конкурент этой фирмы, «Поляр», уже полгода ищет заграничного инвестора вместо обанкротившегося гиганта «Мулинекс—Брандт». «Экономическая ситуация в Польше неустойчивая, так что оптовики предпочитают покупать изделия «Амики» — объясняет Богна Сикорская, аналитик маклерской фирмы «ЦДМ-Пекао».

Продавцы рекомендуют покупателям их изделия, так как широко развита сеть пунктов обслуживания после продажи гарантирует немедленный ремонт в случае выхода оборудования из строя. Кроме того, за каждый проданный холодильник, стиральную или посудомоечную машину фирмы «Амика» продавец получает пункты, которые впоследствии складываются в индивидуальную премию. Те, кто продал больше всех, получают в награду бесплатное оборудование фирмы или турпоездки. Лучшие поедут в этом году вместе с фирмой «Амика» на ярмарку в Берлин.

Одной Польши руководителям фирмы уже не хватает. Они начали завоевание рынка Евросоюза, купив в декабре 2001 г. отделение производства холодильников датского концерна «Грам доместик», известного во всей Скандинавии (ему принадлежит 10% рынка). Благодаря этой сделке экспорт «Амики» должен возрасти с 31 до 35% от общего объема продукции. В планах фирмы — расширение продаж на Чехию и Словакию.

— Именно благодаря экспорту фирма сумела добиться таких успехов, — добавляет аналитик «ЦДМ-Пекао», не скупясь на похвалы менеджерам предприятия. Богна Сикорская напоминает, что «Амика» начала свою экспансию еще два года назад, когда наш рынок по-прежнему характеризовался ростом продаж и никто и не думал о рецессии.

О том, чтобы занять место на зарубежных рынках, вовремя подумала и лодзинская фирма «Олимпия», производящая текстильные изделия. Сегодня большинство фирм в этой отрасли исчезли с рынка, а те, что остались, держатся из последних сил. «Олимпия», шившая трикотажные свитера и блейзеры, в течение десятилетий была скромной «золушкой» по сравнению с такими гиганта-

ми, как «Прухник», где работало более десяти тысяч человек. Теперь на общем фоне положения в этой отрасли «Олимпия» снова представляет собой исключение, но на этот раз положительное: объем ее продаж в 2001 г. вырос на 10%, тогда как вся отрасль сократилась на 2,2%.

А ведь еще в 1994 г. «Олимпия» была на краю банкротства. Фирму спасла 55-летняя Уршуля Гоцал, о которой конкуренты с завистью говорят, что она сумела бы даже в Африке продать теплые свитера. На фабрику она попала в качестве ликвидатора, из конкурентной фирмы, но вместо того, чтобы недолго думая закрыть «Олимпию», она превратила ее в одно из самых процветающих предприятий текстильной промышленности. Достигла она этого благодаря коренной реструктуризации фабрики, в том числе и ее штатного расписания. В течение семи лет из «Олимпии» было уволено более тысячи человек. Сегодня в фирме трудится 351 работник. Руководительница «Олимпии» довольна, что после реструктуризации целых 70% работников занято непосредственно на производстве, а не 45%, как когда-то.

Уршуля Гоцал сделала ставку на развитие собственной сети салонов продаж, отказавшись от торговых посредников. Сегодня у «Олимпии» 28 фирменных магазинов, а к 2006 г. их число должно возрасти до 50-ти. Параллельно она сменила 50% всего парка технического оборудования и машин, благодаря чему «Олимпия» стала самым современным трикотажным предприятием в стране.

Инвестиции дали фирме возможность расширяться на зарубежные рынки, когда Польшу залили дешевые изделия из дальневосточных стран. Сегодня 70% своей продукции «Олимпия» продает за рубеж — в основном в Англию, Францию, Германию и Италию. Лодзинская фирма чувствует себя на европейском рынке вполне уверенно и не опасается открытия границы после нашего вступления в ЕС. Недавно Уршуля Гоцал получила премию «Лидер бизнеса», учрежденную организацией «Бизнес-центр клуб». В 2001 г. «Олимпия» была признана одной из лучших польских фирм.

— Грамотный менеджер должен быть дальновидным и действовать так, как если бы его предприятие беспрерывно находилось в состоянии кризиса, — говорит Михал Гужинский, вице-президент центра социально-экономических анализов «Консультанты». Однако множеству отечественных фирм не удалось найти такого менеджера, как Уршуля Гоцал, и они не сумели эффективно воспользоваться периодом интенсивного экономического роста в 90-е годы. Их бдительность ослабил тот факт, что в то время почти все можно было продать, как говорится, на корню. Немногие менеджеры помнили о фундаментальном принципе экономии, в соответствии с которым в рыночной экономике за периодом высокой конъюнктуры наступают более трудные времена. «Будет ли эта цикличность представлять опасность для фирмы, зависит от тех, кто ею управляет», — утверждает Михал Гужинский.

Теоретически в Польше должен существовать высокий спрос на квартиры, ибо налицо демографический пик, — а тем временем сотни квартир пустуют. «Девелоперы¹ оказались сегодня в весьма трудном положении, так как за последние годы они сами слишком раскрутили цены на квартиры, — говорит вице-президент одного из жилищных банков Збигнев Кудась. — Они хотели поддерживать собственную маржу на уровне 30-35%. Такую прибыль может получить играющий на бирже спекулянт, но не девелоперская фирма».

Девелопер из Гдыни 44-летний Мариуш Гаврон, владелец компании «Хосса», о кризисе в своей отрасли знает только по рассказам коллег. В его компании объем продаж вырос в прошлом году на 30% по сравнению с 2000 г., хотя общий объем продаж квартир в Польше снизился за это время почти на 10%. Клиентов привлекает проверенная, солидная марка (за 10 лет «Хосса» построила 2,5 тысячи квартир), а также не слишком высокая цена — 2,5 тыс. злотых за кв. м.

Низкие цены на жилье предлагает и 55-летний Анджей Герман, владелец краковской девелоперской фирмы «Кракоин». Квартиры, рас-

положенные в 15 минутах ходьбы от Рыночной площади, он продает по 2,5 тыс. злотых за квадратный метр, тогда как другие девелоперы не спускают цену ниже 3 тысяч. «Я ищу проверенных субподрядчиков, которые не раздувают себестоимость строительства», — объясняет Герман.

Бизнес-консультанты положительно отзываются об экономично-ориентированных стратегиях, которые применяют Герман и Гаврон. В трудные времена они приносят вполне ощутимые эффекты в виде прибыли.

Подобную стратегию применяют и владельцы варшавского туристического агентства «Триада». Их предложение обращено в основном к менее зажиточным людям, благодаря чему их обороты выросли в два раза, несмотря на рецессию в туристической отрасли. Точно так же поступило и польское отделение японской компании «Тойота». Наблюдая, как во время рецессии «тощают» кошельки покупателей автомобилей, оно сделало своей мишенью иную клиентуру, отличную от прежней. И добилось успеха. В то время как объем продаж автомобилей упал в 2001 г. на 32%, японский концерн может похвастаться 11-процентным ростом. Успех «Тойоты» еще заметней на фоне ее конкурентов: продажи «Хонды» снизились почти на 30%, а «Ниссана» — на 12,3%. Хороших результатов «Тойота» добилась благодаря пользующейся огромной популярностью среди покупателей модели «Ярис», в которой сочетается высокое качество с доступной — если говорить о данной фирме — ценой (около 38 тыс. зл.). В Польше «Тойота» продает ежегодно около 15 тысяч автомобилей, половина из которых — это «Ярис». Только в 2001 г. поляки купили на 50% больше автомобилей этой марки, чем в 2000-м. Ударной моделью этого года будет новая модель «Тойоты-Королль». Рецессия, как видно, не по всем бьет одинаково. Одни становятся банкротами, другие сколачивают себе состояния. Но главное, эти другие способствуют тому, чтобы мы быстрее вышли из кризиса.

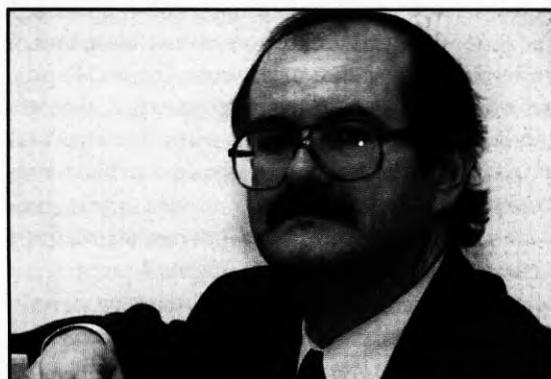
¹ Пока в современном русском языке нет более складного слова для названия этой профессии. Это не маклеры (или не только маклеры), не подрядчики (или не только подрядчики), не торговцы недвижимостью как таковые. «Девелоперы» и «девелоперские» фирмы занимаются обустройством земельных участков, а также реконструкцией и строительством зданий. — *Пер.*

ПРИУМНОЖЕННОЕ СЧАСТЬЕ

Беседа с Романом Клуской, бывшим владельцем и главой компьютерной фирмы «Оптимус»

Роман Клука, 47 лет, — выпускник отделения кибернетики и информатики Краковской экономической академии. Человек успеха в американском стиле: в 1988 г. начинал со сборки компьютеров на чердаке своего дома, а через несколько лет его «Оптимус» был уже самой крупной компьютерной фирмой в Польше и во всей Центральной и Восточной Европе; фирма вышла на биржу, запустила первый польский портал в Интернете. Весной 2000 г. Роман Клука ошеломил своих сотрудников и всех в отрасли, продав свои акции в «Оптимусе», а через полгода окончательно ушел из этой фирмы. Два года он молчал, отказываясь давать интервью журналистам.

— Кто вы теперь, господин президент?

— Физическое лицо, без всяких титулов.

— Чем вы теперь занимаетесь?

— Осуществляю свой сценарий жизни счастливого человека. Делаю то, что приносит мне огромную радость и удовлетворение, благодаря чему развиваюсь.

— Не жаль вам было оставлять «Оптимус»?

— Каждый имеет право распоряжаться своей собственностью.

— Но ведь «Оптимус» был делом вашей жизни и вашим жизненным успехом!

— Фирма одержала замечательную победу. Мало какой фирме удастся занять первое место на трех разных рынках (налоговых касс, компьютеров и Интернета). Мало кто отдает себе отчет в том, что успех наших налоговых касс — одно из крупнейших инженерных достижений Польши за последние несколько десятков лет. Это звучит как сказка: не имея ни малейшего опыта, мы покупаем лучший в мире патент, группа молодых толковых инженеров обучается на этом патенте, а потом разрабатывает собственное оборудование.

Оно оказывается значительно лучше технически и по стоимости даже по сравнению с японскими. Эти кассы мы теперь продаем во всем мире, даже в Японии.

— Был также ОНЕТ, первый польский интернетный портал.

— Он и по сей день остается порталом номер один. Мы имели также очень сильную позицию в персональных компьютерах. В мире есть всего две страны, где отечественный производитель занимал больше места на рынке, чем США, — Япония и Польша.

— Так хорошо все шло, и вдруг в 2000 г. вы говорите: выхожу из этого поезда. Почему? Раньше вы заявляли в интервью, что оставить «Оптимус» было бы предательством.

— Честного и полного ответа на этот вопрос не знает никто, кроме меня.

— **Почему вы не хотите об этом говорить?**

— Это дело трудное. Договоримся, что интервью будет авторизовано?

— **Вы имеете на это право.**

— Одной из главных причин моего ухода из «Оптимуса» было неприятие условий, в которых вынуждено работать польское предприятие. Речь идет обо всей экономической и правовой системе. Она позволяет одним самоуправным чиновничьим решением уничтожить фирму, работающую честно и добросовестно, а ее хозяина лишить здоровья или жизни. Тут стоит задать себе еще один вопрос: можно ли быть счастливым в таких условиях?

— **Откроете ли вы когда-нибудь все причины вашего ухода?**

— Перейдем к следующему вопросу.

— **Тогда по-другому: какими должны быть достойные условия для ведения крупного бизнеса в Польше?**

— Самое важное — это ясное хозяйственное и налоговое право. Низкий линейный налог, без всяких налоговых льгот, потому что они создают патологию коррупции и угрозу для всех. Произвольность истолкования предписаний у нас ужасающая. Например, когда мы выходили на биржу, мы продали акции нашим сотрудникам. И оказалось, что в каждом городе финотделы начисляли разный налог: от нулевой ставки до очень высокой суммы.

— **Уходя из «Оптимуса», вы оповестили, что много денег от продажи акций выделите на благотворительные цели.**

— За продажу пакета я получил крупную сумму. Почти на все деньги я предложил построить Дома спокойной старости. Я считал, что старики это заслужили, потому что отдали здоровье и жизнь возрождению Польши после войны. Их пенсии не по их вине были проедены. Они теперь бедствуют, никому не нужны, никто о них не заботится. Поэтому я решил потратить свои деньги на нужды этой наиболее обездоленной группы.

— **Ничего из этого не вышло?**

— Я хотел передать 50 миллионов долларов фонду, который занялся бы этим проектом. Я про-

сил министерство финансов отменить налог, чтобы больше денег оставалось на дома престарелых. Однако ответ был отрицательным. В такой ситуации я решил основать фонд с 30 миллионами долларов, поскольку 20 пошло на налог. Но мне отказали в его регистрации.

— **Почему?**

— Было названо три причины. Одну помню до сих пор: не все люди смогут в равной мере пользоваться благотворительностью фонда. Это абсурд. Я хочу дать деньги на решение одной из проблем общества, а мне отвечают, что этого сделать нельзя, потому что я неровно поделю свои деньги.

— **Вы отказались от этого проекта?**

— Что я мог поделаться — отказался. Хотя, может быть, и хорошо, потому что я распределил эти деньги иначе: так, как хотел, и никто мне в этом не помешал.

— **На что пошли эти деньги?**

— В основном на восемь крупных общественных начинаний и на множество мелких благотворительных дел.

— **Вы можете сказать, на какие?**

— Нет, не скажу. Я делал это не для славы и не для создания себе имени, а на радость себе и тем, кого одарил. Часто я связывался с ними через посредников, чтобы они даже не знали, кто даритель. Могу сказать только о тех случаях, которые уже известны. Крупнейший проект — это «Продокс», открытая мною в 2001 г. фирма, субсидирующая выпуск хороших книг.

— **Что значит хорошая книга?**

— Начиная с детских сказок (без насилия), и кончая разными изданиями, которые просвещают и развивают молодое поколение. Первой мы помогли издать книгу свящ. Мечислава Малинского «Ты тоже бизнесмен». На эту деятельность я предназначил 11 млн. долларов. Часть книг мы раздаем людям даром. За первые три месяца существования фирмы мы продали сто тысяч книг. Крупным проектом стал и учебный центр по воспитанию характера молодых людей в замке над Дунайцем. А в Новом Сонче я финансирую Дом спокойной старости на сто пятьдесят человек. Городские власти выделяют для него землю, я оплачиваю остальное. Сейчас утверждается проект, на будущий год начнется строительство.

— Я слышал, что вы передали 15 миллионов злотых на расширение строительства часовни Милосердия Божия в Лагевниках. Почему вы это делаете?

— От чистого сердца. Я хочу делиться с обществом своей радостью, своим счастьем. Мне это приносит огромное удовлетворение.

— Вы могли бы потратить эти деньги иначе. У вас нет потребностей?

— Я тот счастливчик, который смог эмпирически пережить обладание большими деньгами. Через это надо пройти, чтобы понять, что чем больше имеешь, тем больше становишься рабом того, что имеешь. Еще один дом, еще одна машина, еще одна яхта... Все это надо содержать в порядке, охранять от воров, чинить, на всё налоги платить. Больше стрессов, чем удовлетворения. И все равно ничего с собой в могилу не заберешь.

— У вас есть семья, родные, можно им раздать...

— И что — воспитать птиц небесных, которые будут жить задаром? Я причинил бы им большое зло...

— А семья с этим согласна?

— Извините, но о моей семье я не говорю публично.

— Что вам нужно для жизни?

— Вы, наверно, будете смеяться, если я скажу: чем меньше, тем лучше. Разумеется, мне нужны удобное жилье, удобная машина, может быть, шофер, когда самому не хочется водить, немного денег на текущие расходы. Вот и всё. Правда, больше не надо.

— Людей, которые так думают, у нас мало. Идет погоня за деньгами и имуществом.

— Я тоже когда-то думал, что когда у меня будет всего много, то я стану счастливым.

— Разве нет?

— У меня уже было много всего!

— У других тоже есть, и они счастливы.

— Так ли это? Пусть по-настоящему задумаются и честно ответят.

— Мы сейчас находимся в фазе накопления, а не дележа. Филантропов у нас не так много.

— Будет все больше. Многие обнаруживают, что делиться гораздо приятнее, чем иметь. Достаточно попробовать... Кто-то когда-то сказал, что то, что даешь, вернется вдвойне.

— Вернется? Каким образом?

— Самым невероятным! (Смеется.) Иной раз ненароком совершишь какую-нибудь финансовую сделку. И денежки сами делаются. На новые проекты, которые я придумываю. А в банке удивляются: как вы это делаете?

— Много людей обращаются к вам за помощью?

— Очень много. Но я еще ни разу не ответил положительно на чью-либо просьбу. Я даже писем таких не открываю. Я ведь не прорицатель, чтобы знать, правдивая это просьба или лживая. У меня нет ни времени, ни возможности это проверять. Я сам задумываю благотворительные проекты и сам их осуществляю. Помогаю старикам, потому что убежден в необходимости этой формы помощи, а не потому что кто-то обратился с просьбой.

— Отказавшись от интенсивной работы в «Оптимусе», вы располагаете теперь временем на личные интересы, хотя бы на любимые вами лыжи и водный спорт?

— У меня не намного больше времени, чем раньше. Я очень занят руководством моими общественными проектами.

— То есть вы продолжаете заниматься бизнесом, хоть и филантропическим?

— Можно так выразиться. На меня работают несколько десятков человек, которые помогают мне хорошо использовать мои деньги.

— Чувствуете ли вы себя счастливее?

— У меня нет опыта разговоров на эту тему, потому что я ни с кем об этом не говорю, мне не хватает умения делиться состоянием моей души. Но прошу поверить: способность давать приносит иное счастье, нежели удовлетворение от удачи в бизнесе. Это радость несравненно высшая, а удовлетворение — более полное и долгое... Говорят о труде простом и труде приумноженном. В этом случае можно говорить о приумноженном счастье.

Беседа вел Ежи Сандецкий

RZECZPOSPOLITA

Мариола Малецкая

ЭМИССАРЫ ИЗ ЭЛЬДОРАДО *Польские учителя в Белоруссии и на Украине, в Румынии и Узбекистане*

Учителя польского языка. За тысячи километров от родной страны, от дома и семьи они отправляются на поиски перемен, приключений или возможности работать по профессии. Вернувшись, они привозят с собой кусочек того мира, по которому, бывает, тоскуют. И снова едут туда.

Мариан Шульц живет в Торуня. В этом году он не поехал в Качику, что в Румынии. Столько раз он говорил себе: хватит, пора кончать с этими поездками. И всякий раз снова отправлялся в путь. Ночь проводишь в Перемышле, более 50 часов в одну сторону, через Украину, на автобусах, которые курсируют раз в неделю. Если не успеешь на автобус, то путешествие может затянуться на две недели. Если пассажиров будет недостаточно, автобус вообще не поедет. Поэтому один пассажир покупает на всякий случай 2-3 билета.

И не заметишь, как кончается Польша

Когда в 1989 г. министерство просвещения объявило набор учителей для работы за границей, главным образом к востоку от Польши, Мариан Шульц как раз уходил на пенсию, отработав 31 год в техникуме.

— Мне еще и пятидесяти не было, а на работу в этом возрасте могли взять только сторожем.

В 1992 г. его взрослые дети разъехались кто куда, отправился и он — в Качику под Сучавой, на севере Румынии, у самой границы.

— На месте оказалось, что ожидали приезда женщины, которую собирались поселить в приходском доме вместе с двумя монахинями.

В конце концов он снял комнатенку у крестьянина, с уборной на улице и без водопровода. В октябре начались морозы и снегопад, вода в тазу для умывания замерзала. Он учил детей с дошкольного возраста и до 8-го класса, а два раза в неделю — бесплатно взрослых. Большинство из них польского языка не знали, а он не знал румынского. В очередной раз он отправился, а точнее — переправился в Качику после четырехлетнего перерыва. Собирался на год, а остался на три.

— Я говорил себе: хватит. Но люди, дети... Они стали мне так близки.

Леокадия Чихонь живет в Старгарде-Щецинском, ждет операции. А ее ждут дети в поселках Новый Завод и Вьюнки на Украине. Раньше в Старгарде она преподавала в 1-3 классах начальной школы, была завучем. Стажировалась в России, путешествовала по Литве и Грузии. Несколько лет тому назад ее дочь и сын стали жить самостоятельно.

— Нового Завода под Житомиром даже на карте нет. Леса, леса, и я — с двумя огромными чемоданами, — вспоминает она свою первую поездку. Не было ни учебников, ни жилья. Два года назад она первая начала официально преподавать там польский язык как обязательный предмет в 11-летке и два раза в неделю во второй половине дня вела бесплатные факультативные занятия.

Янина Патоцкая работает сейчас гардеробщицей в одном из варшавских театров. Она закончила пединститут в Кракове, изучала русскую филологию, занималась на театральных курсах. 24 года проработала в неполной средней и средней школе. Была директором дома культуры, руководила театральной самодеятельностью. Пани Янина — человек темпераментный и интересующийся всем на свете:

— Несколько лет тому назад личные трудности довели до того, что я подумала: брошу все. Мне хотелось навести порядок в своей жизни. Испробовать чего-то нового.

В январе 1998 г. она поехала в Ташкент по приглашению польского посольства и тамошних поляков.

— Знакомые с недоверием отнеслись к моему решению. Я знала, что поеду не только преподавать язык. Что буду учить тому, что определяет нашу культуру: искусству, рукоделию, каким-то традиционным обрядам. Обожаю все, что можно делать руками.

Марта и Ежи Ковалевские живут в Санюке.

— Нам обоим нравилась жизнь на чемоданах. Когда пересекаешь границу, начинаешь дышать глубже, чувствуешь свободу. Надо только уметь без эмоций принимать трудности тамошней жизни, привыкнуть к тому, что, например, автобус не едет, потому что водитель продал бензин.

Пять лет назад они окончили факультет польского языка и литературы краковского Ягеллонского университета, а четыре года назад вместе отправились в Гродно. Преподавали в негосударственном лицее общественной организации «Польская Школьная Матерь»¹. Потом Ежи преподавал в лицее в Скавине, а Марта — на Украине, в Ужгороде, у самой границы. Марта вернулась в Польшу растить сына. Ежи сейчас преподает в районе Хырова на Украине (Львовская область), в только что открывшихся польских школах. В 1997 г., когда супруги Ковалевские впервые поехали в Белоруссию, там было около 300 школ, в которых преподавали польский язык, главным образом как факультативный предмет.

— Белоруссию мы себе представляли краем нищеты и отчаяния. А на самом деле не заметили, где кончилась Польша.

Слишком мало, чтобы жить, слишком много, чтобы умереть

Качика прежде была горняцким поселком. Несколько лет назад на шахте работали 500 человек, сегодня — меньше ста. Люди живут за счет приусадебных участков. «Слишком много для смерти, а для жизни слишком мало», — говорят они.

— По приезде я захотел посмотреть, кто в чем нуждается, — вспоминает Мариан Шульц. — Я побывал во всех домах. Хаты без печных труб. Этих людей навещал только священник.

Шульц привозил жителям глухих деревень резиновые сапоги, ранцы, календари от торунской «Вспульноты польской» («Польской общины»).

— Всегда столько, чтобы досталось всем детям. Чтобы не видеть, как люди рвут друг у друга.

С помощью «Вспульноты польской» Леокадия Чихонь оснастила школу в Новом Заводе, которая с 1906 г. практически не ремонтировалась, стеллажами, деревянной обшивкой стен, новыми партами, классной доской. Из Польши прислали около 150 учебников с упражнениями. За ними ей пришлось ездить за 40 с лишним километров в Житомир и Новоград-Волинский, так как у почты там не в обычае доставлять посылки адресату. Она заранее договаривалась с таможенниками, чтобы те поехали с ней на почту и подтвердили, что книги не представляют никакой опасности. За учебниками приходилось несколько раз возвращаться. На эти поездки ей случалось истратить весь месячный заработок.

Классы отапливаются углем. В два часа ночи приходит истопник. Дети в семь утра приезжают в школу на автобусе, который собирает их по окрестным деревням. Вечером еще приходят на факультативные занятия при свечах. В первый год работы пани Леокадии дети получили от польского консульства зубную пасту и стостраничные тетради в твердых разноцветных обложках. Им хотелось оставить тетради в шкафу, нетронутыми. На память.

¹ Общественная организация, объединяющая польских учителей и школы с преподаванием на польском языке в Белоруссии. — *Пер.*

На следующий год они не получили ничего, даже тетрадей, и писали в прошлогодних.

— К счастью, мы больше говорим и читаем, чем пишем. Я стараюсь не нагружать детей домашними заданиями. Им приходится помогать по хозяйству. Кое-кто из них зарабатывает на свое содержание, например, торгуя бензином на шоссе.

Пани Леокадия приносила на уроки сладости. Немного калорий к однообразной еде, состоящей преимущественно из каши на воде и хлеба.

— Я и стригла людей, так как на парикмахера у них денег не было.

Из Польши она привозила одежду, из которой выросли ее родственники. По сей день эта одежда лежит на чердаке у директора школы. Говорят, он расплачивается ею с местными жителями, которые помогают в его хозяйстве.

Янина Патоцкая, приехав в Ташкент, застала четыре голые стены в неприглядного вида здании-молохе. Посольство снимало одну комнату для польского класса.

— Я могла поставить туда телевизор, сделать покраску. Но не стала: остальные дети в этой школе по-прежнему занимались бы в ободранных классах, а у поляков было бы все.

Урок польского языка

На репетицию представления «Дзядов», которое готовила Марта Ковалевская на театральных занятиях в Гродно, пришло так много желающих, что в спектакле были заняты две Зоси и четыре Колдуна. В завершающих сценах драмы — осовремененных, придуманных артистами — ксендз призывает души умерших поляков, связанных с восточными окраинами довоенной Польши.

Школа в Ужгороде при Обществе польской культуры Закарпатья, где преподавали супруги Ковалевские, работает с октября 1999 года. На торжественном открытии кто-то громко произнес: «Никогда не думал, что буду учить польский язык за одной партией со своим сыном».

— Изучение польского языка дает этим людям надежду, что им станет легче. Или по крайней мере их детям, — говорит Янина Патоцкая. — Часто я начинала с азбуки, даже с пожилыми. Они приходили после работы, после уроков, усталые.

В Ташкенте ей приходилось заниматься с несколькими поколениями одной семьи — от 10 до 82 лет. Юлия Гольнец, самая старшая ученица, пишет стихи по-польски и по-русски. Приходили и русские, пришли и четверо молодых артистов с узбекского телевидения.

— Для поляков, живущих в Румынии, Польша — это Эльдorado, как для нас когда-то Канада, — говорит Мариан Шульц. — Молодежь хочет переселиться в Польшу, жениться там, работать. Выучат польский язык и уедут в Польшу на работу.

Каждый год в Житомир приезжают экзаменаторы из польских вузов. В среднем человека два попадают на учебу в Польшу. Разрешены две попытки. Недавно у нескольких учеников Мариана Шульца начался учебный год — на факультете информатики в Торуня и на экономическом в Познани. А несколько учеников Ежи Ковалевского начали учебу в Кракове.

— Больше всего тоскуют по Польше те, кто уже побывал там и кое-что заработал. В этом патриотизме, как, пожалуй, повсюду в мире, преобладает практическое мышление, — говорит Мариан Шульц.

— Учитель, который туда приезжает, — рассказывает Янина Патоцкая, — становится чем-то вроде посла с незнакомой родины предков.

Но она не хочет быть послом из Утопии и пытается развеять иллюзии: приезжая в Польшу, ты столкнешься с трудностями, как любой из нас.

Уехать, а точнее вернуться

Пан Мариан опять обещает сам себе: хватит, никаких поездок. Но если в Качику соберется поехать человек, который не умеет обращаться с детьми, то Шульц, конечно, готов переправляться в очередной раз, пусть дорога и займет 50 часов. Пани Леокадия хочет вернуться на Украину в январе, к новому полугодю. Она тревожится, что другие не справятся.

— Трудно привыкнуть к жизни в деревне, где воду надо носить из колодца, а свет каждый день на несколько часов выключают.

— В Белоруссию, — говорят Ковалевские, — стоит поехать хотя бы для того, чтобы снова поставить «Дзядов», в которых будет две Зоси и четыре Колдуна.

Янина Патоцкая хотела бы снова поехать в Ташкент:

— Привезти людям немного оптимизма в это страшное время.

А пока не поехала, она сама себе напоминает, что самое время хотя бы засесть за письма. Узнать, например, как дела у Стася Брылевского, участника Варшавского восстания, который 8 лет провел в казахстанских лагерях. Он болен раком. Когда Янина еще была в Ташкенте, его опекал Польский клуб; жил он на небольшую пенсию и на деньги, получаемые из Польши через посольство. Он повторял:

— Янина, увидеть Варшаву и умереть.

На груди у него вытатуировано: «Не бросим землю, откуда мы родом». И орел, которого он с гордостью всем показывает.

Учительский набор

Вот уже 12 лет на восток ежегодно отправляются более ста польских учителей, чтобы обучать польскому языку и культуре. В 1997 г. их было 116, в 1999 г. — 131, а в 2000-м — 150. Больше всего их едет на Украину, в Белоруссию, Латвию и Казахстан. Несколько меньше — в Россию и Молдавию. Меньше всего — в Узбекистан (один человек в год), Армению и Румынию (2-4 в год). В 1989-1991 гг. направлением учителей на работу занималось министерство просвещения, а с 1991 г. по его поручению этим занимается Центральный институт усовершенствования учителей в Варшаве. Для выполнения этой задачи создана группа по делам Полонии, состоящая из трех человек.

Группа проводит набор кандидатов и организует 10-дневные курсы по подготовке к преподаванию польского языка как иностранного. Предпочтение отдается учителям польского языка, специалистам по начальному обучению, со стажем не менее двух лет, владеющим русским языком или языком принимающей страны; с отличным здоровьем, в возрасте до 55 лет, крепким физически и стойким психически — ввиду сурового климата и трудных бытовых условий. Особо ценятся умение легко устанавливать контакт и вести переговоры, общительность и культурные навыки, ибо учителя оказываются в центре внимания всего местного населения.

Преподавание польского языка с элементами истории и географии ведется: в школах и классах с преподаванием на польском языке (как, например, в Латвии и Белоруссии), в двуязычных школах, то есть в так называемых польских классах (например, на Украине, в Молдавии и Белоруссии), в 11-летних средних школах — как обязательного предмета (например, на Украине) или факультативного (например, в Казахстане и России), в детских садах (например, в Латвии, Молдавии и Казахстане), в домах детского творчества, кружках, воскресных школах, на курсах, готовящих молодежь к поступлению в польские вузы, а также на курсах для взрослых (например, в Казахстане).

НЕТРУДНО БЫТЬ ПРОРОКОМ

Беседа с Виславой Шимборской

— *Узнав, что вам присуждена Нобелевская премия, Чеслав Милош в статье об этом написал: «Польская поэзия выделяется на фоне мировой некоторыми своими чертами». Что, по-вашему, характерно для современной польской поэтической школы?*

— Я не чувствую себя литературным критиком. Милош — дело другое: он не только замечательный поэт, но и литературовед и вдумчивый критик, он имеет право высказываться о польской поэзии, а я не сумею. Если «польская школа» в самом деле существует, ей, я думаю, свойственно уважение к фактам, к действительности, которая волнует всех.

— *Думаю, подобное уважение есть и в поэзии Ахматовой, особенно в «Реквиеме» и «Поэме без героя». Кажется, будучи в Ленинграде, вы познакомились с Ахматовой?*

— Это было давно, где-то в начале 60-х. Мы составляли, как тогда говорили, «делегацию»: Владислав Броневский, Станислав Гроховяк, Артур Мендзыжецкий и я. Возили нас повсюду на машинах в постоянном сопровождении «опекунов», так что у нас почти не было возможности увидеть подлинную, обычную жизнь в СССР. Время изгладило воспоминания, но встреча с Анной Ахматовой осталась в памяти. Мы поехали к ней на дачу, в Комарово. Я немного знала ее творчество, но исключительно в переводах, так как, к сожалению, не говорю и не читаю по-русски, и во время того визита могла быть только наблюдателем. Нас приветствовала старая, но все еще красивая женщина в каком-то длинном, старомодном платье, с прелестной старинной брошью на груди. Мы знали, что в молодости она позировала Модильяни в весьма вызывающей позе. В какой-то момент она поднялась наверх, в комнату, и вернулась с фотографией этого рисунка. Самого рисунка уже не существовало, а фотография от времени сильно поистерлась. Встречу с Ахматовой я запомнила еще и в связи с весьма знаменательным сопровождавшим ее диссонансом.

Нас привел к Ахматовой Владислав Броневский — он был давно знаком с нею, быть может, дружен, не знаю, но несомненно питал к ней величайшее уважение. Однако нашим надеждам на интересную беседу не суждено было сбыться. Едва мы переступили порог как появились какие-то незнакомые типы и расселись вокруг.

Я тогда заметила гримасу на лице Ахматовой. Кем были эти люди? Может, какое-то местное партийное или литературное

начальство?.. Они сидели, наострив уши, и в результате разговор не клеился, а по правде говоря, просто не состоялся. Да, я прекрасно помню царственный, презрительный взгляд, каким Ахматова окинула незваных гостей...

— Эта встреча произошла уже после того, как Ахматова перевела одно из ваших стихотворений?

— Кажется, позже, хотя точно не помню. Ахматова не знала польского, так что при переводе пользовалась подстрочником. Она перевела стихотворение «За вином» — вернее, написала собственное оригинальное стихотворение, но я не только не в обиде на нее, а испытываю удивление и благодарность ей за то, что она проявила интерес к моему стишку¹.

К моим мимолетным знакомым я должна причислить и Иосифа Бродского. Он не раз бывал в Польше, в частности, в Кракове, где на приеме в его честь кто-то представил нас друг другу.

Разумеется, его окружали толпы поклонников и фотографов, что не облегчало беседы. Вскоре после этой встречи я увидела в американской прессе переведенное Бродским [на английский] мое стихотворение «Какие-то люди». Перевод превосходный.

Говоря о русских переводчиках, хочу с благодарностью вспомнить еще несколько имен, например ленинградского поэта Святослава Свяцкого — он один из первых перевел несколько моих стихотворений. Позже за мои стихи взялся Асар Эппель. Он не занимал официального положения в литературных кругах Москвы и в то время мог заниматься только переводами, но и с их публикацией бывали немалые трудности. Однако ему удалось опубликовать больше десятка переводов моих стихотворений. Когда он мне читал их, я, казалось, понимала буквально каждую фразу. Переводы звучали как вто-

рой оригинал. Теперь Эппель — автор нескольких книг рассказов и повестей, принадлежит к числу ведущих русских прозаиков и уже не может посвящать себя переводам. Мне немного жаль, хотя я отлично его понимаю. В настоящее время меня переводит поэтесса Наталья Астафьева, которая вместе с Владимиром Британишским издала в прошлом году антологию польской поэзии XX века, а в ней поместила большую подборку моих произведений. Так сложилось, что в России до сих пор мои стихи не публиковались отдельной книгой — быть может, потому что зарубежных поэтов там принято представлять в антологиях, так сказать, «коллективно»? Зато в других постсоветских странах — на Украине, в Литве, Латвии — изданы сборники моих стихов.

— В одной из посвященных вам книг помещена фотография, представляющая польских поэтов в Сухуми. Артур Мендзыжецкий, Владислав Броневский, Станислав Гроховяк и вы — в зоопарке, у клетки с обезьянами. А обезьяны — из числа любимых вами созданий, они — частые гости в вашей поэзии...

— Я заставила своих коллег на несколько часов выбраться в Сухуми, потому что там, как мне говорили, обезьяны живут на свободе! Стояла жара, солнце пекло нещадно, но коллеги, наконец, дали себя уломать и поехали со мной. На месте, однако, оказалось, что все это пропаганда. Обезьяны сидели в клетках, а некоторые — с трубками в голове, с повязками: на них проводили какие-то опыты. Я не увидела ни одной обезьяны, резвящейся на свободе, а коллеги заявили претензии: «Куда ты нас завела? В концлагерь?!» Тогда же я познакомилась с Евгением Евтушенко. Было это в Тбилиси, на юбилее Шоты Руставели. На это торжество пригласили многих выдающихся зарубежных по-

¹ Ахматова перевела еще два стихотворения Шимборской: «Баллада» и «Голодный лагерь близ Ясло».

этов, но звездой первой величины оказался Евтушенко. Он читал свои стихи с пафосом, с мимикой, сильно жестикуюлируя, чем привел публику в восторг. Настоящий шоумен. Кое-кто из приезжих пытался подражать его манере, что меня ужасно сместило, так как у западноевропейских поэтов это получалось комично и рискованно. Я устояла перед искушением имитировать Евтушенко, моей поэзии явно противопоказана декламация в повелительном наклонении. А Евтушенко умел это делать. Интересно, как он сейчас...

— *У него по-прежнему все отлично. Я не так давно видел его в Москве, элегантно, уверенного в себе, сразу после возвращения из США, где он, кажется, читал лекции по поэзии и издал английскую антологию русской поэзии. Но вернемся к уже упомянутому вами Бродскому. Чем пленила вас его поэзия?*

— Необычайным воодушевлением и поразительным богатством воображения. Однако я не принадлежала к любителям его манеры чтения. Так читали стихи встарь в России, превращая их в полумузыкальные произведения, в мелодекламацию. Напевность выбивается на первый план — с ущербом для смысла и поворотов мысли. Те же стихи, читанные дома, обнаруживают совершенство поэтической работы, точность метафор — они скорее требуют, чтобы их вдумчиво читали, а не слушали. Недавно я общалась с тенью Бродского, будучи с друзьями в Венеции. Мы посетили его могилу на кладбищенском острове Сан-Микеле. Бродский покоится не в православной части кладбища и не в еврейской, а в протестантской — почему, не знаю: может таково было его желание. На этой красивой трогательной могиле всегда много свежих цветов, и, что важнее, возле нее всегда кто-нибудь останавливается. Неподалеку покоится Сергей Дягилев. На

его могиле кто-то повесил прелестные розовые детские балетки. А на могиле Бродского лежит тетрадка в переплете из искусственной кожи, а в ней исписанные странички. Любой может оставить там письмо поэту или посвященные ему стихи.

— *Бродский, о чем свидетельствуют его беседы с Соломоном Волковым (изданные и в Польше), больше других русских поэтов ценил Марину Цветаеву...*

— И правильно, потому что она великая поэтесса. Недавно умерла моя приятельница Иоанна Саламон, интересный поэт и переводчица. Переводила она и Марину Цветаеву. Я прежде знала другие переводы стихов Цветаевой, но обычно они принадлежали мужчинам, что в данном случае давало не лучшие результаты. А под пером Иоанны Цветаева в самом деле оживала; русская поэтесса и ее переводчица были людьми с родственной психикой. Так оно порой бывает: один переводчик хватается читателя за руку и ведет его в мир поэта, а другой, хотя и верен оригиналу, на такое не способен.

— *Вы как-то признались, что уже в четырнадцатилетнем возрасте читали Достоевского.*

— Это правда. Мне очень рано попали в руки романы Достоевского, которые были в библиотеке родителей. Я читала их с пылающим лицом, потрясенная прежде всего захватывающим сюжетом и демоническими персонажами. Конечно же, я не могла в то время понять глубинный смысл книг Достоевского. Это пришло позже.

— *Но вы предпочитаете Достоевскому Диккенсу — так написано в вашем стихотворении «Возможности»?*

— Предпочитаю. Это моя шкала ценностей, я никому ее не навязываю. Назову лишь одну причину. Достоевский был мас-

тером в создании образов негодяев, шутов и людей, испорченных мрачными жизненными обстоятельствами. Зато люди, которые руководствуются самыми благородными побуждениями и врожденной добротой, удаются ему гораздо меньше. Они представляются мне, прошу прощения, какими-то неаппетитными. А Диккенсу такого рода персонажи удавались отлично. Образно говоря: я была бы очень рада, если бы здесь, рядом с нами, сидел в кресле, к примеру, мистер Пиквик, но Боже меня упаси увидеть здесь князя Мышкина.

— *А самого Достоевского?*

— Нет. Я мало с кем из писателей хотела бы лично познакомиться.

— *Получая Нобелевскую премию, вы прочитали три стихотворения: «Псалом», стихотворение о беженцах и жертвах войны «Какие-то люди», а также «Версию происшествия» — своего рода взгляд с перспективы космоса на мир человека. Почему именно эти стихи?*

— Вероятно, они просто оказались под рукой. С таким же успехом я могла выбрать и другие из готовых переводов моего шведского переводчика Андерса Бодегарда.

— *После сентябрьской трагедии в Нью-Йорке вы опубликовали стихотворение «Фотография 11 сентября»...*

— О терроризме как явлению я написала стихи, кажется, первая в Польше: «Террорист, он следит...». Я знала, что ПНР сочувствовала террористам разных мастей, даже поддерживала их и обучала, что было секретом Полишинеля. Цензура, однако, не могла запретить это стихотворение, чтобы не подумали, будто система одобряет террористов. Довольно давно я написала и о пытках. Эти темы, к сожалению, продолжают оставаться актуальными, поэзию читают те, кто готов принять ее послание, но те, ко-

му она действительно адресована, — террористы и палачи — никогда ее не читают. Это трагедия литературы.

— *Да, Осам бен Ладен не прочтет «Фотографию 11 сентября», но среди близких тех, кто погиб во Всемирном торговом центре, наверняка есть люди, прочитавшие это стихотворение. Выходит, с одной стороны литература бессильна, но с другой — ее существование поддерживает человека. А вы смотрели тогда по телевидению передачу из Нью-Йорка?*

— Да, но чуть позже я увидела в газетах фотографии людей, которые прыгали из окон горящего здания. Это стихотворение — о них.

— *Когда-то в «Сверхурочном чтении», статейках, публиковавшихся на страницах самых популярных польских журналов, вы напророчили, что ничто не удержит террористов, что все чаще их жертвами будут становиться случайные, ни в чем не повинные люди: покупатели в супермаркетах, пассажиры на вокзале, а в один прекрасный день террористы атакуют какой-нибудь небоскреб.*

— В этом мире нетрудно быть пророком. Все легче становится предвидеть разного рода катастрофы. Но я не припомню, чтобы в «Чтении» напророчила такие события. Стихотворение о террористе тоже не было пророчеством: в нем описывалось то, что уже имело место в действительности. Порой я разрешаю себе пророчествовать, но на темы несравненно более легкие. Как-то я написала маленький очерк о календаре, спрашивая: а что, если из-за недосмотра корректоров в календаре появились бы, к примеру, две среды на одной неделе? И вот передо мной календарь на 2002 год с двумя средами подряд, а четверга не существует: после двойной среды наступает пятница. Накаркала.

Беседу вел Ян Стишалка

Вислава Шимборская

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТЕРРОРИСТ, ОН СМОТРИТ

Бомба взорвется в баре в тринадцать двадцать.
Сейчас тринадцать шестнадцать.
Кто-то успеет войти,
кто-то успеет выйти.
Террорист переходит улицу.
Взрыв ему не опасен,
а видно все, как в кино:

Женщина к желтой куртке, заходит.
Мужчина в темных очках, он выходит.
Парни, одетые в джинсы, о чем-то там говорят.

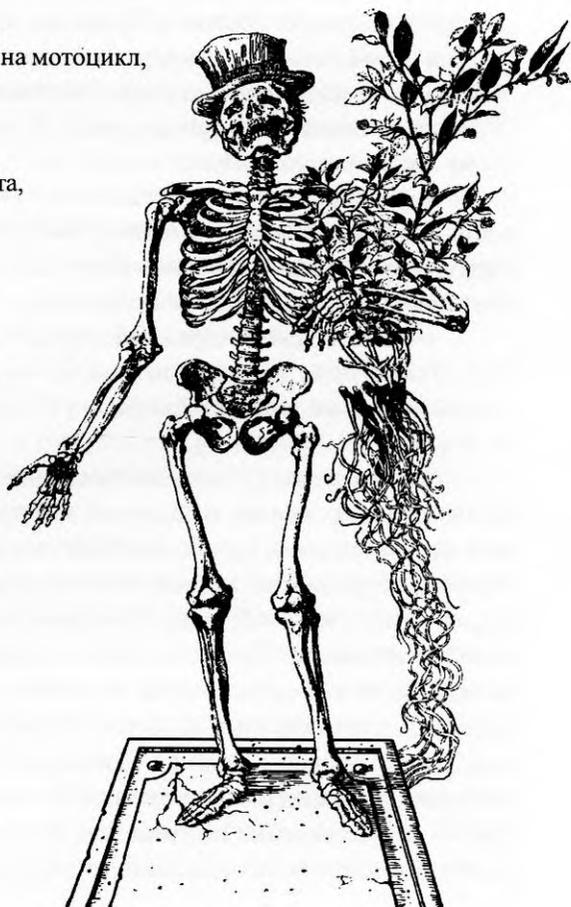
Тринадцать семнадцать четыре секунды.
Тот, кто пониже, — счастливчик, садится на мотоцикл,
а тот, кто повыше, заходит внутрь.

Тринадцать семнадцать и сорок секунд.
Проходит девушка, в волосах зеленая лента,
внезапно ее заслоняет автобус.

Тринадцать восемнадцать
И девушки не видно.
Неужели она так глупа и вошла, или нет,
мы узнаем тогда, когда начнут выносить.

Тринадцать девятнадцать.
Никто не заходит.
Но вышел лысый толстяк.
Он ищет что-то в карманах и
в тридцать девять без десяти секунд
вернулся назад за никчемной перчаткой.

Тринадцать двадцать.
Время, как оно тянется.
Уже, наверно, теперь.
Еще не теперь.
Да, теперь.
Бомба, она взрывается.

Перевод Михаила Микляева

* * *

Я слишком близко, чтоб присниться ему.
Не порхаю над ним, не иду от него
под корнями деревьев. Я слишком близко.
И голосом не моим рыба запела в сети.
Не с моего это пальца колечко скатилось.
Я слишком близко. Дом запылал
без меня, не могу звать на помощь. Слишком близко,
чтоб в моих волосах зазвенел колокольчик.
Слишком близко, не войти мне гостем,
пред которым распахнуты стены.
Уже никогда не умру так легко, так вне тела, так безотчетно,
как прежде в его сновидениях. Я слишком близко,
слишком близко. Слышу шипение
и вижу блестящую кожу слова,
застыла в объятиях. Он спит,
в этот момент доступен он более
кассирше из шапито, что странствовал со львом,
чем мне, лежащей с ним рядом.
Теперь для нее в нем открыта краснолиственная
долина, закрытая снежной горой
в лазурном воздухе. Я слишком близко,
чтоб птицею с неба упасть к нему. Мой крик
мог бы лишь разбудить. Бедная,
оказалась в границах тела,
я была березой, бывала ящерицей
из времен выходила
в цветных переливах атласов кожи. Имела счастье
исчезать с изумленных внезапностью глаз, —
это было богатством богатств. Я близко,
слишком близко, чтоб сниться ему.
Достаю из-под спящего руку,
оцепеневшую, всю в булавках.
На кончике каждой из них —
по падшему ангелу.

Перевод Михаила Микляева

ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Все мое, но не надолго,
все не насовсем на память,
а мое, покуда вижу.

Были ли, уже не вспомню,
головы у богинь.

От города Самоков только дождь
и ничего кроме дождя.

Париж от Лувра до деталей
затягивается бельмом.

От бульвара Сен-Мартен одни ступени,
и ведут они в провал.

Всего лишь полтора моста
в Ленинграде многомостном.

От Упсалы бедной:
кусочек большого собора.

Несчастный танцор софийский,
тело без лица.

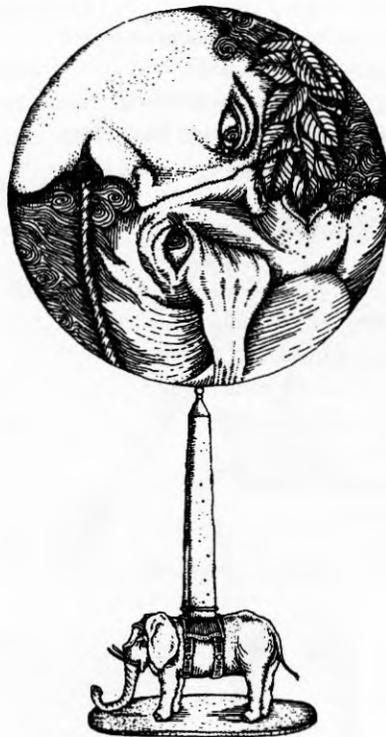
Отдельно его лицо без глаз,
отдельно его глаза без зрачков,
отдельно зрачки кота.

Кавказский орел ширяет
над реконструкцией ущелья,
золото солнца не червонно
и фальшивы камни.

Все мое, но не надолго,
все не насовсем на намять,
а мое, пока гляжу.

Неоглядны, необъятны,
а подробны аж до жилки,
до песчинки, до каждой капли
— пейзажи.

Не сберечь мне ни былинки
в полной подлинности зримой.

Приветствие с прощаньем
в одном и том же взгляде.

Обретенье и потеря —
в одном движенье шеи.

Перевод Натальи Астафьевой (из книги «Соль» 1962)

МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА СТАСКИВАЕТ СКАТЕРТЬ

Вот уже год на этом свете,
а тут еще не все исследовано
и взято под контроль.

Теперь опробуются вещи,
которые не двигаются сами.

Нужно им в этом помочь,
подвинуть, подтолкнуть,
брать с места и переносить.

Не все хотят, например, шкаф, буфет,
неподдающиеся стены, стол.

Но скатерть на столе упрямом —
если схватиться за края покрепче —
согласна ехать.

А на скатерти стаканы, ложки, чашка
аж трясутся от охоты.

Очень интересно,
какое они выберут движенье,
когда окажутся уж на краю:
гулять по потолку?
летать ли вокруг лампы?
прыгнуть на подоконник, а оттуда на дерево?

Мистер Ньютон пока не при чем.
Пусть себе смотрит с неба и машет руками.

Эта попытка сделана должна быть.
И будет сделана.

Перевод Натальи Астафьевой («Зешиты литерацке», 2001 № 3)

ЛЮДИ НА МОСТУ

Странная эта планета и странные на ней люди.
Подчиняются времени, но признать его не хотят.
Есть у них способы, чтобы выразить свой протест.
Картинки, например. Такая, скажем:

Ничего особенного, на первый взгляд.
Видна вода.
Виден один из берегов.
Лодка, упрямо плывущая против течения.
Мост над водой и люди на мосту.
Люди заметно прибавляют шаг,
поскольку вдруг из темной тучи
дождь начал остро сечь.

Все дело в том, что ничего не происходит дальше.
Туча не изменяет цвет и форму.
Дождь не усиливается и не утихает.
Лодка плывет без движенья.
Люди на мосту
бегут все на том же месте.

Без комментария не обойтись:
Картинка не такая уж простая.
Художником остановлено время.
Отвергнуты его законы.
Оно лишено влиянья на ход событий.
Пренебрегли им и его презрели.

По воле бунтовщика,
некоего Хиросиге Утагавы¹
(который, впрочем,
давно как и положено минул),
время споткнулось и упало.
Может быть, это лишь озорная шутка,
шалость в масштабе двух-трех галактик,
на всякий случай однако
добавим, что следует ниже:

Здесь считают хорошим тоном
восторгаться этой картинкой,
высоко ее ценят уж многие годы.

¹ Хиросиге Андо (Утагава Хиросиге) (1797-1858) — японский художник; речь идет о его цветной гравюре на дереве «Внезапный дождь в Охаси» (1857).

Есть такие, которым и этого мало.
Слышат даже шум дождя,
ощущают холодные капли на шеех и спинах,
смотрят на мост и людей,
будто видят там и себя,
в том же самом нескончаемом беге
бесконечной дорогой, отбываемой вечно,
и верят в своем самомнении,
что так и на самом деле.

Перевод Натальи Астафьевой (из книги «Люди на мосту», 1986)

ФОТОГРАФИЯ 11 СЕНТЯБРЯ

Прыгнули вниз из горящего зданья —
один, два, несколько человек
выше, ниже.

Фотография их задержала при жизни,
а теперь сохраняет
над землею к земле.

Каждый из них еще цел,
со своим лицом
и кровью хорошо укрытой.

Времени еще хватает,
чтобы волосы растрепались,
а из карманов повыпадали
ключи, мелкие деньги.

Они еще витают в воздухе,
в пределах этого пространства,
которое как раз открылось.

Только две вещи я могу для них сделать —
описать их полет
и не добавлять последней фразы.

Перевод Натальи Астафьевой («Аркуш» 2001 № 12)

В ПАРКЕ

- Ой-ёй — удивляется мальчик —
а кто эта пани?
— Это памятник Милосердья
или чего-то такого —
отвечает мама.
— А почему эта пани так по... о... б... бита?
- Не знаю, сколько помню,
всегда была в таком виде.
Город должен что-то с этим сделать.
Или ее обновить или выбросить вовсе.
Ну, ладно, ладно, идем дальше.

(2001)

Перевод Натальи Астафьевой

ЗАМЕТКА

Жизнь — единственный способ,
чтобы обрести листвою,
ловить ртом воздух на песке,
взлетать на крыльях;

быть собакой
или гладить ее по теплой шерсти;
отличать боль
от всего, что не является ею;

быть в орбите событий,
теряться в пейзажах,
искать наименьшей среди ошибок.

Исключительный шанс,
чтобы хоть мгновенье помнить,
о чем беседа шла
при потушенной лампе;

и чтобы хоть раз однажды
споткнуться о камень,
под дождем промокнуть,
ключи потерять в траве;

и взглядом следить за искрой при ветре;

и всегда какой-то важной вещи
не знать, не ведать.

(2001)

Перевод Натальи Астафьевой

Гжегож Пшебинда

СВЕТ С ВОСТОКА

Православие в религиозно-философской мысли Иоанна Павла II

Журнал «Вопросы философии», некогда бастион диалектического материализма, в апреле 1996 г. опубликовал апостольское послание Иоанна Павла II «*Oriente lumen*» («Свет Востока»), посвященное восточнохристианской духовности. Чтение этого выдающегося произведения сегодня не может оставить равнодушным ни русского, ни украинского исповедника православия. Это пасырское послание, говорящее о православной мистике и богослужебных и монашеских традициях, стало, можно сказать, литературно-богословским и духовным апогеем со-чувствования и со-понимания православия нынешним Папой. Да и весь католический Рим до сих пор еще ни разу не описал так проникновенно, как это сделано в папском послании, мистическое и аскетическое наследие православного Востока. Это хорошо отметил Сергей Хоружий во вступлении к публикации в «Вопросах философии»: «Православная икона, литургическая музыка, аскетическая традиция осознаются (в апостольском послании «Свет Востока». — Г.П.) в качестве ценностей, внятных для католического сознания и способных питать его. Сближение становится внутренним и не может не приводить к осознанию общего духовного корня двух традиций, к созиданию единства христиан изнутри. (...) Выбор тем и акцентов тут очень точен. Эсхатологизм и холизм (религиозное осмысление телесности, материи, космоса), идеал обожения, стержневая роль сферы подвига, монашеско-аскетической традиции — все это действительно ключевые моменты православного мирозерцания; то, как представлена здесь православная традиция, не расходится с ее собственным пониманием себя».

Исходя из евангельского образа «посетил нас Восток свыше» (Лк 1, 78), т.е. образа Самого Основателя христианства, Иоанн Павел II говорит о «свете с Востока», который за много веков до этого воссиял из Иерусалима (Ис 60), чтобы потом через апостолов распространиться ко всем народам. Напоминая, что многие народы «гордятся тем, что

первым свидетелем Христовым имели кого-нибудь из апостолов», Папа имеет в виду и предание, сохранившееся со времен Киевской Руси. Согласно «Повести временных лет», на русской земле пребывал апостол Андрей Первозванный. Сначала он благовествовал в Византии и на берегах Черного моря, а затем из Корсуня (Херсонеса) в Крыму достиг тех мест, где позднее выросли Киев и Новгород. В «Свете Востока» возвращается мотив «славянского Папы», продолжателя миссии Кирилла и Мефодия: «Как сын одного из славянских народов я особенно сильно слышу в своем сердце призыв тех народов, к которым прибыли святые братья Кирилл и Мефодий — достойный пример апостолов единства, — возвещавшие Христа в поисках общения Востока и Запада, несмотря на трудности, которые уже тогда противопоставляли друг другу оба эти мира. Я часто приводил в пример их труды, обращаясь ко всем их детям по вере и культуре».

В «Свете Востока» Папа производит как *предварительное описание* (православных традиций), так и критическое *суждение* (о вредном «духе разделения»), выдвигает *постулаты* (лучшего взаимопонимания между православными и католиками, которое может происходить, в частности, путем сотрудничества «сестринских приходов») и, наконец — *last but not least*, — дает *указания* (чтобы католические миссионеры в России не пользовались своим материальным превосходством над православными братьями). Папское описание носит богословско-практический характер: Иоанн Павел II переходит, как сказано в заглавии второй части послания, «От познания к встрече». Однако, чтобы это взаимопонимание католиков и православных вообще наступило, автор «Света Востока» должен был обратиться к самым основам православного предания, которое он желал понять в неизменном по существу и динамичном по форме диалоге христианских поколений. Приведем еще одну цитату из «Света Востока», которая хорошо показывает, как именно Иоанн Павел II со-

гласует уважение к *единому неизменному церковному Преданию* с критическим суждением о *косных традициях* поместных Церквей, часто составляющих лишь скромное дополнение к идеологии национальной исключительности:

«Мы часто чувствуем себя замкнутыми в пределах настоящего времени: человек словно утратил сознание принадлежности к истории, которая ему предшествует и после него продолжается. (...) *Предание есть наследие Церкви Христовой*, живая память о Воскресшем, Которого встретили и Которого возвещали апостолы; они передали живую память о Нем своим преемникам, непрерывность линии которых гарантируется апостольским наследованием через рукоположение — вплоть до сегодняшних епископов. Эта живая память выражается в историческом и культурном наследии каждой Церкви, воздвигнутой как на свидетельстве мучеников, отцов Церкви и святых, так и на живой вере всех христиан на протяжении веков, вплоть до наших дней. Речь идет не о повторении неизменных формулировок, но о наследии, сохраняющем живой, изначальный керигматический¹ ствол. Предание хранит Церковь от опасности усвоить лишь изменчивые мнения и гарантирует их достоверность и непрерывность.

Когда практику и обычаи, присущие той или иной Церкви, рассматривают как нечто нерушимое, это несомненно угрожает Преданию тем, что оно лишается своего характера живой, возрастающей и развивающейся действительности, приданного ему Духом Святым, для того чтобы оно обращалось к людям всех времен».

¹ **Керигма** — понятие родом из Библии (греч. «предсказание» или «содержание предсказания»). Оно означает торжественную соборную похвалу спасению Иисусом распятым и воскресшим, часто соединяющуюся с призывом к покаянию, крещению, возрождению веры, углублению нравственной жизни Церкви. У Папы «керигма» вдобавок означает основанную на Священном Писании верность неизменному и единому Преданию.

Как в деле апологии национальной разнородности в Церкви, так и в своем решительном противостоянии признанию отдельных традиций застоявший превыше истории абсолют Папа ищет союзников в лице Кирилла и Мефодия:

«Подход обоих солунских братьев характерен для христианской древности, для стиля деятельности многих Церквей; Богоявление возвещается так, как надо, и становится вполне понятным, когда *Христос говорит языками разных народов* (...) Этот пример учит нас, что если мы хотим избежать возрождения разных видов партикуляризма, а также радикального национализма, то должны понять, что благовествованию необходимо быть глубоко *укорененным в специфике культур и одновременно открытым ко включению во всеобщность*, которая основана на обмене дарами ради взаимного обогащения».

Папа с полным сочувствием и пониманием одну за другой описывает православные традиции: исихазм, апофатическое богословие, литургию, монашескую жизнь в

ее двух видах, принцип «обогащения», принцип «высокой оценки женского элемента в Церкви» и фигуру «духовного отца». По отношению к каждой отдельной культуре, как он пишет, «христианский Восток играет исключительную, привилегированную роль, ибо он составлял изначальную среду рождающейся Церкви». Православное *богослужение*, синкретически соеди-

няя образ, слово и звук, несомненно составляет один из центров восточного христианства. Еще крестивший Русь св. Владимир принял византийский обряд по совету своих послов, которые в восторге рассказали ему: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой и не знаем, как и рассказать об этом. Знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Опираясь

**ХРИСТИАНСКИЙ ВОСТОК
ИГРАЕТ
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ,
ПРИВИЛЕГИРОВАННУЮ
РОЛЬ, ИБО ОН
СОСТАВЛЯЛ
ИЗНАЧАЛЬНУЮ СРЕДУ
РОЖДАЮЩЕЙСЯ
ЦЕРКВИ**

на традиции Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, а также Климента Александрийского, Иоанн Павел II считает, что литургия «интегрально наделяет ценностью личность», в состав которой входят также плоть и чувства, призванные чтить Бога. Даже в этом литургическом контексте Иоанн Павел II хочет примирить человеческую «имманентность» с Божественной «трансцендентностью»:

«В литургии плоть также призвана поклоняться, а красота, которая на Востоке представляет собой один из самых замечательных способов выражения Божественной гармонии и образец преображенного человечества, явлена везде: в формах храма, звуках, красках, свете, запахах. Длительное богослужение, повторяющиеся ектеньи — все это выражает постепенное отождествление всей личности с отправляемой мистерией. Церковная молитва уже тем самым становится участием в небесной литургии, залогом окончательного состояния блаженства. Это надделение ценностью личности, включая ее рациональные и чувственные элементы, в «экстазе» и имманентности, очень нужно сегодня, ибо составляет замечательную школу понимания смысла сотворенных вещей: они не абсолют, но и не вместилище греха и нечестия. *В литургии вещи являют свою собственную природу дара*, который Творец дарует человечеству: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт 1,31)».

Киновия и отшельничество — две формы монашеской жизни на Востоке, не такой многообразной, как в Европе. Первая идет от Пахомия Великого и Василия Великого и осуществляет евангельские принципы в общежительстве; вторая — это жизнь пустытника (анахорета), так жили, например, Антоний Великий и Макарий Египетский. Однако Иоанн Павел II видит единство обеих православных форм монашеской жизни, говоря, что «разные формы монашеской жизни, от строгой киновии (...) до самого твердокаменного отшельничества (...) скорее соответствуют различным этапам духовного пути, а не разному выбору состояния жизни. Все они составляют монашество как таковое, независимо от того, в какой форме оно выражается». В контексте восточного монашества Папа говорит о фигуре православного монаха, вновь стремясь примирить «имманентность» с «трансцендентностью». Он пишет, что монаху «дано иногда

(...) созерцать этот мир, уже преображенный обожающим действием Христа, Который умер и воскрес».

Принцип высокой оценки женского элемента в Церкви, на который — в связи с православным монашеством — обращает внимание Иоанн Павел II, вытекает и из его собственной картины христианства, которую часто называют «мариинской», а также из богословского восприятия смысла истории. Напоминая «прекрасное свидетельство монахинь на христианском Востоке», Папа подчеркивает, что «оно дало образец высокой оценки женского элемента в Церкви, преодолевая даже умонастроения своего времени». Пожалуй, следовало бы написать отдельную книгу о мариологии Иоанна Павла II и ее связях с культом Пречистой Девы на Руси. О том, как велик был этот культ, свидетельствует, например, популярность в Киевской Руси византийского апокрифа XII века «Хождение Богородицы по мукам». Матерь Божия, тронутая стоном грешников в аду, испрашивает у Отца и Сына освободить их от мук от Страстного четверга до Пятидесятницы. Тут привходит еще проблема православной «софиологии», т.е. мистического учения о Софии Премудрости Божией, т.е. женском аспекте Бога, в древнерусском христианстве нередко выступающего как личность.

Обожение (греч. *теозис*), в котором «человек становится Богом», резко отличается от *возвращения к безличному Единому* у Плотина, не говоря уже о его принципиальной противоположности — идеи *секулярного обожествления*, сформулированной в середине XIX века Людвигом Фейербахом. О. Иоанн Мейендорф говорит в этом контексте о «жизни во Христе» и «в общении Духа Святого» и выводит принцип «обожения» из халкидонского догмата о божественной и человеческой природе Христа, толкуя его в духе «трансцендентного персонализма»: «Пантеизм, побег от истории и платонический спиритуализм — очевидные опасности, а православная халкидонская теория, сознавая их, обосновывает положительную концепцию человека как существа, призванного к неустанному преодолению своих собственных ограничений как тварного. Истинная природа человека считается в ней не «автономной», а такой, предназначение которой — участие в божественной жизни, которая стала ему доступна во Христе. В согласии с этой концепцией человек мо-

жет исполнить свою роль в сотворенном мире лишь тогда, когда сохранит нетронутым «образ» Божий, который с самого начала был частью самого человечества». Иоанн Павел II в согласии с Преданием выводит принцип обожения из учения каппадокийских отцов Церкви, которые в этом пошли вслед Иринею Лионскому, еще под конец II в. говорившему, что «Бог стал Сыном Человеческим, чтобы человек стал сыном Божиим». Один из них, Григорий Нисский, связывал взлет человеческой души к Богу — никогда, однако, не достигающий предела — с систематическим удалением всего не-Божиего. Говоря о принципе «обожения», Иоанн Павел II ссылается также на Николая Кавасилу и его трактат «Жизнь во Христе», где мы читаем, что «люди стали богами и сынами Божиими», а «прах вознесен до такой степени славы, что в почитании и божественности равен природе Божией».

Приближаясь к концу этих заметок о том, как объясняет Иоанн Павел II основные аспекты православной духовности, я хотел бы еще раз напомнить о фигуре *духовного отца* — того, кто в религиозной практике восточных славян играет одну из центральных ролей. Можно даже сказать, что вопреки традиции славянофилов, рассматривавших Церковь как своего рода мистико-анархическую общину, каждый участник которой имеет равный удел в нравственно-религиозной жизни, православный духовный отец восстанавливал в восточном христианстве принцип авторитета. Здесь Иоанн Павел II переходит от описания традиций к современному положению и формулирует тезис о том, что православный духовный отец, который выполнял роль «детоводителя» по отношению к монахам («пути монаха обычно определяет не только личное усилие — он поддерживает связь с духовным отцом, которому вверяется с сыновним доверием, убежденный, что в нем явлено

благое, но требовательное отцовство Бога»), может представлять образец и для современного человека, искушаемого и нередко поддающегося на соблазны духовных лжеотцов:

«Восток особым образом учит нас, что есть братья и сестры, которым Дух Святой уделит дар духовного водительства: это драгоценные точки опоры, так как они смотрят оком любви, таким же, каким всегда смотрит на нас Бог. Речь идет не об отказе от своей свободы и подчинении чужому руководству — речь идет об использовании знания сердца, этого истинного дара благодати, чтобы в поисках путей к истине получить помощь, уделяемую мягко и решительно. Наш мир нуждается в отцах. Часто он отвергал их, ибо они казались ему мало заслуживающими доверия или же их модель казалась устарелой и малопривлекательной для сегодняшнего склада ума. Однако новых отцов ему

приходится находить с большим трудом, и поэтому он страдает страхом и неуверенностью, не имея образцов и точек опоры».

Здесь, подчеркнем еще раз, Иоанн Павел II переходит с высокого уровня сопонимающего описания на еще более высокий уровень духовного делания. Ибо главной целью «Света Востока» было охватить синтезом то живое и великое Предание, которое соединяет друг с другом «два легких» христианства и одновременно показывает будущие пути взаимопонимания. Сколь драматично и убедительно прозвучало почти личное — прибавим, по духу совершенно близкое Владимиру Соловьеву — признание Папы в том, что он каждый день испытывает все более страстное желание заново проследить историю Церкви и написать («наконец») историю «нашего единства». Так мы вместе с Иоанном Павлом II вернулись бы во времена, «когда после смерти и воскресения Господа нашего Иисуса Благая Весть распространилась в самых разных культурах, между которыми

**ХОТЬ НЕ БЫЛО
НЕДОСТАТКА
В ТРУДНОСТЯХ
И КОНФЛИКТАХ,
ПОСЛАНИЯ СВЯТЫХ
АПОСТОЛОВ
И ТРУДЫ ОТЦОВ ЦЕРКВИ
УКАЗЫВАЮТ НА ТЕСНЫЕ,
БРАТСКИЕ СВЯЗИ
МЕЖДУ ЦЕРКВЯМИ,
КОТОРЫЕ СОХРАНИЛИ
ПОЛНОЕ ОБЩЕНИЕ
ВЕРЫ И В ТО ЖЕ ВРЕМЯ
ВЗАИМНО УВАЖАЛИ
СПЕЦИФИКУ И ОСОБЫЙ
ОБЛИК ДРУГ ДРУГА**

начался необычайно плодотворный обмен». И «хоть не было недостатка в трудностях и конфликтах, послания святых апостолов (см. 2 Кор 9, 11-14) и труды отцов Церкви указывают на тесные, братские связи между Церквями, которые сохраняли полное общение веры и в то же время взаимно уважали специфику и особый облик друг друга. (...) *Первые вселенские соборы — красноречивое свидетельство этого прочного единства и разнобразия*».

Вторая из двух главных частей послания «Свет Востока» носит название «От познания к встрече» и — через «опыт единства», через «встречи, познание и сотрудничество» — завершается «общим паломничеством к *Oriente lumen*». Ни в одном другом из папских «славянских» документов нет такого прекрасного описания православной духовности, и в то же время нигде больше мы не найдем столь точных указаний о том, как наше знание о духовности православных собратьев может стать вступлением к конкретным делам примирения. Иоанн Павел II отмечает, что христиане — как католики, так и православные — в силу взаимного непонимания и разделений лишили мир общего свидетельства, которое могло предупредить многие драмы и даже изменить ход истории: «Грех нашего разделения тяжек». На христианах лежит особый долг давать совместное свидетельство людям своего времени, в том числе и тем, кто стоит вне Церкви. Особенно сокрушается Иоанн Павел II над фактом «взаимного исключения из общего участия в Евхаристии».

С польской же точки зрения, православно-католический экуменический диалог мог бы содействовать и русско-польскому примирению. Послание Папы обращено к епископам, духовенству и верующим, прежде всего напоминая, что изменение хода истории может начаться на уровне рядового католического прихода, в том числе и польского. Следующая цитата не только рисует нам представление Папы о том, как надо действовать, но и — что, вероятно, очевидно, каждому, кто знает польскую церковную действительность второй половины 90-х и так или иначе старается в ней участвовать, — позволяет прийти к выводу, что приводимый ниже призыв Иоанна Павла остался практически без отклика:

«Важно, чтобы церковные общины в разных формах и более широко включались в эти встречи и взаимный обмен. Мы знаем, например, насколько конструктивными в деле культурного и духовного взаимообогащения, а также в творении дел милосердия могут оказаться контакты между приходами-«близнецами»».

Еще одной очень важной практической рекомендацией Папы было ликвидировать «известную напряженность между Римской Церковью и некоторыми Церквями Востока», которая «затрудняет совместное шествие к единству в духе взаимного уважения». Речь шла о том, чтобы при пастырском окормлении католиков на территории бывших коммунистических государств не использовать западного материального превосходства над существующими там бедными православными общинами.

«*Беда нам, если обеспеченность одних станет для других причиной унижения или бесполезного и огорчительного соперничества* (подчеркнуто мной. — Г.П.). Со своей стороны западные общины должны там, где это возможно, осуществлять социальные программы вместе с братьями из восточных Церквей или помогать им в осуществлении того, что предпринимают они на службе своим народам; во всяком случае пусть они на территориях, где действуют и те и другие, никогда не ведут себя с пренебрежением к трудолюбивым усилиям, предпринимаемым восточными Церквями, заслуги которых тем выше, чем более ограничены их возможности».

Размышления о послании «Свет Востока» можно завершить напоминанием о богословской надежде Иоанна Павла II, или, собственно говоря, его созидательной уверенности, обращенной к будущему:

«На Востоке каждый день снова встает солнце надежды, свет, возвращающий роду человеческому бытие. С Востока, в согласии с прекрасной метафорой, вернется наш Спаситель (см. Мф 24,27)».

И на этой — дай ей Бог исполниться — метафоре можно уже закончить эти размышления о «Свете Востока», где богословие славянского экуменизма Иоанна Павла II дополнено чарующей красотой формы.

Анжей де Лазари

БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ ЕВРОПА

*К спасению ведут множество путей, ведомых одному лишь Богу.
Не станем спорить, какой из них лучший или единственно верный.*

о. Вацлав Хрыневич

Стереотипы сильнее политкорректности. Если уж сами русские разделили нашу культурно-географическую действительность на Россию и Европу, то почему бы нам не сделать то же самое? Для многих русских авторитетом до сих пор остается Николай Данилевский, который в 1869 г. в трактате «Россия и Европа» заявил, что это два полностью противоположных и враждебных друг другу мира. А мы? Разве мы не обращаемся к произведениям, скажем, Феликса Конечного, чтобы обосновать свою манию величия, отмежеваться от «азиатского» Востока и недвусмысленно причислить себя к культуре Запада? Мы постоянно подчеркиваем, что в Европе («Западной») мы испокон веков — нам осталось только вступить в Европейский союз...

Конечно, не все отделяют Россию от Европы. Русские западники укрепляют авторитет европейской России начиная с 40-х годов XIX в. (из последних книг на эту тему стоит отметить труд краковского исследователя Василия Шукина «Русское западничество. Происхождение — сущность — историческая роль», изданный по-русски в лодзинской серии «Идеи в России», и трактат Владимира Кантора «Русский европеец как явление культуры», М., 2001), а некоторые аналитики приходят к выводу, что авторитет этот начинает брать верх в политике «русского немца» Владимира Путина.

Теперь я хочу выдвинуть весьма рискованный (по соображениям политкорректности) тезис: светский мир в состоянии объединиться (пример тому — Евросоюз), церковный — нет. Прекрасная идея экуменизма представляется мне утопической, несмотря на усилия многих мыслителей — священников и мирян, в том числе героев и учителей Гжегожа Пшебинды — Владимира Соловьева и Иоанна Павла II. Вместе с ними Пшебинда мечтает об абсолютном Добре, вместе с ними он хочет проповедовать «Оправдание Добра». Все это прекрасно, но это утопия.

Подобно предыдущим, новая книга Гжегожа Пшебинды выдержана в духе экуменизма. Книга необыкновенно теплая, да и можно ли говорить иначе о взглядах Иоанна Павла II? «Предметом моих исследований и наблюдений, — формулирует свою задачу автор, — является текст Папы в самом широком смысле, т.е. не только словесное, но и несловесное свидетельство Иоанна Павла II. Ибо в его миссии — а в его славянском учительстве в особенности — важнее опубликованного текста часто бывает встреча с другим человеком, дружеский жест или поцелуй мира, данный, например, в ответ на вероуचितельные обвинения тех, кто еще сомневается в экуменическом согласии в Церкви». Такая «формула книги» обуславливает стиль изложения мыслей, поэтому ничего удивительного, что Пшебинда оставляет в стороне эти «вероуचितельные», а тем более, идеологические обвинения непримиримых русских националистов — таких, как [покойный] петербургский митрополит Иоанн, — усматривающих в миссии Иоанна Павла II и в экуменизме как таковом «грядущего Антихриста». По мнению Пшебинды, Россия и Украина — часть «большой Европы», охватывающей идейное пространство «от Атлантики до Урала». В нынешнем же понтификате автор книги видит великую надежду на воплощение мечты об оживлении интеллектуального и религиозного диалога между Востоком и Западом.

Я такой надежды не вижу. Точнее, вижу немалые надежды на мирской интеллектуально-политически-экономический диалог между Россией, западным миром и Польшей, но не на примирение Католической и Русской Православной Церквей, а тем более — на соединение христианских Церквей. Вину за это несет не одно лишь русское православие. Любопытно, что в своем анализе и в своих надеждах Гжегож Пшебинда ограничился высказываниями Иоанна Павла II, оставляя

в стороне более широкую проблему «политики» Ватикана по отношению к России, Украине и экуменизму. А политика эта продолжает удивлять. Казалось бы, после II Ватиканского собора нет преград на пути к полному экуменическому примирению между католической Церковью и ее «сестрами» в христианстве. Однако последние годы принесли слишком много разочарований: сначала документ Конгрегации вероучения «*Dominus Iesus*», в котором экуменистам напомнили, что Церковь Христова «по-прежнему существует во всей полноте только в католической Церкви», затем «заметка» той же Конгрегации, в которой католическая Церковь именуется уже не «сестрой», но «матерью» всех поместных Церквей. В «заметке» подчеркивается также первенство римского престола и римского епископа в христианском мире. О каком же экуменизме может быть речь? Разве что о «возвращении» в лоно Первого Рима и о единстве с Апостольским Престолом по образцу Греко-Католической Церкви.

Что делать в такой ситуации Третьему Риму — Москве? Ведь для нее «православная Церковь — единственная истинная Церковь Христова (...) единая, святая, соборная и апостольская».

Я очень ценю Гжегожа Пшебинду и считаю, что он написал очередную замечательную, исполненную надежды и в то же время научную книгу. Но неужели он вместе со своим героем навсегда останется в мире прекрасных утопий? Профессор о. Вацлав Хрыневич в справедливой критике действий своей Церкви приводит цитату из св. Климента Александрийского (рубеж II-III вв.): «Спаситель полифоничен и действует многообразно ради спасения людей». Гжегож Пшебинда верит, что один из способов действия Христа — «славянское учительство», «славянский экуменизм» Иоанна Павла II.

Эти часто встречающиеся в книге ссылки на «славянское родство» несколько удивляют. Может даже показаться, что Гжегож Пшебинда сделался современным славянофилом вроде Александра Солженицына, которому в своей «*Большой Европе*» он тоже посвятил несколько страниц. «Родство» это должно основываться прежде всего на общих польско-русско-украинских корнях папской экуменической мысли. Однако мне приходится с сожалением констатировать, что корни эти сводятся прежде всего к тем русским и украинским мыслителям, которые, как Вячеслав Иванов, приняли католицизм, которых, как Петра Чаадаева и Владимира Соловьева, «подозревали» в смене вероисповедания или же которые, как Андрей Шептицкий, были греко-католиками...

Экуменисты, Гжегож, оставьте всякую надежду...

В сегодняшнем мире мы в значительно большей степени можем рассчитывать на взаимопонимание между культурами (цивилизациями) в рамках правопорядка и гражданского общества. Именно эти категории создают фундамент примирения и культурной полифонии. Именно они открывают нам путь в большую Европу. Церкви же еще очень долго будут нас разделять, несмотря на неоспоримые усилия Иоанна Павла II, пытающегося этому противостоять.

И, наконец, пример из жизни. Междисциплинарная группа религиоведческих исследований Лодзинского университета, объединяющая, в частности, ученых представителей духовенства разных вероисповеданий, решила доверить руководство группой православному иерарху и в то же время нашему другу и коллеге, архиепископу Симеону. При поддержке Гжегожа Пшебинды мы получили согласие совета факультета. Ректор на нашу просьбу ответил отказом.

Grzegorz Przebinda, «*Większa Europa. Papież wobec Ukrainy i Rosji*», Kraków, «Znak», 2001

RZECZPOSPOLITA

Томаш Фиалковский

ДВА ЛЕГКИХ

В своей новой книге Гжегож Пшебинда занимается не только учительством Иоанна Павла II, заключенным в словах Папы. «В его миссии, — пишет он об Иоанне Павле II, — а в его славянском учительстве в особенности, иногда важнее опубликованного текста встреча с другим человеком, дружеский жест или поцелуй мира, данный, например, в ответ на вероучительные обвинения...» Таким образом, речь идет о тексте в широком смысле слова, включающем и несловесное содержание. И, вероятно, о том, что важнее всего: показать основу экуменических устремлений Папы, т.е. их христологический аспект и евангельский гуманизм.

Помнить об этом аспекте совершенно необходимо, ибо, говоря об отношениях между католичеством и православием, особенно русским православием, и об отношении Ватикана к Украине, мы затрагиваем крайне запутанный клубок проблем. Вопросы вероучения тут обычно отступают на второй план, уступая место истории, политике или идеологии. Мстительные чувства, опирающиеся на вековые конфликты и глубоко укорененные национальные стереотипы, драматическая история Брестской унии, политическое соперничество с идеологической подкладкой, а вдобавок наследие коммунизма — все это приводит к тому, что мы как будто идем по минному полю.

В первой главе книги показаны важнейшие черты экуменического «славянского учительства» Иоанна Павла II (термин, который автор любит употреблять, оговариваясь при этом, что оно не имеет ничего общего ни с национализмом, ни с традиционно понимаемым славянофильством). Он указывает на польские корни папского экуменизма, на упоминаемых Папой королеву Ядвигу Анжуйскую и Павла Влодковича, а также на всю традицию Речи Посполитой Обоих Народов. Пшебинда полемизирует с тезисом, нередко звучавшим с самого начала понтификата: о том, что «польский Папа», естественно, должен быть исповедником националистически окрашенного романтического мессианизма; автор напоминает, что в романтической мысли Каролю Войтыле ближе всего христианский универсализм Норвида. А с другой стороны, он приводит те фрагменты высказываний Иоанна Павла II, в которых Папа прямо обращается к конкретным русским мыслителям — таким, как Чаадаев, Соловьев, Флоренский, Лосский, высоко оценивая (в энциклике «*Fides et ratio*» [«Вера и разум»]) их вклад в возведение или же восстановление мостов между религией и культурой, — а также к творцам украинской религиозной мысли, таким, как Петр Могила или Григорий Сковорода.

Вторая глава, посвященная России, называется «Люди, идеи, документы». Эта последовательность должна сделать очевидной «иерархию, существующую в славянском учительстве Папы, которая вырастает непосредственно из его христианского персонализма». Документы — это, в частности, энциклика «*Slavorum Apostoli*» [«Апостолы славян»] (1985), составляющая, по мнению автора, главный вклад Иоанна Павла II в дело православно-католического примирения; выступления 1988 г. в связи с тысячелетием Крещения Руси (Иоанн Павел II «ясно давал в них понять, что наследниками традиций св. Владимира... следует считать как православных русских, украинцев и белорусов, так и украинцев-грекокатоликов»); наконец, пастырское послание «*Oriente lumen*» [«Свет Востока»] (1995) о православной мистике, литургических и аскетических традициях православия. Люди же — это самые выдающиеся представители свободной России: Андрей Сахаров и его жена Елена Боннэр, Александр Солженицын — с ними Папа встречался лично, а организатором этих встреч была Ирина Иловайская-Альберти, неутомимый глашатай православно-католического и русско-польского диалога.

Кульминация третьей главы («Украина. Перед лицом грекокатоликов и православных») — это, разумеется, историческое паломничество Папы во Львов и Киев в июне 2001 года. Собственно говоря, эта кульминация начинается еще в предыдущей главе, там, где речь идет о праздновании тысячелетия Крещения Руси. Однако ее главная часть — это рассказ о действиях Папы в отношении украинских грекокатоликов, которому предшествует напоминание о мученичестве их Церкви в СССР и ее судьбах в эмиграции. Здесь больше всего поражает совсем неизвестное полякам жизнеописание кардинала Иосифа Слипого и сведения о его встречах с Иоанном Павлом II; идет здесь речь и о современных религиозных конфликтах на Украине и разделении украинского православия. Последняя глава, подводящая итоги, возвращает нас к представлениям Папы о России и ее роли в Европе, а также к препятствиям, стоящим на пути примирения католического Рима с православной Москвой.

Рецензируя, притом весьма благожелательно, книгу Гжегожа Пшебинды в недавнем субботнем приложении к газете «Жечпосполита», Анджей де Лазари счел «прекрасную идею экуменизма» утопией. Он прямо утверждает, что если интеллектуальный, экономический и политический диалог между Россией, Западом и Польшей возможен, то нет никаких надежд на примирение католической и православной Церквей, а уж тем более на соединение христианских Церквей. Экуменическое течение в русском православии, источник надежд как автора книги, так и ее героя, — по мнению де Лазари, явление по существу маргинальное, а недавний документ ватиканской Конгрегации вероучения «*Dominus Iesus*» и опубликованная позднее той же конгрегацией «заметка» к нему, по-видимому, тормозят или даже отбрасывают назад экуменический диалог. «Экуменисты, Гжегож, — пишет де Лазари, — оставьте надежду навсегда...»

Наблюдая тупик, в который зашли контакты с православием на богословской почве или агрессивный отклик Московского Патриархата на перевод апостольских администратур в России в разряд епархий, можно было бы согласиться с рецензентом. Более того, даже чтение заключающего книгу и крайне интересного «Славянского экуменического календаря» (он охватывает 1956–2001 гг. и насчитывает 70 страниц) может поначалу склонить к пессимистическим выводам. Недоразумения, предрассудки, временами злая воля, частые конфликты противостоящих интересов — все это отразилось в «Календаре». Но, к счастью, отражает он и нечто иное: как неожиданные повороты истории, так и далеко идущие результаты мелких на вид событий, неожиданные урожаи от некогда посеянного зерна. В заключение Гжегож Пшебинда цитирует Евангелие от Иоанна: «Один сеет, а другой жнет». Остается верить, что вопреки пессимистам так и случится.

Grzegorz Przebinda, «Większa Europa. Papież wobec Ukrainy i Rosji», Kraków, «Znak», 2001

TYGODNIK POWSZECHNY

Малгожата Гутовская-Адамчик

РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ВОЛОНТЕРЕ

Ученицы варшавского лицея им. Роя Бэрбоса Ася Перналь и Оля Вежбицкая раз в неделю, по четвергам, играют с детишками в специальном детском саду №208 для умственно отсталых детей. Работающая в нем логопедом Алина Вуйгицкая была поражена результатами, каких добилась в работе с этими детьми группа волонтеров, в которую входят также ученики других варшавских лицеев, и выдвинула всю группу кандидатом на участие в конкурсе «Волонтерство — новый взгляд на общественную работу».

Дети не могут словами выразить то, что вносит в их жизнь общение с юными волонтерами. Их радость при объявлении о предстоящих занятиях, выражаемая с помощью мимики, жестов, различных звуков, свидетельствует о том, какое значение имеют для них встречи с волонтерами. Участие в занятиях дети воспринимают как нечто особое, как праздник.

Ася Перналь от имени всей группы принимала награду за благотворительную деятельность 8 декабря 2001 г. во время торжественного концерта в варшавском Драматическом театре.

Жюри конкурса, организованного Центром волонтерства по случаю торжественного завершения в декабре 2001 г. Международного года волонтерства, могло наградить лишь немногих из почти двух миллионов польских волонтеров. Награды вручались как отдельным лицам,

так и целым семьям и группам, например, в числе награжденных оказались один класс из XII общеобразовательного лицея в Гданьске и врачи из благотворительной поликлиники «Салюс» в Варшаве. Все они делают более светлой жизнь тех, кто нуждается в помощи.

В Международный год волонтерства вышла из печати книга доктора Эвы Лесь «Очерки по истории благотворительности и филантропии в Польше», которую выпустило издательство «Прушинский и К°». Автор прослеживает многовековые традиции благотворительности в Польше, сформированные специфическими общественно-политическими условиями:

«Филантропия играла в нашей общественной жизни беспрецедентную роль. В самые трудные моменты польской истории (...) занимавшиеся филантропией благотворительные общества, которые существовали и развивались благодаря участию Церкви, аристократии, землевладельцев, промышленников, деятелей искусства при под-

держке массы самоотверженных безымянных общественников, исполняли функции отсутствовавших общественных институтов, поддерживая национальный дух и реализуя опекунические функции».

После II Мировой войны государство старалось монополизировать любые проявления благотворительной деятельности. Обществен-

ные организации и фонды лишались своего имущества, а к вновь создаваемым организациям присоединяли существовавшие прежде, лишая их при этом былой самостоятельности. Во имя идеологической чистоты за ними осуществляли строгий кадровый надзор, и это привело к тому, что интерес к общественной деятельности угас. В более массовом порядке самодельные инициативы в области взаимопомощи стали появляться лишь в 70-е. Они возникали на почве морального сопротивления властям и достигли кульминации в 80-е в рамках движения «Солидарность». После того как «Солидарность» была объявлена вне закона, единственным институтом, аккумулирующим общественное доверие, оставалась Церковь.

После 1989 г. общественная работа в Польше приобрела совершенно иное измерение. Вызывавшие некогда ненависть массовые акции, во время которых первые секретари «при параде» и толпы представителей разных профессий, являвшихся под давлением своих партийных организаций, на показ убирали мусор на больших строительных площадках, заменила лишенная шумихи деятельность, не рассчитанная на аплодисменты широкой публики, а рожденная движением души. Невиданный прежде в Польше численный рост неправительственных организаций и не имеющих официального статуса общественных начинаний в середине 90-х способствовал возникновению независимых от власти центров волонтерства, имевших целью налаживать связи между волонтерами и теми людьми и институтами, которые заинтересованы в их помощи. Среди спонсоров этих центров — в частности, Фонд им. Стефана Батория и фонд «Ноу-хау». В настоящее время такие центры действуют в Слупске, Гданьске, Белостоке, Пиле, Торуня, Познани, Варшаве, Лодзи, Стараховице, Дзержоневе, Кельце, Люблине, Кракове и Бельско-Бяле. В этом длинном списке перечислены, естественно, не все города, где действуют волонтеры, и не все начинания. Широкой деятельностью в этой области занимается католическая Церковь, с помощью польского отделения бла-

готворительной организации «Caritas» объединяя всех желающих оказывать бескорыстную помощь людям.

Возникло очень много организаций некоммерческого характера и фондов, которые заполняют брешу в несовершенной организации нашей общественной жизни. Они занимаются следующими направлениями: профилактика алкоголизма и наркомании, опека над семьей и ребенком, над физически и умственно отсталыми, бездомными, больными; экология, охрана окружающей среды, культура и искусство, борьба с расизмом и ксенофобией, спорт, отдых и множество других аспектов.

Таким образом, волонтеры могут найти приложение своей активности в области медицинской и социальной помощи, просвещения и административного управления и даже в политике и бизнесе. Они могут, как Ася и Оля, работать с детьми, а также с подростками и стариками — инвалидами в умственном, физическом, эмоциональном или социальном отношении: гулять с ними, беседовать, играть, совершать покупки, делать уроки, помогать в процессе лечения; помогать на дому людям, нуждающимся в поддержке, общении, помощи при лечении или восстановлении здоровья — в сотрудничестве с центрами социальной помощи; выезжать на экскурсии со своими подопечными, помогать в больницах для хроников, оказывать поддержку больным, а также их семьям после их кончины.

Существует еще много других направлений, в которых люди, имеющие свободное время, могут помогать другим: переводить тексты, писать статьи для бюллетеней соответствующих организаций; составлять листовки, логотипы, странички Интернета; помогать в организации конференций и мероприятий, например Дня беженца, специальных олимпиад; выполнять канцелярскую работу — вести переписку, отвечать на телефонные звонки; заниматься охраной природы; находить средства для организаций; вести бухгалтерию, давать профессиональные консультации: юридические, социальные, психологические и т.п.; сдавать кровь, костный мозг,

работать в специальных спасательных группах. Словом, каждый может найти область деятельности, где пригодится его помощь. Надо только найти немного свободного времени.

На вопрос, почему они стали волонтерами, у Аси и Оли нет готового ответа. Они смущенно отвечают, что на свете так много болезней и бед, а вот им повезло, они здоровы. Оля с 14 лет сирота — ее мать умерла от рака груди. Может быть, именно переживания двухлетней давности сделали ее такой восприимчивой к трудностям других. Для Оли величайшая награда — улыбки детей и тот момент, когда они к ней ласкаются. Девушки говорят, вторя друг другу: «Мы получаем больше, чем даем».

Заполняя анкеты и отвечая на вопросы, волонтеры указывают множество причин, по которым стоит помогать другим людям. Удовлетворение от того, что оказываешь помощь людям, желание познакомиться с другими людьми и подружиться с ними — такие ответы встречаются чаще всего. Работа волонтером заполняет пустоту благополучной жизни и дает ощущение самореализации, свидетельствует о «победе преимуществ человечности над беспощадной экономикой и безрадостным существованием, о включении в традиции харцерской [скаутской] работы», представляет собой вызов и испытание на прочность. Для некоторых людей работа волонтером — это «лучшая альтернатива бесполезному времяпрепровождению с приятелями в парке за бутылкой дешевого вина».

Волонтерство вовсе не означает одностороннего самопожертвования. Участие в нем дает человеку возможность применить свои навыки и опыт, расширить рамки своих интересов, пройти практику в новых для себя направлениях и приобрести новые навыки, которые позволят получить оплачиваемую работу или более осознанно подойти к учебе в избранном вузе. Волонтерская работа может помочь обрести уверенность в себе, познать свои сильные и слабые стороны, приобрести друзей. Университетские бюро по трудоустройству отмечают важность волонтерства как первой ступени в профессиональной карьере. Волонтер

приобретает тот опыт и те социальные навыки, которых требуют при найме на работу работодатели, а именно: умение работать в коллективе, способности лидера, общительность — все, что позволяет включиться в общественную жизнь. Бывает, что со временем волонтеры становятся штатными сотрудниками тех организаций, в которых они работали бесплатно. Принимая участие в международных программах, можно заодно выучить иностранный язык, изучить экономику и культуру других стран. Опыт работы за рубежом особенно ценится в международных концернах.

На сайте Центра волонтерства в Интернете (www.wolontariat.org.pl) можно прочесть дневниковые записи Магдалены Роек, выпускницы Медицинской академии в Люблине, проведшей 103 дня в клинике для прокаженных в Дживодайе (Индия), которую возглавляет польский врач Халина Пыз. Это наглядный пример того, как искреннее желание оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, можно сочетать с увлекательным и, быть может, самым ярким в жизни приключением. И такие возможности предоставляет волонтерство.

В пастырском послании польских епископов о волонтерстве, обращенном к верующим по случаю Недели милосердия в воскресенье 7 октября 2001 г., приведены слова Иоанна Павла II, сказанные в связи с Международным годом волонтерства в 1981 году:

«Волонтерство являет собой знак и выражение евангельской любви, которая есть бескорыстный дар, дар самопожертвования ближнему, особенно самому несчастному и нуждающемуся в нем».

Епископы в своем послании подчеркивают, что хотя размер помощи, оказываемой некоммерческими организациями, в которых работают волонтеры, по статистическим меркам довольно невелик, все же следует признать, что это решение успешнее всех прочих. Деятельность государственных организаций подвержена риску коррупции, а средства по большей части транжирируются. В некоммерческих же организациях средства используются эффективно.

Епископы отмечают также формирующую роль волонтерства и предлагают расширить программу образования в средних и высших учебных заведениях, включив в нее приобретение навыков, которые дает работа волонтера и которые необходимы для формирования современного гражданского общества.

12 февраля 2002 г. польское правительство передало в парламент проект закона «Об общественно-полезной деятельности и о волонтерстве», цель которого — упорядочить взаимоотношения между государственными органами и неправительственными организациями. По некоторым оценкам, в Польше действуют около 30 тысяч НПО, в которых работают около 200 тысяч человек. Правительство пришло к выводу, что в действующем законодательстве недостаточно учитывается роль, которую играют НПО в решении задач, стоящих перед социальной сферой. Теперь проект закона будет рассматриваться в Сейме, но, какие бы новые решения ни были предложены, наверняка не остановить того прекрасного и мощного потока людей, которые по зову своих горячих сердец стремятся бескорыстно оказывать помощь тем, кто в ней нуждается.

Создается Совет по общественно-полезной деятельности, который будет давать оценку правительственным проектам, касающимся полезной деятельности в социальной сфере. Первые в польском законодательстве дано определение правам волонтеров. Те, кто использует их труд, обязаны обеспечить им (наравне со штатными сотрудниками) положенные медицинские обследования, средства индивидуальной

защиты, а также страхование от последствий несчастных случаев, покрывать расходы на служебные командировки и выплачивать командировочные, оплачивать другие необходимые расходы. Законодательные положения, касающиеся волонтерства, будут расширены за счет дополнений к закону о всеобщем медицинском страховании.

Выделяются две категории субъектов, которые могут пользоваться услугами волонте-

ров. Первая категория, неправительственные организации, имеют право, но не обязаны предоставлять волонтерам определенные пособия и покрывать их расходы. Вторая категория, государственные и муниципальные организации, обязаны возмещать расходы, связанные с работой волонтеров.

Предполагается, что планируемое упорядочение положения дел в данной сфере окажет положительное воздействие на рынок труда. Работа волонтеров по-

зволит даже небольшие средства использовать эффективно. Волонтерство — это еще и форма образования, суть которого заключается в активном участии в общественной жизни, самостоятельном и творческом подходе к работе. А эти аспекты особенно важны для поиска постоянной работы.

Когда Олю и Асию спросили, много ли еще в их окружении людей работает волонтерами, девушки не смогли назвать никого, кроме членов своей группы. Может быть, более точными, чем правительственные отчеты, окажутся результаты исследования «Волонтерство и филантропия поляков в цифрах», проведенного совместно ассоциацией «Клен/Явор», Центром волонтерства и фирмой СМГ/КРЦ в октябре

2001 г. на группе в 1000 человек по репрезентативной выборке среди взрослых поляков. Авторы работы — Юстина Домбровская и Куба Выгнанский. Исследовалась готовность поляков бескорыстно оказывать помощь как в индивидуальном порядке, так и через различные институты и организации. Респондентов спрашивали как об оказании материальной помощи (деньгами и вещами), так и о времени. Оказалось, что 90% респондентов не в состоянии указать никаких институтов или организаций, которым они в прошлом году посвящали время. Иными словами, лишь 10% респондентов работали волонтерами. Этот результат ниже, чем полученные в предыдущие годы. Особенно снизился показатель декларируемого членства в организациях (в настоящее время он составил 4,5%). На этом фоне относительно неплохо обстоит дело лишь с филантропией: передача даров деньгами и вещами — куда чаще встречающийся метод поддержки организаций.

При всем том девушки считают, что в их окружении нашлось бы немало желающих работать волонтерами, если бы кто-нибудь обратился к ним и пригласил, как это было с Асей, когда больше года назад подруги предложили ей помочь в специальном детском саду. У молодежи огромный запас умения сопереживать и равнодушия к общественным вопросам, особенно заметно это становится во время ежегодных выступлений «Большого оркестра рождественской помощи» Юрека Овсяка, когда тысячи молодых людей увлеченно собирают пожертвования на больных детей. В наше время, когда «Солидарность» стала уже просто одним из нескольких профсоюзов, ее дело прекрасно продолжают волонтеры: часто сами того не осознавая, они способствуют формированию из поляков настоящего гражданского общества.

ТЕРМИНЫ

Волонтерство — бесплатная, осознанная и добровольная работа для других людей, выходящая за рамки семейных и дружеских связей.

Волонтер — человек, работающий добровольно. Волонтером может стать каждый, в любой сфере общественной жизни, всюду, где в такой помощи есть нужда.

Центр волонтерства. Главная цель проекта «Центр волонтерства» — популяризация и расширение гражданского участия в удовлетворении человеческих нужд. Чтобы придать этим начинаниям характер целенаправленной, скоординированной деятельности, мы разработали основы профессиональной деятельности волонтеров, заключающиеся в целенаправленном рекрутировании, отборе и обучении волонтеров, а также в координации и оценке их работы. Мы стремимся преодолеть отрицательные стереотипы в отношении к работе добровольцев и вообще к общественной работе.

Мы стремимся также сделать общество более чутким к нуждам других людей, сформировать гражданскую ответственность и готовность соблюдать принципы демократии. Достижения этих целей мы добиваемся с помощью следующих видов деятельности:

- распространения идей волонтерства среди правительственных и неправительственных организаций, в СМИ и среди бизнесменов, информирования о том, какие преимущества дает работа волонтера;
- введения элементов волонтерской программы совместно с разными институтами и организациями;
- создания бюро по трудоустройству волонтеров;
- создания библиотеки по соответствующей тематике;
- налаживания связей с центрами волонтерства в других странах для обмена опытом;
- разработки принципов поведения волонтеров.

Приложение к «Волонтерам»

На днях из печати выйдет первый номер журнала «Спасибо», который будет издаваться раз в два месяца — как продолжение ежемесячника «Ассоциации», журнала для НПО, выходившего с 1989 года.

В первом номере выступят, в частности, Яцек Куронь, Стефан Братковский, Янина Охойская. Будут в нем и комментарии к только что представленному в парламент законопроекту о волонтерском движении, и рассказ о X финале «Большого оркестра рождественской помощи», о конкурсе на самую лучшую гражданскую инициативу «Pro publico bono» («На общее благо»). Редакция представляет также обычных людей с их, казалось бы, малыми делами, ибо они-то всегда и есть самые важные.

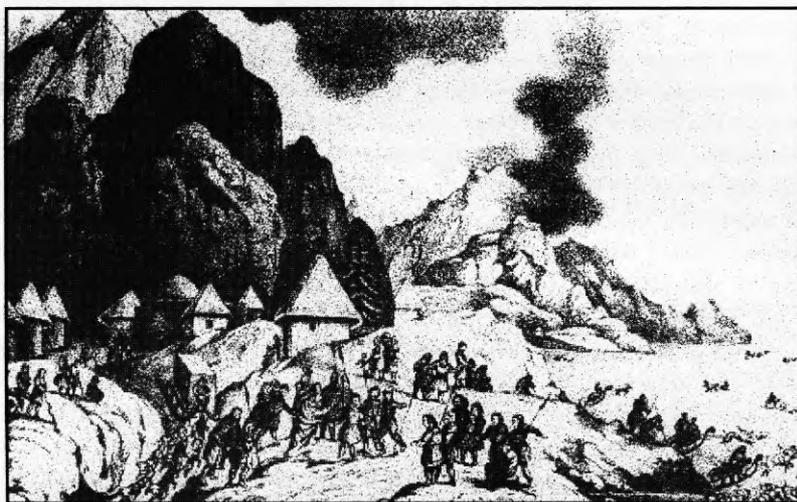
Антоний Кучинский

СТАРОПОЛЬСКИЕ СЮЖЕТЫ В ИСТОРИИ КАМЧАТКИ

Борис Петрович Полевой, историк науки из сегодняшнего Санкт-Петербурга, в своих многочисленных работах, посвященных северовосточной Сибири и ее связям с Российской империей, часто упоминал об определенном контексте, указывающем на «польско-литовские» корни исхода казачьих войск на восток, до самого Охотского моря и Тихого океана. Написал он и проницательное исследование о трех поколениях Козыревских, оставивших свой след в истории Сибири, далекой Камчатки и Курильских островов. Автор неопровержимо доказал, что этот род имел отдаленные польские корни. Из русских летописей, касающихся истории Сибири и Дальнего Востока, следует, что после не слишком приятного опыта на Камчатке, где он служил в казачьих отрядах, Иван Козыревский поссорился с Владимиром Атласовым, который арестовал его и заключил под стражу. Однако предприимчивому И.Козыревскому удалось остаться в живых, хотя ценой этого стало убийство — вернее, соучастие в убийстве — камчатских правителей О.Липина, В.Атласова и П.Чирикова, получивших царскую грамоту на владение этим полуостровом.

Убийцы, казаки Данила Анциферович и Иван Козыревский, стремясь искупить вину, предприняли в 1711 г. отважную экспедицию на Курильские острова. Как обычно в таких экспедициях, опасности превосходят самое сме-

лое воображение. И на сей раз судьба приготовила им тяжкие испытания. Прежде всего не было навигационных карт, оставляло желать лучшего мореходное снаряжение, а собственноручно построенные лодки тоже были не самыми надежными. В августе 1711 г. экспедиция отправилась к неизвестным землям, о которых у казачьих отрядов, стоявших на Камчатке, были лишь туманные сведения. В конце трудного плавания смельчаки достигли острова Шуншу, а затем — второго, под названием Парамушир в Курильской гряде. Экспедиции повезло, ее участники вернулись на Камчатку,

ВСТРЕЧА С ЧУКЧАМИ.

Илл.постраница из берлинского издания воспоминаний Юзефа Конца
(Берлин, 1863)

а в отчете о плавании содержались сведения этнографического, географического и естественнонаучного характера. В 1713 г. И.Козыревский во второй раз отправился на Курилы. И на этот раз они успешно вернулись на Камчат-

ку, а в отчете он писал, что остров населен многочисленным племенем, имеющим свой язык и свою религию. Он сообщал также об обилии лесов и рек на этих островах и о наличии зверей. Не забыл он и важных с точки зрения навигации сведений о реках, в устьях которых существуют хорошие условия для закладки пристаней, «чтобы можно было входить туда судам». Эти сведения он подтвердил наброском карты, на котором обозначил 15 (из 21) островов архипелага, где, по его мнению, неоднократно бывали японцы, а туземное население составляли айны.

Этими экспедициями и отчетами, отсылаемыми в Петербург, И.Козыревский спас свою голову, как и его сотоварищи, осужденные за убийство В.Атласова. Его экспедиции побудили к новым, в том же направлении. Русские прилагали много усилий, чтобы, покорив сухопутную часть Сибири, овладеть и прилегающими к ней на востоке островами. История географических открытий в этих местах — своего рода сага, полная самых разнообразных приключений, успехов и неудач, в которой часто звучат имена «польско-литовских людей», не обязательно ссыльных — были и добровольные выходцы с восточных земель Литвы и Польши. Они рассматривали царскую службу как возможность нажиться, а бывало, что и судебные приговоры вынуждали их оставлять родные места. Стремясь избежать наказания, они шли «к Москве, а потом дальше за Урал» и нередко занимали крупные административные посты на территории Сибири и оставляли свой след в богатой истории ее освоения. Что касается рода Козыревских, то известно, что основателем его сибирской линии был Федор Козыревский, попавший в московский плен в 1654 г. в битве под Смоленском. В документах его часто называли то литвином, то поляком. Известно, что происходил он с восточных рубежей Речи Посполитой Обоих Народов. Судьба его была невероятно запутана, полна сибирских приключений, удивительнейших комбинаций и злоупотреблений царской казной. Это чрезвычайно интересная тема, способная послужить канвой для приключенческого романа.

Пусть этот старопольский сюжет станет фоном для следующего рассказа — о храбром генерале, герое костюшковского восстания Юзефе Копце (1762-1827), который после поражения под Мацеёвицами попал в русский плен и был сослан на далекую Камчатку. Его воспоминания, написанные после возвращения из плена, — любопытный источник сведений о Сибири. Его записки даже стали темой лекций в курсе славянской литературы, который читал Адам Мицкевич в парижском «Коллеж де Франс». Тут, пожалуй, стоит добавить, что еще до полного издания записок (выходивших несколько раз) на страницах «Сибирского вестника» в 1821 г. был опубликован отрывок из них под названием «Камчатские обычаи», что, несомненно, дает своего рода рекомендацию этому тексту как важному источнику, содержащему исследовательские материалы антропогеографического характера, источнику, который и по сей день не утратил значения: на него ссылаются российские ученые, занимающиеся культурой сибирских этнических групп.

Кем же был этот историк? Ответим сразу: он был профессиональным военным, сибирским ссыльным, польским шляхтичем, служившим во II Литовской бригаде национальной кавалерии. В польско-русскую войну (1792) в звании поручика он командовал кавалерийской хоругвью. После поражения 19-я Пинская бригада кавалерии, в которой он служил, была включена в состав русской армии и расквартирована под Киевом. Именно оттуда Ю.Копец во главе нескольких эскадронов пробился через Волынь и присоединился к войскам под командованием Тадеуша Костюшко. Он сражался на многих фронтах восстания, демонстрируя высокое боевое искусство в самых опасных обстоятельствах. Получив звание бригадира, Ю.Копец принимал участие в битве под Мацеёвицами, был трижды ранен и попал в плен. В ссылку он был отправлен именным указом Екатерины II, которая не могла простить ему дезертирства из русской армии и нарушения присяги. На Камчатку, место своей ссылки, он отправился как человек, лишенный фамилии, под номером. Когда в 1796 г. указом Павла I ему была возвраще-

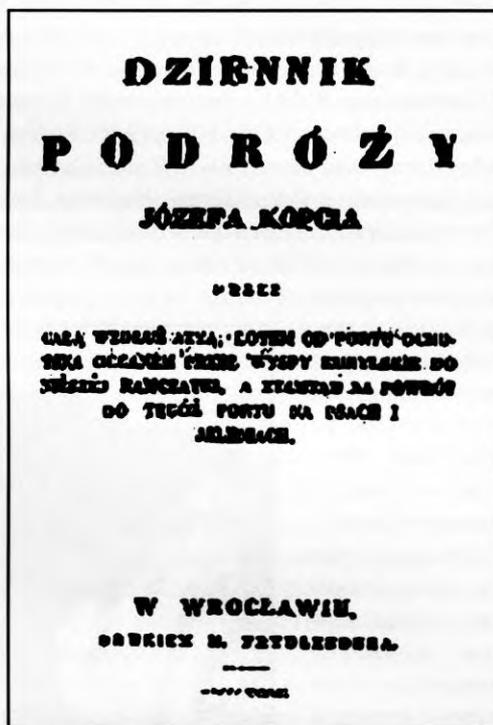

на свобода, он вернулся на родину. Некоторое время вел жизнь приживальщика у Тадеуша Чацкого в Порыцке (ныне Украина), у Радзивиллов в Несвиже (ныне Белоруссия) и в Пулавах у Чарторыских. Затем ему было возвращено его имение, в котором он прожил до конца своих дней.

Ю.Копец — автор записок о пребывании на Камчатке, озаглавленных «Дневник путешествия Юзефа Копца через всю Азию до порта Охотска, по океану через Курильские острова до Нижней Камчатки, а оттуда обратно до того же порта на собаках и оленях» и вышедших в 1837 г. во Вроцлаве. Позднее было несколько других изданий, как сокращенных, так и дополненных. Вышел и французский перевод записок, а издание на русском языке появилось в 1896 г. в сильно сокращенном виде. До наших дней в краковской Библиотеке Чарторыских сохранилась рукопись записок Ю.Копца, изданная в 1995 г. во Вроцлаве под названием «Дневник Юзефа Копца, бригадира польских войск», подготовленная к печати автором этой статьи и З.Вуйциком. Авторы материала подчеркивали, что сибирские записки Ю.Копца читаются с величайшим интересом и представляют собой волнующий документ, свидетельствующий о судьбе человека, заброшенного не по своей воле на бескрайние сибирские просторы. Несмотря на несомненный трагизм, ощущаемый на страницах мемуаров, они пленяют читателя множеством описаний, касающихся культуры сибирских племен с их шаманскими обрядами, с их разнообразным и полным магических символов пантеоном богов. И хотя автор путешествовал не по доброй воле, тем не менее он посвятил немало места описанию сибирских городов. Он описал их жителей — а это были главным образом русские, — построенные там церкви, топографию и структуру застройки. На своем пути он встречал и соотечественников, которые за много лет до него перебрались за Урал. Ю.Копец называет их фамилии, описывает обстоятельства встреч, сообщает об их душевном состоянии и материальном положении. Часто эта правда оказывалась горькой и полной драматизма. Что поделаешь, ссылка! Автор воспоминаний предстает человеком сме-

лым, обладающим незаурядным умом, живо реагирующим на окружающую повседневность. И хотя он часто переживал минуты сомнений, стоит подчеркнуть его открытый характер, что вызывало доверие окружающих и несколько облегчало тяготы ссылки.

Если оценивать воспоминания Ю.Копца как источник информации, то без сомнения

**ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ**
«Записок путешествия...»
Юзефа Копца
(Вроцлав, 1837)

они дают широкое представление о Сибири. Ее картина соткана из разнородной культурной материи, а также естественнонаучных и топографических реалий. Особенно интересны и ценны с познавательной точки зрения его описания местного населения, с которым он встречался на своем пути в ссылку. Следует отметить в общем правильную топографическую локализацию этих туземных этнических групп на безграничных просторах сибирской

земли — бурятов, чукчей, якутов и других. Этнографические сюжеты повествования наизаны на канву пути в ссылку и, естественно, больше всего раскрыты в отношении тех народностей, с которыми Ю.Копец дольше всего соприкасался непосредственно. Это относится в первую очередь к ительменам (камчадалам), о культуре которых он сообщил много любопытного. Достоверность этнографического описания, касающегося этой народности, многократно подтверждается в работах по данной теме, из которых прежде всего следует назвать две: С.П.Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб, 1755; G.W. Steller. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt—Leipzig, 1744, — в которых этот полу-

остров и его жители представлены накануне перехода этих территорий во владение России. Следует также отметить тот факт, что «Записки бригадира» — это первое польское описание Камчатки и наряду с реалиями этнографического характера в нем содержатся также некоторые сведения о географических явлениях на полуострове, таких, как землетрясе-

ние, климат и «камчатский вулкан». Надо признать, что, читая сегодня текст Ю.Копца, мы вынуждены осваивать его язык, своеобразную природу времени, в которое он жил, но, преодолев первые страницы, мы уже приобретаем определенные навыки и замечаем, что сама архаичность языка может быть весьма

любопытной — более того, сегодня даже очень интересной. В обширном собрании нашей сибирской мемуаристики «Записки» Копца занимают особое место как с точки зрения фактографического богатства реалий, так и ввиду необычности судьбы автора, а вдобавок форма повествования нередко предлагает нам весьма впечатляющие картины. Вот как описывает он знаменитый камчатский вулкан — Ключевскую сопку — и землетрясение на Камчатке:

«Гора возвышенная вулканическая, одним словом, ужасный вулкан Камчатки, испокон веков работающий, лежит недалеко от поселения портового Нижней Камчатки, в соседстве реки того же названия, от Океана свои воды возносящей. Потоки лавы обильные и бесчисленные — вот плоды этой огнедышащей горы.

ПОБЕРЕЖЬЕ ОХОТСКОГО МОРЯ.

Иллюстрация из берлинского издания воспоминаний Юзефа Копца (Берлин, 1863)

Сколь день отнимает прелести, свойственной Вулканам, столь ночь выставляет его во всем великолепии и роскоши. Весь тогда его вид и строение измерить глазом можно. Пробивается яркий свет сквозь жерло стенок кратера и представляет огромный фонарь света, как будто поставленный для освещения мрака ночи.

Всяческие вулканического того строения щели и трещины, весь облик его и очертание огонь, зреющий изнутри земли, видимыми делает, восторгом разум полнит и взгляд оторвать не дает. А когда так разум и взгляд заняты, тем временем с другой стороны отзвук, ужасая слух чувствительных лиц, вроде стона многих колоколов слышится. Эта картина ужасной гармонии, величие устроений Создателя показывая, смиряет гордыню человеческую. Здесь, как у подножия Престола Вышнего, в покорности духа смертный признать должен ничтожество свое, как и обманчивость мудрости своей.

Есть суждение, что давным-давно поблизости того вулкана было несколько меньших пламенеющих вулканов, которые со временем погасли и провалились. Трудность их осмотра делает домыслы всяческие ненадежными. Екатерина II, желая коротким путем дойти до истины, рискнула несколько экспедиций послать с целью осмотра кратера и прилегающей к нему местности. Но это смелое предприятие результата своего не достигло, ибо дым, почти непрерывно в форме тучи вылетающий из этой над землей расположенной бездны, настолько не давал подойти, что большинство тех, кто был отправлен туда, почти всегда ослепшими возвращались.

Подножие той горы почти до середины всей массы заросло разного рода лесами. А над этим одетым зеленью поясом простираются груды камней, между которых или ниже которых текут речки небольшие, имеющие устье свое в речке, Камчаткой называемой. На этой части заросшей горы пасутся дикие бараны, величиной почти втрое больше украинской породы; мясо у них жирное и вкусное, а шкура весьма густая и красивая. Камчадалы жадны до такой добычи; убивая же ради мяса и шкуры, они из шкур этих отменных одежду делают, надев которую посреди самого сильного холода на голом снегу ночуют и спят.

Другой феномен того отдаленного края земли, не менее удивительный, а по последствиям гораздо ужаснее, — землетрясение. В бытность мою в том очаге страха и горя было одно представление этой сверх всяческого описания

странной и непонятной сцены. Что за мгновение для человека, который впервые той печали дел природы свидетелем стал. Опыта самого недостаточно, чтобы об этом рассказать. Не знаю, как мне тут сказать. В стольких приключениях всегда трезвый разум сохраняя, среди сражений на поле битвы никогда не убоившись, признаться должен, что трезвость потребную тут я совсем потерял. Быть может, ослабленная неволей организация моя не позволила мне вынести это впечатление. Землетрясение то было сильным, с громом ужасным, и я, в себя не пришед, с постели выброшен был и матросом моим на дверную раму посажен. Продолжалось это несколько минут, а Вулкан сопровождал это действие, гремя неустанно с чрезвычайным грохотом. Вода в реке Камчатке спала, уменьшил Океан свои воды на значительное расстояние, а после забросал почти всю округу Нижней Камчатки ржавчиной в несколько дюймов толщиной, которая, в течение нескольких дней оставаясь, вред здоровью жителей принесла. В постоянной немощи оставаясь посреди этого всей живой природе грозившего явления, не мог я заметить всех подробностей и не в состоянии изобразить подобное время земной революции. Однако же этот слабый набросок может составить некоторое воображение о чрезвычайном феномене, почти незнаемом под милостивым небом нашей Отчизны».

Описанные Ю.Копцом вулкан и землетрясение на Камчатке не имеют аналогов в польской литературе. Но и в российской литературе XVIII века не встретишь столь впечатляющих описаний этого явления природы. В мемуарах Ю.Копца много других подобных описаний экзотики сибирской земли. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на далекой Камчатке историки, этнографы и географы с таким уважением относятся к этим сообщениям. Во время моего пребывания там в 1991 г. возникла даже идея перевести на русский язык «Записки» Ю.Копца. Тот факт, что мои собеседники настаивали на необходимости этого издания, лишний раз подтверждает, насколько ценно в качестве источника описание Сибири, вышедшее из-под пера ссыльного поляка в начале XIX века.

Кшиштоф Бурнетко

«НАШ ДЗЕННИК»

Nasz Dziennik

Газета называется «Наш дзенник» («Наша газета»). Каков ее тираж, точно неизвестно. Зато известно, что источник всякого зла, по мнению газеты, — Запад и что она повсюду выискивает масонов, вольнодумцев и евреев.

Был январь 1998 г., когда на рынке прессы появилась новая общепольская ежедневная газета. Редакция обещала пропагандировать христианские ценности, а также «многовековые польские традиции и культуру». В передовой статье она заявляла: «Мы хотим дать полякам «Нашу газету», которая будет противоядием против потоков лжи и манипуляций со стороны левых путем их разоблачения и обращения к Правде, Добру и Красоте». Редакция подчеркивала, что будет давать информацию, которую другие печатные издания «по идейным соображениям» отвергают, а также объяснять «механизмы, которые прочие скрывают».

В первом, восьмиполосном номере были напечатаны, в частности, статья, втолковывающая, что стремление Польши в Европейский союз может закончиться катастрофой, сообщение о призыве к парламенту спасти польское сельское хозяйство и сельскохозяйственное машиностроение, а в разделе «Мысль — это оружие» — текст о том, что стоит перенести в современность из программы Национал-радикального лагеря, профашистской националистической организации, действовавшей в Польше до II Мировой войны. Издатель утверждал, что отпечатано 290 тыс. экземпляров («Газета выборча», самое крупное в Польше ежедневное издание и главный идейный конкурент «Нашего дзенника», выходила тогда приблизительно в два раза большим тиражом). Цена газеты, что также немаловажно, была намного ниже, чем у других. Однако редакция не выдавала источников своего финансирования, ограничиваясь заверением любопытных: это «на сто процентов польские деньги».

Впрочем, секретом Полишинеля было то, что газета связана с «Радио Мария» — радиостанцией, ориентирующейся на чисто польскую и католическую (или же, говоря их языком, нееврейскую) часть общества; руководит радиостанцией о. Тадеуш Рыздик, пользующийся у своих слушателей почти набожным поклонением. «Радио Мария» не скрывало своих политических амбиций и достигло в этом значительных успехов: часто его поддержка бывает главным козырем кандидатов националистических правых на выборах в парламент или органы местного самоуправления (в нынешнем Сейме около 10% депутатов принадлежат к поддерживаемой радиостанцией «Лиге польских семей»).

Обе редакции не скрывают своего «духовного единства» и поддерживают друг друга в политических и рекламных акциях. Это «духовное единство» включает и отношение к Церкви. Хотя у «Нашего дзенника» нет в заставке прилагательного «католический» (нет и церковного асси-

стента), к нему относились — да и относятся — как к органу значительной группировки польского католичества. На старте редакцию посетил сам примас Польши кардинал Юзеф Глемп. Это было настолько существенно, что католическим иерархам показалось, будто они получили в свое распоряжение ежедневную газету массового тиража. Потом, однако, начали возникать проблемы.

Дело даже не в том, что «Наш дзенник» на полном серьезе утверждал, будто современная культура пропитана сатанизмом, а звезды рока — это либо воплощение сатаны (Майк Джаггер), либо ведьмы (Марианна Фейсфул). И не в том, что газета внушала, будто заслуженные деятели польской антикоммунистической оппозиции на самом деле сотрудничали с режимом. Хуже было то, что она не колеблясь атаковала ту часть иерархии, которую считала слишком либеральной (отличительным признаком было отношение отдельных епископов к вступлению Польши в европейские структуры — случалось даже, что «Наш дзенник» подрывал учение самого Папы о важности интеграции континента).

Тем не менее у газеты остаются влиятельные союзники — как среди рядового духовенства, так и среди епископов. И неудивительно: газета, тираж которой, по нынешним оценкам, достигает 100 тыс. экземпляров (сама редакция отказывается предоставить какие-либо цифры), изменила рынок католической прессы. Еще до недавнего времени разовый тираж католических изданий в Польше составлял около миллиона экземпляров, причем половина из них приходилась на приходские газеты. Это было всего 1,5% общего тиража всех печатных изданий. По сравнению с масштабами католической прессы на Западе это было немного, тем более для такой католической страны, как Польша. А «Наш дзенник» сразу стартовал с большого тиража. Многие священники и епископы считают эту газету важным средством влияния на немалую группу верующих.

Таким образом, появление «Нашего дзенника» означает нечто большее, нежели занятие свободного пространства на рынке католической прессы в Польше, — эту брешь газета заполнила в пользу одного из течений польского католицизма. Одна из причин разделений — различия в истолковании решений II Ватиканского собора: одни представляют ужатое, другие — открытое их истолкование, с чем связано восприятие католической Церкви среди других религий и конфессий, отношение к плюрализму, терпимости и демократии.

В результате Епископат назначил комиссию по делам «Радио Мария» (а тем самым и «Нашего дзенника»), которая должен оценить их линию и, если удастся, призвать их к порядку.

«Наш дзенник», как и «Радио Мария», имеет ясную политическую программу, сконцентрированную на отрицании прозападных устремлений Польши. На повестке дня — лозунги защиты отечественной промышленности, сельского хозяйства, культуры, нации. В свое время «Наш дзенник» ставил под сомнение даже вступление Польши в НАТО. Публиковал он и заявления противников интервенции стран НАТО в Косово. Наконец, он напал на концепцию польской восточной политики, выработанную коллективом парижской «Культуры», самого значительно журнала польской политической эмиграции, — причем фактически на другой день после похорон ее главного редактора Ежи Гедройца. По мнению публицистов «Нашего дзенника», Польша должна опереться на империалистические круги в России, пусть даже за счет Украины и прибалтийских государств.

Недаром один из самых спорных, но и самых интересных публицистов польских правых сил Петр Вежбицкий писал: «До сих пор московская партия в Третьей Речи Посполитой могла рассчитывать только на продолжателей дела ПОРП, а также на пээнэровско-паксовских националистов («Пакс» — организация, возникшая в Польше после II Мировой войны; выдвигала тезис о возможности соединения марксизма с католицизмом в социальной, политической и экономической сфере, а также мнение об исторической неизбежности сотрудничества католиков с коммунистической партией; идея создания в Польше этого движения исходила от генерала НКВД Ивана Серова. — К.Б.), имеющих лишь маргинальное влияние и значение. Недавно она вновь выплыла на простор и совершенно свободно действует внутри главного течения общественной жизни, объединяющего людей из «Солидарности», антикоммунистов и ярых сторонников независимости». С дотошностью архивариуса он приводит по сути дела просоветские и антинаатовские цитаты из передач «Радио Мария» и текстов «Нашего дзенника». О том, что польское вступление в НАТО имеет явно и исключительно антироссийское острие: «Разве не кажется странным, — писал «Наш дзенник» — что, несмотря на отсутствие всякого объективного предмета разногласий с Россией, мы упорно идем на конфликт с ней, пытаясь передвинуть почти на тысячу километров к востоку границу западного военного союза, порожденного «холодной войной»?» В газете говорилось и о том, что союз Польши с Россией может положить начало «великому славянскому государству», а значит, «надо бы как следует об этом подумать, поскольку такой союз мог бы состояться на условиях, которые было бы выгодно принять (речь идет о белорусском сценарии. — К.Б.). Ибо настоящее братство двух или более народов в некоторых отношениях равняется для каждого из них удельному, независимому бытию, а в некоторых — даже его превосходит».

Вежбицкий, хоть сам и правый, хватается за голову: вот еще новое геополитическое качество — борцы за независимость от Новосильцева, националисты от великого князя Константина. Он с негодованием подытоживает: в современной Польше существуют две московские партии: «их, левая, плохая, и наша — польских правых». «Наш дзенник» оказывается просоветской, а не пророссийской газетой. Вот в чем суть.

Ничего удивительного, что таких примеров было множество. Например, когда архиепископ Юзеф Житинский, влиятельный католический иерарх, обратился к полякам с призывом не винить простых русских людей за Катюнь и призвал к польско-российскому примирению, «Наш дзенник» назвал это политической акцией, которая может «воспрепятствовать встрече президента Квасневского с президентом России»,

В то же время знаменательно то, что среди 84% священников, которые высказались за интеграцию, целых 64% читают антиевропейский «Наш дзенник». Так что, может быть, — вопреки видимости и к счастью — слушание «Радио Мария» или чтение «Нашего дзенника» все-таки не вызывает отрицательного отношения к интеграции с Европейским союзом.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В известном стихотворении Константина Кавафиса «В ожидании варваров» возникает драматический вопрос, который ставит повествователь, узнав, что варвары вопреки предсказаниям не подступают: *«Без варваров — что нам делать? / Эти люди были бы хоть каким-то решением».*

Я вспомнил это двустишие в контексте ведущихся в средствах массовой информации, и не только в Польше, споров, вызванных террористическим налетом на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Говорят, что мир после 11 сентября уже не будет таким, каким был. Что ж, мир меняется каждый день, хотя не каждое событие мы сразу считаем глобальным. Рождение ребенка в семье сапожника Виссариона Джугашвили в декабре 1879 г., наверное, было радостным и важным, но частным событием, в то время как его смерть в марте 1953-го стала событием в масштабе земного шара. Вот и мы сейчас не знаем, как будем видеть 11 сентября 2001 г. четверть века спустя. Тем не менее две рухнувших башни, символизировавших власть капитала — прежде всего американского или, говоря шире, западного, — затронули воображение и заставили сильнее задуматься о будущем нашей цивилизации. Этой теме посвящено короткое эссе Ядвиги Жилинской «Цивилизации смертны», опубликованное на страницах вроцлавской «Одры» (2002, №2). При этом следует сказать, что автор, ровесница Чеслава Милоша, проблематикой перемен в цивилизации занимается с самого начала своего творческого пути — как в эссеистике, так и в художественной прозе. В ее последнем эссе говорится:

«Цивилизации смертны. Все существовавшие в прошлом цивилизации рушились под натиском кочевников. Это и был тогда Третий мир. Когда степь больше не могла прокормить растущее население, кочевники отправлялись на возделанные земли, принадлежавшие цивилизации. На то, чтобы покинуть степи, варваров толкал голод. Ныне историографы различают пять цивилизаций: западную, или евро-атлантическую, православную, или российскую, исламскую, индийскую и дальневосточную. Угроза западной цивилизации после налетов камикадзе 11 сентября исходит не из голодающего Третьего мира, а из другой цивилизации — исламской. Ближневосточные общества извечно стремились вторгнуться в круг западной цивилизации. В древности это были финикийцы и карфагеняне («Карфаген должен быть разрушен»), затем арабы. (...) В 732 г. Карл Мартелл, мажордом Меровингов, нанес арабам поражение в битве под Туром и Пуатье. Летописец тогда записал, что поражение мусульманам нанесли *europeens* — европейцы. Таким образом, мы можем считать, что представление о западной цивилизации начало формироваться в VIII веке. Несмотря на поражение под Туром и Пуатье, арабы считали, что их миссия исламизации мира продолжается. Одну за другой отражали европейцы атаки мусульман под Варной (1444), Лепанто (1571), Веной (1683) и совсем недавно на территории Передней Азии в операции против Ирака «Буря в пустыне». В ходе этой военной операции французские граждане родом из стран Магриба были солидарны не со страной, которая дала им гражданство, а со странами своего происхождения и при виде иракских поражений вдребезги били телевизоры.

Кстати (или некстати) говоря, камикадзе ошибочно получили кличку террористов. На мой взгляд, террористы — это архаические личности, стремящиеся свергнуть строй общества, в котором сами пребывают. (...) Камикадзе не собирались изменять американский общественный строй. Мусульмане считают Америку «саганой», а всю западную цивилизацию, от которой взяли технологию, где кончили летные школы, где строили мечети и свободно распространялись, хотят уничтожить. В 1922 г. Освальд Шпенглер написал в своем «Закате Европы»: «Цивилизация родилась в тот момент, когда в еще первобытном человечестве очнулась и вырвалась на волю могучая душа, придавая форму тому, что бесформенно, неизменно и вневременно. Душа расцветает на строго отмеренном краешке земли и там пускает корни. Цивилизация умирает, когда ее душа воплотила сумму своих потенций в народы, языки, верования, искусства, государства, науки, после чего возвращается в первобытную *psyche*, откуда вынырнула». Означает ли это, что западная цивилизация обречена на крах, вне зависимости от того, кто нанесет ей смертельный удар? По Шпенглеру, длительность цивилизации зависит от духовных сил (которые он называет «душой»). Западная цивилизация растратила свои духовные силы, обратила их в обожествление денег, технологии, потребления, составляющих недуги, а не суть, не стержень цивилизации. Я думаю — или надеюсь, — что западная цивилизация очнется и не обречет сама себя на поражение. Вне зависимости от того, каким будет окончательный исход ведущейся войны, она протянет еще долго, а исход не предрешен заранее».

Под вывеской «11 сентября» растет уже довольно обширная многоязычная библиотека. Среди множества накапливающихся в ней текстов мое внимание обратил очерк Мартина Круля «Враг в либеральном мире» («**Res publica nova**», 2002, №4). Автор пишет:

«После 11 сентября 2001 г. началась III Мировая война. Мы по-прежнему не знаем, как она пойдет, каковы будут ее последствия, кто после нее останется, а кто погибнет, какие идеи победят, а какие найдут себе могилу».

Продолжая свои рассуждения, автор обращает внимание на тот факт, что одно, по-видимому, несомненно: сложившаяся ситуация бросает вызов либеральной мысли — фундаменту западной цивилизации:

«Трудности возникают уже просто на практическом уровне. Американцы, как мы знаем, изменили мнение насчет того, относиться ли к захваченному противнику по правилам Женевской конвенции. Первый порыв: рассматривать их не как военнопленных, а как «зверей» (вот и посадили их в клетки) — по сути дела согласовывался с либеральной логикой в условиях войны. Но, с другой стороны, и талибы — люди, и в результате под давлением общественного мнения американцы признали не-людьми только членов «аль-Каиды», т.е. террористов. Однако война-то объявлена террористам — значит, они в первую очередь и должны подпадать под положения Женевской конвенции, но не подпадают, потому что они чужаки, не люди. Теперь видно, что сама Женевская конвенция писалась в расчете на нужды долиберальных времен. Зато куда труднее ответить на вопрос, что сделать с врагом, если мы начнем думать о возможном мире, т.е. об окончании войны, которое когда-то должно наступить».

Круль рассматривает два сценария: «Первый был бы похож на тот, который с недавних пор все чаще обсуждают в Израиле в отношении палестинцев (...): раз с врагом никоим образом не дойти до примирения, а полностью ликвидировать (т.е. попросту уничтожить) его тоже нельзя, то, значит, надо отнестись к нему как к дикому зверю (ну, разумеется, прямо так никто не говорит) и запереть в зоопарк. (...) Выстроить для чужаков анклав. (...) Это, конечно, влечет за собой нарушение почти всех прав человека и, главное, не означает традиционного окончания войны (...), принося лишь решение внутренних проблем либерального мира и спасение от опасности. Второй сценарий: раз мирные переговоры исключены, то в какой-то момент принимается решение, что враг истреблен, война кончается, и все возвращается на круги свои. И все было бы в порядке, а мы могли бы, как и прежде, жить в либеральном мире. (...) Однако, вероятно, никто не питает иллюзий относительно того, что (...) терроризм в стиле Гаврилы Принципа или похищения Альдо Моро, терроризм «с человеческим лицом», можно ограничить и подчинить. Этому противоречит многое, прежде всего упоминаемые почти всеми комментаторами новые технологические возможности, которые вынуждают к реакции полицейского характера, к ограничению свободы во имя защиты свободы. (...) То есть по сути дела либеральный мир не вернется к старым добрым временам, он должен будет вечно оставаться бдительным, а секретные службы станут верховным и самым нужным органом власти. (...) Упрощенно говоря, либеральный мир стал перед выбором: или он будет применять полицейские методы вовне, или внутри. Надо полагать, что он все-таки выберет первое решение. Но что из этого воспоследует для либеральной теории?»

На этот вопрос не дашь простого ответа. К тому же Круль — пожалуй, неисправимый оптимист: я подозреваю, что будут применены оба решения, по крайней мере в начале того «нового мира», который появится в результате обсуждаемой войны. К такому выводу склоняет и чтение обширного эссе Петра Бальцеровича, востоковеда из Варшавского университета, — «Фронт террора против терроризма» в следующем, 5-м номере того же журнала. В нем мы читаем:

«Емкость лозунга «борьбы с терроризмом» доказывает, что те, кто пользуется им в СМИ, описывают совершенно разные явления и применяют это понятие к разным контекстам, а коалиция по борьбе с «международным терроризмом» основана на логической ошибке равноназывания: движения и группировки, которые по разным причинам стремятся к переменам в том или ином регионе, подтягиваются под один и тот же знаменатель как террористические организации, дестабилизирующие мир. Тем самым становятся оправданными любые действия, направленные на их уничтожение».

Последствия этого резко ощутимы: «Во многих западных странах, которые гордятся званием колыбели демократических идей, введены антитеррористические законы, ограничивающие гражданские свободы и права человека. Они включают особые полномочия спецслужб, в том числе облегчают применение подслушивания и слежки; возможность высылки из страны эмигрантов, подозреваемых в сотрудничестве с террористическими организациями, тайным административным решением, т.е. без приговора суда; возможность длительного содержания под стражей, лиц, подозреваемых в терроризме. Введение тщательного пограничного контроля по национальному критерию, включая обязательный контроль граждан арабских и

других мусульманских государств, — это откровенно расистский шаг. (..) Давно уже стало нормой, что общаться через Интернет со знакомыми в КНР весьма сложно. (...) Но крайне удивляет то, что огромная доля сайтов, посвященных ближневосточной, арабской проблематике или, шире, исламу, уже много месяцев недоступны, хотя отнюдь не проповедовали терроризм, разве что были не слишком благосклонны к американскому правительству. (...) В то же время власти США и государств коалиции не скрывают, что репортажи журналистов с афганского фронта не независимы, а информация проходит выборочно. Таким образом под видом демократии и борьбы с терроризмом на общества всего мира накладывают цензурные пути. (...) Более подробный анализ действий, предпринимавшихся в последние месяцы под флагом борьбы с терроризмом, показывает, что защита основополагающих ценностей стоит на заднем плане, а антитеррористическая кампания в действительности служит предлогом для расчистки собственного двора и цинически используется не только крупными державами. Идея борьбы с терроризмом стала оправданием жажды осуществить собственные грезы о могуществе. Сложившаяся ситуация показывает, что террористы одерживают победу. Это горькая констатация».

Бальцерович заканчивает замечаниями личного порядка: «У меня есть друзья в Африке, Китае, Афганистане и арабских странах, и я не хочу внезапно оказаться в их глазах представителем враждебного, имперского, неокOLONиального «антитеррористического» пакта. Меня не удовлетворяет картина разделенного мира, теперь по новым критериям. Я уже жил в такой действительности. (...) Не подлежит сомнению, что терроризм — смертельная угроза жителям земного шара, но еще и потому, что под предлогом терроризма на международной и внутренней арене творятся такие вещи, которые представляют собой угрозу правам человека и миру в мире. А ее жертвой — после того как перебьют всех террористов — станет «глобальная деревня»... Полицейская».

Как мы видим — и, наверное, не только в польских комментариях к событиям после 11 сентября, — перед нами не только попытки серьезного анализа, но и риторические показательные выступления, вспышки эмоций, где цинизм сплетается со «святой простотой». В конце концов, к чему какие-то «картины разделенного мира», если мир всегда так или иначе делился, всегда в нем были «свои» и «чужие». Вопрос в том, как относиться к этим разделениям. Я пока что скорее убежден в правоте Ядвиги Жилинской, особенно в правоте замечаний престарелой писательницы насчет неверного применения к налетчикам 11 сентября ярлыка «террористов». Этот ярлык им действительно не подходит, а его применение ведет к описанным Бальцеровичем парадоксам, к которым несомненно следует причислить и раздавшийся сразу после нападения хор голосов «столь далеких друг от друга лидеров, как Джордж Буш и Владимир Путин, президент Пакистана генерал Первез Мушарраф и премьер-министр Индии Атал Бехари Ваджпайи, Папа Иоанн Павел II и аятолла Али Хаменеи, Ясир Арафат и Ариэль Шарон». Дальнейшее развитие событий, похоже, подтвердило неприменимость этого термина: отстояние этих лидеров друг от друга в основном стало таким же, каким было до 11 сентября. Но мир таким же не стал. Однако — и это, может быть, грустно — мир не знает нормы.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✿ В здании варшавской Национальной библиотеки появились вмурованные таблички с фамилиями жертвователей, которые своими дарами и финансовой поддержкой способствовали пополнению фондов библиотеки. У подобной благотворительности в Польше богатые традиции — вспомним хотя бы кирпичики, вмурованные в крепостную стену краковского Вавеля, с фамилиями тех, кто после I Мировой войны своим участием помог восстановлению старинного замка польских королей.

✿ Звание «Человека года» «Газета выборча» присудила Йошке Фишеру, вице-канцлеру и министру иностранных дел Германии. В обосновании говорится, что это звание присуждено «за жизненный путь, верность таким ценностям поколения 1968 года, как свобода, демократия, открытое общество, права человека, а также за отмежевание от ошибок молодости. За ясно высказанное утверждение, что «национализм — самая большая опасность для Европы», за вклад в немецко-польские отношения — за умение уравнивать взгляд в будущее с памятью о прошлом». Принимая награду, приехавший в Варшаву Йошка Фишер, в частности, сказал: «Для меня большая честь получать такую награду именно здесь, в Варшаве (...) То, что ваш выбор пал на немца [предыдущими лауреатами были Вацлав Гавел и Сергей Ковалев], показывает также, как радикально изменилось к лучшему отношение Польши к Германии. Чтобы иметь возможность этому способствовать, стоило переходить на джинсы и кеды лишь в свободное время».

✿ В Кракове прошли 2-е Тишнеровские дни — в память о скончавшемся два года назад о. Юзефе Тишнере, профессоре, философе и необыкновенном человеке. Бывшие коллеги называли его философом надежды. «Он учил, — сказал проф. Тадеуш Гадач, — как защищаться от глупости. Он умел показать, что мыслить — это огромное удовольствие. Его чуткость позволяла ему верить, что святость сначала заложена в человеке и только потом — в институтах».

✿ В связи с предстоящим открытием в Варшаве Музея евреев в Польшу прибыл министр иностранных дел Израиля Шимон Перес. Музей разместится на территории, прилегающей к памятнику Героям гетто, его экспозиция будет иллюстрировать 800 последних лет жизни еврейского народа, история которого так тесно связана с Польшей. Состоялось также вручение наград за работы, премированные на молодежных конкурсах «На общей земле» и «История и культура польских евреев».

✿ В варшавской Киностудии документальных и художественных фильмов президент Александр Квасневский торжественно открыл киношколу, о создании которой говорили давно. Авторы замысла и основатели киношколы — Анджей Вайда и Войцех Марчевский, а среди ее постоянных преподавателей — Эдвард Жебровский и Марцель Лозинский. О желании сотрудничать с киношколой заявили почти все выдающиеся польские кинематографисты во главе с Кшиштофом Занусси и Агнешкой Холланд. К занятиям на первом курсе приступили 12 студентов.

❁ Делегаты чрезвычайного съезда Объединения польских кинематографистов, встревоженные финансовым кризисом, который может привести к полному краху польского кинопроизводства, направили отчаянное письмо в Сейм, Сенат, правительству и президенту, призывая, в частности, «следовать принятым в Евросоюзе стандартам поддержки национальных кинематографий; принять, наконец, новый закон о кинематографии; законодательно наложить на телекомпании, работающие на польском рынке, обязанность участия в совместном производстве польских фильмов». Однако, как стало известно, в этом году, несмотря на финансовые трудности, все же состоится Фестиваль польских фильмов в Гдыне (как всегда, в сентябре). На него заявлено около 20 кино- и телефильмов.

❁ На состоявшемся в Варшаве Международном конгрессе европейского кино обсуждались проблемы кинематографии в Старом Свете, место которой на рынке все сокращается. В обращении, принятом в заключение конгресса, говорится: «В Европейском союзе 376 млн. жителей. А вскоре их станет свыше 435 миллионов, и он превратится в самый богатый кинозал мира. Позвольте же нам делать фильмы для этого кинозала (...) предоставьте правовые и системные инструменты, позволяющие нам участвовать в честной конкуренции на аудиовизуальном рынке... [условия], создающие возможности постоянного, защищенного от опасности со стороны политических или экономических факторов развития как европейской кинематографии в целом, так и национальных кинематографий, составляющих ее культурное разнообразие».

❁ Тем временем единственная за последнее время польская (пусть лишь отчасти) премьера художественного фильма состоялась в Каннах. Это фильм Романа Полянского «Пианист», награжденный «Золотой Пальмовой ветвью». Несколько лучше обстоят дела на телевиде-

нии. Отметим два документальных фильма. Один из них, получивший премию на люблинском фестивале «Перепутья Европы» фильм Яна Сосинского «В поисках утраченных лет», в очередной раз затрагивает тему польско-еврейских отношений, представляя собой еще одну попытку порвать со стереотипами; второй, документальный фильм Анджея Титкова «Весьма внушительный Апокалипсис», посвящен Тадеушу Конвицкому.

❁ Варшавский театр «Вспулчесный» («Современный») подготовил спектакль по роману Тадеуша Конвицкого «Вознесение», опубликованному 35 лет назад. Автор инсценировки и режиссер спектакля Мацей Энглерт перед премьерой сказал: «...мне кажется, что это произведение приобретает сегодня иное, еще более универсальное значение. В конце концов от ПНР остался не только Дворец культуры, но и наши запутанные биографии, а прежде всего потерянное самосознание».

❁ В краковском Старом театре прошла одна из важнейших премьер нынешнего театрального сезона, занявшая два вечера: Кристиан Люпа поставил свою инсценировку «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова. Один из известнейших современных режиссеров обратился к роману, который в Польше признан самым выдающимся литературным произведением XX века. «Принципиальная разница, — пишет рецензент «Газеты выборчей» Марек Микос, — между оригиналом и основанном на нем спектаклем заключается в подходе к абсурду. Булгаков показывает абсурд как результат потери смысла. Люпа абсурд утверждает». Эта логика абсурда стала главным мотивом спектакля Люпы.

❁ В Варшаве в возрасте 76 лет скончался Бронислав Павлик, выдающийся актер театра и кино (игравший в кинофильме «Мишка» и в самой, пожалуй, популярной некогда детской передаче польского телевидения «Мишка в окошке»).

❁ Крупным торжественным мероприятием стала установка на крыше здания варшавского Большого театра воссозданной по старинным образцам квадриги с четырьмя конями, везущими восседающего на колеснице Аполлона. Майским утром толпы варшавян пришли на Театральную площадь, в очередной раз продемонстрировав, как интересны им начинания по украшению их города.

❁ Безусловным победителем, получившим самую серьезную польскую премию в области звукозаписи, присуждаемую по десяти с лишним номинациям, — статуэтку Фридерика — стал скончавшийся несколько месяцев тому назад лидер группы «Республика» Гжегож Чеховский, награжденный как композитор, продюсер и автор музыки к фильму «Ведьмак». Можно говорить о большом успехе певца Марека Грехуты, награжденного за все творчество в целом и восторженно встреченного публикой. Самым лучшим зарубежным альбомом признан альбом Леонарда Козна. Но критики считают, что эти награды ничего не сулят польской промышленности звукозаписи, ибо среди номинаций отсутствовали молодые авторы и свежие идеи. «Это отсутствие дебютов, — пишет рецензент, — вовсе не результат робости молодого поколения музыкантов; наоборот, хорошая музыка есть, только почти никто ее не издает».

❁ В варшавской Национальной филармонии состоялось первое исполнение «Варшавской мессы» Анджея Курyleвича, написанной еще в 2000 г. по заказу властей столицы. Хором и оркестром филармонии дирижировал Антоний Вит.

❁ В нью-йоркском Карнеги-холле прошла мировая премьера Концерта для фортепиано с оркестром Кшиштофа Пендеревского. Солировал Эммануэль Акс. Это первое сочинение для фортепиано в творче-

ском багаже композитора, мировую славу которому принесли оркестровые и хоровые сочинения и концерты для струнных инструментов с оркестром. Фортепьянный концерт называется «Воскресение», его польская премьера запланирована на фестиваль современной музыки «Варшавская осень».

❁ В Варшаве, по всей Польше и за ее пределами артисты эстрады стихийно организуют концерты, сборы от которых предназначены на операцию Яцеку Качмарскому, польскому барду периода «Солидарности» (см. предыдущий номер «Новой Польши»), тяжело больному раком.

❁ Большим количеством мероприятий, организованных в самых разных местах Польши, было отмечено 50-летие выхода в эфир радиостанции «Свободная Европа» на польском языке. Первая передача из Мюнхена прозвучала 3 мая 1952 года, и с тех пор такты мелодии «Здравствуй, майская заря» были для миллионов польских слушателей символом свободы и независимости. В 1994 г. польская секция радио «Свободная Европа» закончила свое вещание, но память о ней по-прежнему жива. В юбилейных торжествах приняли участие ее первый директор Ян Новак-Езёранский, а также те, кто многие годы был связан с этой заслуженной радиостанцией.

❁ В подвальных помещениях храма Варшавской семинарии открылась необычная выставка икон XVIII-XIX веков. Большинство этих икон написаны провинциальными мастерами и ныне находятся в частных собраниях. «Подумать только, — сказал автор замысла выставки, священник и искусствовед Михал Яноха. — Этим иконам по 200-300 лет. Они происходят из России и с Украины. Если принять во внимание новейшую историю, то просто чудо, что они сохранились!»

❁ «Шокировать — специальность Катажины Козыры, — пишет в корреспонденции из Нью-Йорка журналистка газеты «Жечпосполита». — Ей удалось сделать это и во время своей первой нью-йоркской выставки». Выставка состоит из видеоинсталляций «Мальчики» и «Наказание и преступление», относящихся к последним работам художницы. «Я хотела показать, как завораживает людей разрушительная сила», — сказала художница о второй своей работе.

❁ На открывшейся в варшавском Национальном музее выставке «Шедевры персидского искусства из польских собраний» представлено великолепное восточное искусство, оказавшее огромное влияние на формирование вкусов поляков в стародавние времена. Однако оно напоминает и о некоторых «идеологических» аспектах: ссылаясь на свое «сарматское» происхождение, польская шляхта нередко отрешивалась от западноевропейских нравов, отыскивая далеких предков в древней Персии. Что-то нам это сегодня напоминает...

❁ «Бурная жизнь хамелеона» — так называется написанная Эвой Зажицкой-Берар захватывающая биография Ильи Эренбурга. «Для Сталина, — пишет автор, — Илья Эренбург был главным манипулятором в кругах европейской левой интеллигенции. Ему помогало в этом знание Запада, дружеские отношения, незаурядное политическое чутье». Добавим: быть может, поэтому ему и удалось в те годы остаться в живых.

❁ Польское братство кавалеров Гутенберга организовало очередное большое мероприятие для читателей под названием «Библиомания». Братство объединяет тех, кто связан с полиграфией и родственными ей отраслями. В него входят также политики, деятели культуры, представители финансовых кругов, духовенства и ученые. «Библиомания» нынешнего года была обращена прежде всего к самым юным, ибо от них зависит будущее книги во всем мире. В программе мероприятия было множество концертов, игр для детей и юношества, совместное чтение сказок, встречи с авторами, конференции и лекции, смотры творчества самых юных, конкурсы и, главное, конечно, книги, которые в течение пяти подряд уик-эндов царили в Варшаве.

❁ Международная книжная ярмарка 2002 г., хотя и более скромная, чем в прежние годы, снова привлекла в варшавский Дворец культуры и науки толпы посетителей и покупателей. Однако Польская книжная палата уже внесла проект коренной реформы варшавской книжной ярмарки с целью превратить ее в мероприятие, быть может, менее зрелищное, но включающее в себя ярмарку агентов, которые будут заключать договора по авторским правам, что может оказаться полезнее как для издателей, так и для авторов.

❁ В списках польских бестселлеров вот уже долгое время лидирует Катажина Грохоля — ее «Сердце на перевязи», «Никогда в жизни», «Прощение о любви» занимают места в первой пятерке. От наступления женского авангарда храбро защищаются только Чеслав Милош (новый сборник стихов «Другое пространство») и Павел Хюлле («Мерседес-Бенц. Из писем к Храбалу»).

Катажина К. Гарdziна

КАК ОБЫЧНО — НЕОБЫЧНО *«Евгений Онегин» в Варшавской камерной опере*

Варшавские меломаны еще не опомнились от прошедшей с громким успехом премьеры «Евгения Онегина» в варшавском Большом театре, а Варшавская камерная опера уже преподнесла им совершенно другую постановку той же оперы. Редкое совпадение: два столичных музыкальных театра почти в одно и то же время поставили одну и ту же оперу, что бурно обсуждали и публика, и журналисты. Зрители получили возможность сравнить масштабную постановку Мариуша Трелинского на большой сцене Национальной оперы с весьма камерным спектаклем в ВКО.

Замысел постановки «Онегина» на маленькой сцене ВКО принадлежит Санкт-Петербургскому скрипачу и педагогу Валентину Стадлеру. В 2000 г., находясь в Варшаве, он предложил директору ВКО Стефану Сутковскому обратиться к истокам сценической жизни «Онегина». Речь шла о самом первом исполнении оперы, которое состоялась 17 марта 1879 г. в московском Малом театре и было подготовлено, как того и желал композитор, силами Московской консерватории. Как пишет в программе Сергей Валентинович Стадлер, готовивший спектакль, «Чайковский очень боялся присутствующих в больших оперных театрах тяжелых bestолковых интриг, старомодной безвкусицы и бездарности».

— Это заставило меня серьезно задуматься, — говорит Стефан Сутковский, — а тем временем я пригласил Сергея Стадлера на наш Моцартовский фестиваль в качестве дирижера и скрипки-соло на исполнение «Хаффнер-серенады». Эта первая встреча обернулась тесным сотрудничеством и решением вернуться к «корням» «Евгения Онегина».

Сергей Стадлер вновь приехал в Варшаву осенью прошлого года. Прошли прослушивания солистов, из которых были созданы три состава ис-

полнителей, и прослушивания двух оркестров: Варшавского малого симфонического и камерного оркестра ВКО. С ними Стадлер подготовил три премьеры оперы (26, 27 и 28 апреля, повторенные затем 29-30 апреля и 1-2 мая). Ставил спектакль режиссер Рышард Перыт, декорации и костюмы — Анджея Садовского в сотрудничестве с Марленой Сконечко, хореограф спектакля — Романа Ангеля, хором управлял Рышард Зимак.

В своем спектакле Стадлер и Перыт стремились передать атмосферу первого представления оперы. Этому способствовали небольшие размеры театра, молодость и очарование исполнителей главных ролей, простые декорации и выдержанные в стиле XIX века костюмы. В трех разных составах выступили как ведущие солисты ВКО, так и специально приглашенные на спектакль молодые певцы — лауреаты вокальных конкурсов и даже студенты. У нескольких это было первое выступление на оперной сцене, и оказалось, что в Польше нет недостатка в свежих талантах.

Чайковский так писал об Онегине: «Я написал эту оперу потому, что в один прекрасный день мне с невыразимой силой захотелось положить

на музыку все, что в Онегине просится на музыку. Я работал с невыразимым увлечением, я таял и трепетал под невыразимым наслаждением, когда писал ее. Я буду рад и счастлив, если у слушателей будет отзываться хоть малейшая доля того, что я испытывал, сочиняя эту оперу».

Эти живые, горячие чувства, содержащиеся в музыке Чайковского, прекрасно удалось передать артистам ВКО. Режиссер — как обычно, необычно используя маленькое пространство театрального зала — позволил зрителям приблизиться к героям оперы почти на расстояние вытянутой руки. Поэтому, когда Татьяна (Ольга Пасечник) пишет на просцениуме письмо Онегину и плачет настоящими слезами, публика растрогана до глубины души и переживает первую любовь героини вместе с ней. Так же близко к публике поставлен и Гремин (Рафал Сивек) со своей арией и Татьяна с Онегиным (Анджей Климчак)

в драматическом дуэте финала оперы. Все происходит под написанным на деревянной стене образом Христа.

Все три состава, в том числе и самые молодые дебютанты, такие, как Рафал Бартминский (Ленский), Марта Выломанская (Татьяна), Моника Ледзён (Ольга), Дариуш Гурский (Гремин)

или талантливый баритон Артур Рутинский дали своим героям подлинные живые чувства.

Перед премьерой зрители недоумевали: как в таком зале получатся массовые сцены: хор и танец жнецов, бал у Лариных и знаменитый полонез 3-го акта? Оказалось, что, разместив часть хора на боковых просцениумах и оптически «увеличив» сцену с помощью зеркал в

сцене бала, на ней удалось показать даже полонез, который танцевал... хор.

Сельскую атмосферу, напоминавшую романы Тургенева или рассказы Чехова, создал хор девушек, поющих под яблоней.

Оказалось, что в Варшаве не только не было недостатка в публике на двух «Онегиных» (в Большом театре и в ВКО), но и на все семь спектаклей в ВКО не хватило даже контрамарок. Будем надеяться, что после «Онегина» польский музыкальный театр обратится и к другим сочинениям русского репертуара, в последнее время редко гостившего на наших сценах.

(...)

Дружба поляков и россиян важна с тактической точки зрения: полезны экономические связи, отрадны для души и высокодуховные культурные отношения.

Но наиболее значимы отношения глобального порядка, способствующие выработке цивилизованных политических отношений между странами нашей планеты. Взаимопонимание между славянскими народами важно потому, что за прошедшие века в славянских странах менее всего разбужена непримиримая уродливая гордыня превосходства этих стран над другими. Кроме того, славянские страны обладают высокой духовностью и в перспективе они способны объединиться, чтобы повести за собой все страны мира по пути предотвращения ПОСЛЕДНЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

(...)

При общении наших стран не следует осуждать или одобрять патриотизм Мицкевича или Пушкина, т.к. это способствует не сближению, а разъединению народов, которые не так блестяще эрудированны и в литературном отношении. Есть мудрая русская поговорка: кто старое помянет – тому глаз вон.

(...)

*Титов Ю.А.
Москва, март 2002*

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

Р.Яроцкий о Петре Слонимском

Г.Пшебинда о Михаиле Хайфеце

Я.Гослицкий о Станиславе Бжозовском

К.Бурнетко: Газетный киоск

Л.Бальцеревич о будущем Европы

М.Клецель: Лукасинский в Шлиссельбурге

Р.Пшибыльский об И.Бродском и А.Ахматовой

Я.Стшалка беседует с Анджеем Вайдой

К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия

Наши люди: Яцек Возняковский

Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, П.Слонимский, З.Рыбчинский,
А.Холланд, В.Скальмовский, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского и др.

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой,

Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»

Допущен к распространению на территории Российской Федерации решением
Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и
средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации
ПИ № 77-1063 от 3 ноября 1999 года)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ЖУРНАЛЫ,
ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ

РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША:

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи о издательском деле, анонсы, библиографии.

НОВАЯ ПОЛЬША

Новый ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

OWYTYCZKA ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, ее теории и практике. Выходит раз в две недели.

L I T E R A T U R A na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений иностранных авторов.

Biblioteka Narodowa. Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%